

БИБЛИОТЕКА РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
Пензенское региональное отделение

Юрий БЫКОВ

ГЕОГРАФИЯ ВРЕМЕНИ

Повести и рассказы

Москва, 2016

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
Б 95

Б 95 Быков Ю. География времени / Повести и рассказы. - М.: Русский литературный центр, 2016. - 224 с. (Библиотека Русского географического общества)

«География времени» приглашает нас в путешествие по России разных эпох. Герои рассказов Юрия Быкова вынуждены решать сложные моральные и этические задачи, свойственные не только отдельным историческим периодам, но и современному обществу. Исторические и фантастические путешествия в этом сборнике — мастерски исполненный художественный прием, применяемый в каждом рассказе по-своему. Рассказы объединяются общей идеей познания Мира, истории России, духовных истоков и нравственных основ современного общества.

Литература, хорошая, талантливая проза обладает удивительной магией — дает читателю возможность примерить на себя и плащ былинного героя, и гоголевскую шинель.

Так и с героями рассказов Юрия Быкова путешествуя по России разных исторических эпох, вплоть до фантастической — параллельной реальности мы можем без риска для жизни и вреда для окружающих представить себя «в предлагаемых обстоятельствах».

ISBN 978-5-00014-150-2

© «ГОСП».

© Национальное агентство по печати и СМИ
«Русский литературный центр».

© Общественный совет «Потенциал нации».

© Юрий Быков.

Слово редактора

Давно ушла в прошлое эпоха великих географических открытий, когда отважные путешественники исследовали новые земли, давали имена островам, морям и континентам. В наш век интерната, системы ГЛАНАС и космических спутников-шпионов можно рассмотреть в деталях любой уголок планеты, не выходя из комнаты. Сидя за монитором компьютера, можно посетить любую выставку, увидеть ледники Эльбруса и вулканы Камчатки.

Но люди продолжают путешествовать, писать и читать об этом рассказы, романы, да просто выкладывать путевые заметки и фото в сети интернета. Зачем?

Ну, наверное, из любопытства.

Путешествие — это лучший способ познания себя. Да-да, именно себя — своих возможностей преодолеть трудности, собственные комплексы и недостатки. Не только физические трудности — в покорении горных вершин с рюкзаком или горных рек на плотах — такой туризм доступен не многим. А вот просто побывать в чужих краях и странах, пообщаться с людьми другой непонятной культуры, своими руками пощупать античные камни Тавриды или горячие камни камчатских вулканов, или холодные льды Арктики.

Читают о путешествиях тоже из любопытства. Мир меняется стремительно, и нам всегда любопытно узнать, так ли, как прежде живут, например, оленеводы Восточной Сибири, что изменилось и что же осталось со времен Ярослава Мудрого и Марфы-посадницы в древнем Великом Новгороде.

В общем, чтение — это лучший способ познания Мира. Какой смысл в поездке, если ты даже не знаешь истории, мифов, легенд и героев тех мест, которые ты посетил. От таких путешествий останутся только магнитик на холодильнике, селфи без лайков да пляжный дырявый матрас.

Вот и получается, что лучшее путешествие — это путешествие с книгой, путешествие по следам любимых исторических или литературных героев, по местам великих свершений.

Путешествие с книгой — это настоящее расширение горизонтов, открытие собственного Мира и осознание своего места в нем.

А иногда, если книга попадется интересная, то открытия могут поджидать и в путешествиях по местам уже знакомым, даже по улицам родного города. Прочитаешь исторический рассказ или мемуары и уже совсем иначе смотришь на знакомый с детства, ничем не приметный вроде бы дом или сквер. И уже представляешь себя на том же самом месте, но уже в другую эпоху, в другие времена, переносишься на двести или двадцать лет назад, чтобы представить, увидеть почти наяву события, придуманные или воссозданные автором недавно прочитанной книги.

Вот в такие путешествия приглашает нас писатель Юрий Быков — путешествия во времени. Мы вместе с героями можем попасть в Древний Кенигсберг времен императрицы Елизаветы Петровны и пообщаться с отцом философии Кантом или, не сходя с места — «На углу у Главпочтамта», увидеть Москву в древности, в начале XX века, во времена НЭПа и Сталинских чисток. А можем просто отпраздновать сессию со студентами эпохи застоя, для кого-то вроде бы совсем недавней и любимой, а для кого-то уже далекой эпохи бабушкиного детства.

В каждом из рассказов автор создает для нас новый мир, в котором благодаря собственному воображению может оказаться читатель, чтобы узнать что-то важное не столько о людях той эпохи сколько о себе.

Литература, хорошая, талантливая проза обладает удивительной магией — дает читателю возможность примерить на себя и плащ былинного героя, и гоголевскую шинель.

Так и с героями рассказов Юрия Быкова путешествуя по России разных исторических эпох, вплоть до фантастической — параллельной реальности мы можем без риска для жизни и вреда для окружающих представить себя «в предлагаемых обстоятельствах».

**Александр Чистяков,
Главный редактор серии «Библиотека РГО»,
член Русского географического общества,
член Союза писателей России.**

Мясницкая, напротив Почтамта

Часть 1

1

Поднимаясь в квартиру, Софья Дмитриевна из последних сил боролась со сном. Впрочем, более чем боролась, она истомно его предвкушала, - зная, что совсем скоро ощутит шелковистую прохладу постельного белья и подушка, дохнув ароматом, упруго промнётся под головой и всё закружится на секунду, а потом настанет что-то неясное и счастливое - этот упоительный сон без сновидений.

В прихожей, как только горничная, приняв её шубку и пальто мужа, удалилась, Алексей Арнольдович обнял Софью Дмитриевну сзади и поцеловал в шею, под прическу. Побежавшие по спине мурашки, сладковатый запах сигары с коньяком, показалось, взбодрили, и она решила, что надо бы ответить мужу лаской. «Да, да, обязательно надо... Но что же это так кресло притягивает? Я сейчас... Только посижу немного...»

Проснулась Софья Дмитриевна через пару часов, разбитая, усталая. Позвала:

- Глаша! Помоги!
- Иду, барыня!
- Где же Алексей Арнольдович?
- Так с визитами поехали. Нынче ж первое число.
- Ах да! Бедный... бедный...

Выбравшись из пышного платья и лёжа уже в кровати, она несколько минут не могла уснуть, огорчённая тем, что не случился у неё тот желанный сон, и теперь уж, наверно, не случится, а то, что ей явилось вместо, было чем-то серым и душным, как тёплый туман.

Вскоре ей привиделся ротмистр Яковенко, который, голубоглазо сияя, изрекал безыскусный каламбур: «Предвкушать бывает слаще, чем вкушать». И это было именно так, хотя ротмистр ничего иного, кроме женщин, иметь ввиду не мог.

Потом Софья Дмитриевна торопливо шла по Неглинной, испытывая отчаяние: на домах, если и попадались, то только зелёные билеты - те, что говорили о сдаче в наём комнат, и ни одного красного, предлагающего квартиру. Тут же вполне закономерно появилась Вера Николаевна; переливая, как всегда,

букву «л» в букву «в», она жаловалась «говубушке Софье Дмитриевне», до чего трудно сейчас нанять квартиру. Вот им с мужем удалось найти только из пяти комнат, а где содержать прислугу? Можно ли обойтись без гостиной, столовой, спальни и кабинета? Ну да, у них нет детей и можно обойтись без детской, но все равно... безобразия!

Им с Алёшей тоже пока Бог детей не дал... Но они молоды, и всё ещё впереди... Она увидела Алексея Арнольдовича, который стоял в вицмундире перед огромным зеркалом в их спальне и подкручивал усы. Они у него острые на концах, а перед этим завиваются в тугие трубочки. Щекочут всегда, но не колются. Да, не колются... Софья Дмитриевна любила мужа.

Она открыла глаза: Алексей Арнольдович целовал её в щёку.

- Ты вернулся? - улыбнулась она. - Который час?

- Семь вечера.

- Как я тебе сочувствую! После бессонной ночи весь день на ногах!

Софья Дмитриевна села в кровати, окинула себя в том самом огромном, в массивной оправе зеркале, перед которым ей только что снился муж и которое досталось им от прежних хозяев квартиры. «Немного веки припухшие. А так ничего - глазки блестят, щёки со сна румяные, волосы ещё не развились, лежат колечками на плечах...» Оставшись собою довольна, она подумала о зеркале: «Ему совсем не место в спальне. Сказать, чтоб перевесили в гостиную. Или прихожую». И вернулась к разговору:

- Откуда взялась эта нелепая традиция: непременно первого января носить визиты начальству?

- Не нами придумано, не нам и отменять, - сказал Алексей Арнольдович, устало погружаясь в кресло. - Сейчас минутку передохну и переоденусь.

- Не торопись. Мне нравится, когда ты в мундире.

Статный, с двумя орденами - Анны и Станислава - Алексей Арнольдович, конечно, был хорош. Особенно привлекало его лицо, которое удивительно сочетало в себе мягкость и волю. Было оно крупное, вытянутое, скуластое, с бороздами-складками, бегущими от крыльев носа под холёные усы, и светлым взглядом улыбчивых глаз.

- И все-таки, Алёша, согласишься: эти визиты с обязательным чаепитием необычайно докучливы для обеих сторон! Хорошо лишь прислуге: полтинник швейцару, рубль лакею - так ведь, кажется?

- Ты прекрасно осведомлена, Софи.

- Ты сам мне рассказывал о расходах «на вход». Право, Алеша, почему бы тебе не делать так, как теперь некоторые поступают: вместо отдачи визитов объявляют через газету о пожертвовании денег на благотворительность.

- Новшество, о котором ты говоришь, далеко не каждому начальнику по душе.

- И ты, конечно, в их числе, - вздохнула Софья Дмитриевна.

- Увы, - улыбнулся Алексей Арнольдович.

- Нашим визитёрам назначено после восьми. А чтобы ты не слишком огорчалась - вот, - он вынул билет из плотной белой бумаги. - Приглашение на Предводительский бал в Благородном собрании...

Через мгновение Софья Дмитриевна уже стояла перед мужем, вчитываясь со счастливым лицом в приглашение.

2

На следующий день Софья Дмитриевна проснулась в привычный свой час, когда муж обычно уже бодрствовал. Однако, Алексей Арнольдович продолжал тихо спать, закинув за голову руки. Было очевидно, что после вчерашних испытаний скоро он не проснется, поэтому Софья Дмитриевна распорядилась подать себе кофе. В ожидании завтрака она подошла к окну.

Взгляд, как всегда, потянулся к Меньшиковой башне. Золотом светился её шпиль, похожий на чалму или на пламя свечи - разные сравнения бытовали. С высоты третьего этажа целиком был виден верхний ярус с белыми пилястрами, выкрашенный в нежно-розовый цвет. На солнце казалось, что цвет этот - не краска, а кусочек нерастаявшей зари, и вся башня была какая-то снежная, ясная, как сегодняшний морозный день.

А ещё пару лет назад она не могла видеть ни это чудо, ни саму красавицу-Москву, хотя она ей родной город. Отсюда семейство её после смерти отца перебралось в Саратов, под опеку дядюшки, брата её матери. Софье Дмитриевне было тогда... два года от роду. Ну, а дальше всё, как у всех девочек её круга: беззаботное детство, не слишком усердное, а потому, наверно, и обременительное обучение в гимназии, замужество. Софья Дмитриевна не была бесприданницей: дядя её, Николай Всеволодович, человек состоятельный и одинокий, возглавил семейство своей несчастной сестры и стал её детям отцом. Он же и о женихе позаботился. Им стал губернский чиновник Алексей Арнольдович Бартеньев, имевший в свои тридцать с небольшим чин коллежского асессора и Станислава в петлице. Способности его были,

безусловно, незаурядны, а потому назначение в Москву, состоявшееся через год после женитьбы, выглядело вполне обосновано. Хотя не обошлось тут и без протекции, составленной всё тем же Николаем Всеволодовичем. Старик, конечно, всплакнул, отправляя свою любимицу в Первопрестольную, но не поколебался в уверенности, что живать Софьюшке и в самом Санкт-Петербурге.

По приезде в Москву Софья Дмитриевна и Алексей Арнольдович остановились в гостинице, рассчитывая в скором времени отыскать себе жильё - им было и невдомек, что нанять квартиру стоит больших трудов. Те мытарства иногда даже снятся Софье Дмитриевне в нехороших снах. Кто знает, сколько бы ушло на это времени, если б один из коллег Алексея Арнольдовича, выходя в отставку, не решил съехать с квартиры. Её-то он, так сказать, и передал из рук в руки Бартеньевым.

Квартира оказалась просторной - из шести комнат, и необычайно удобной - с электричеством, газом, водопроводом и канализацией. Правда, в подаче воды случались перебои, и время от времени засорялась канализация. Но так было и в других немногочисленных домах, приобщённых к благам цивилизации. Алексей Арнольдович прочитал недавно Софье Дмитриевне заметку в «Московских ведомостях»: рабочие при устранении засора извлекли из канализационной системы цепь мирового судьи. Оба долго смеялись. А вообще-то, их московская жизнь вполне наладилась, и мелкие неурядицы не в состоянии были перебить приятного вкуса столичной жизни.

Алексея Арнольдовича на новом месте также заметили, оценили. Недавно он был пожалован орденом святой Анны 3 степени и, судя по всему, следовало вскоре ожидать чин надворного советника.

Свободное время Алексей Арнольдович всегда проводил с супругой; он не пьянствовал, не играл в карты, не волочился за дамами. Да что там «волочился»! Даже вчера, на встрече Нового года в ресторане «Прага», где было немало красавиц, обращавших на него благосклонные взгляды, он не отходил от Софьи Дмитриевны ни на шаг! Особое равнодушие проявляла Базилевская. Конечно, никто, в том числе и Алексей, не смог бы оставить без внимания этот её изящный туалет - на черном шёлке белая кружевная туника, ожерелье из изумрудов, - да и сама она со своими большими оливковыми глазами - чего уж там! - хороша собой... Впрочем, кто сказал, что

Софья Дмитриевна хуже?! Уж верно, её Алексей так не считает! Они прекрасно провели время вдвоём. Ну, и ещё с Верой Николаевной и её мужем - сослуживцем Алексея. А ещё шумел недалеко этот ротмистр Яковенко - она даже не помнит, когда тот был им представлен. И вёе-таки...

- Барыня, - позвала Глаша, - завтрак подан.

Софья Дмитриевна, бросив последний взгляд на Меньшикову башню, сладко потянулась. Может, и справедливо утверждают, что счастье не знает, что оно счастье и что ему не суждено длиться вечно, но Софья Дмитриевна чувствовала себя счастливой каждый день. Разумеется, это говорила в ней интуиция - ведь сравнениям, по большому счету, взяться было неоткуда, а мудрость пока не пришла, но чем ещё могла быть та радость, с которой она просыпалась даже самым пасмурным утром?!

«Как славно, - думала она за завтраком, - до окончания Святков целых четыре дня, и значит, Алексею не нужно ходить на службу. Хотя почему четыре? Нынешний день ещё не прожит! Получается целых пять! Сегодня они едут на Воробьёвы горы - там над водонапорным резервуаром недавно соорудили смотровую площадку (сказать Алёше, чтобы шубу надел, а то в пальто недолго и простудиться), оттуда наверняка заедут в ресторан... А завтра - бал! Ещё с осени готов бальный наряд - на Святки всегда приходится бывать на балах. Но бал в Дворянском собрании - особый, на нем будут присутствовать Их Императорские Высочества, и о нём обязательно напишут репортёры.

Вдруг ей вспомнился другой бал, наделавший много шума в Москве. Софья Дмитриевна сделала глоток из чашки и замерла от удовольствия. Она и сама не знала, что именно предпочитает пить: кофе с нежными сливками или сливки с ароматным кофе, поскольку любила, чтобы и того, и другого в её чашке было поровну. Потом она улыбнулась. Тот бал был частный, купеческий. Как сообщали газеты, кавалеры явились в красных фраках, а дамы босыми, в одних сандалиях - в полном соответствии с оздоровительной теорией модного доктора Кнейпа. Все, безусловно, сочли такое поведение недопустимым чудачеством, а Софье Дмитриевне показалось это только озорством. Правда, сама она в таком спектакле никогда бы участвовать не стала.

- Ты уже позавтракала? - Алексей Арнольдович вышел из спальни.

Она кивнула.

- Что читаешь? - пристроился он на подлокотнике кресла, в котором сидела Софья Дмитриевна.

- В журнале «Вокруг света» публикуют новый приключенческий роман. Помнишь, я тебе о нём рассказывала?

- Ах, да... Что-то про путешествие во времени...

- Невозможно оторваться - так интересно.

- Однако, придётся. Не забыла, что мы на Воробьёвы едем?

- Помню, помню. А ты не забудь шубу надеть, в пальто будет холодно.

- Всенепременно. Я с умницей-женой никогда не спорю.

Уже в дверях, направляясь принимать ванну, он остановился:

- Софи, а не стоит ли перевесить зеркало из нашей спальни?

- Да, да, я как раз хотела позвать Никиту, чтобы перевесил в гостиную или прихожую.

- Полагаю, в прихожей зеркалу самое место.

3

Ах, как чудно прошел день! Такой Москвы, какой предстала она с Воробьёвых гор, Софья Дмитриевна ещё не видывала - ни с колокольни Ивана Великого, ни с самого высокого, недавно выстроенного восьмиэтажного дома у Красных ворот - огромной, сверкающей! Отсюда были хорошо различимы её границы, за которыми даль вскоре смыкалась с голубовато-дымчатым небом. Между прочим, оказалась она вовсе не белокаменной, а, главным образом, из красного кирпича. А ещё повсюду было рассыпано сиянье куполов её церквей, которых у Москвы, как известно, «сорок сороков». Обедали там же, в ресторане Крынкина. С раками. Потом отправились на прогулку. Удивительно хорошо было ехать в синих сумерках. К сожалению, вскоре их погасила ночь.

Увы, у Природы есть только Свет и Тьма, День и Ночь, а полутона нестойки. Впрочем, люди дерзки и не во всём согласны с Природой: чтобы потеснить Ночь, они придумали Вечер, который в Москве бывал всегда шумным от развлечений и ярким от электрических огней.

Проезжая мимо Зоологического сада, Софья Дмитриевна обратила внимание на афишу «Живая этнография». Что бы это могло быть? Посмотрим? На свободной площадке стоял чум, возле него - семейство самоедов: отец, мать, четверо их детей. Здесь же находилась пара запряженных в нарты оленей. Глава семейства - щуплый, узкоглазый человек с непокрытой головой, в короткой, без пол шубе - угрюмо приблизившись, произнес высоким голосом: «Пожалуста, однако, кататься на олешках».

Они отказались и тут же ушли. Впечатление от чудесно прожитого дня чуть не испортил этот эпизод: мыслимо ли выставлять людей в зоосаде, как диких животных?!

- Да, милая, мир жесток, - говорил Алексей Арнольдович, когда они ехали в санях, - а смягчение нравов процесс длительный... Он взял её за руку.

- Может, в синематограф?

- Устала, - улыбнулась она ему, - хочется домой.

Принимая одежду, Глаша сказала:

- Не придёт Никита.

- Отчего же?

- К нему брат из деревни приехал. Третий день пьют. Его уж и околоточный страдал, что из дворников выгонят, а тому всё нипочём.

- Ну, так скажи Василию, швейцару.

Глаша обидчиво взглянула на Алексея Арнольдовича. В ней было много света: золотистые волосы, пшеничные брови, рыжие конопушки, жёлтые глаза, - и это, увы, не делало её красавицей. Софья Дмитриевна оттого жалела её; сама же она, к тому же рослая, широкой кости, нисколько не смущалась своей некрасивости. Глаша вообще была девушкой бойкой.

- Что же я, барин, недогадливая что ли? Только Василию Степановичу спину скрутило, никак не может.

- Ну ладно, обождём, не горит же, - отбросил Алексей Арнольдович мысль о зеркале. - Верно, Софи?

Однако, судя по тому, что Алексей Арнольдович тут же направился в спальню, эта мысль, как порой и случается с пустяковыми мыслями, вовсе не улетучилась, а, наоборот, втиснулась в мозг. Софья Дмитриевна последовала за мужем.

Алексей Арнольдович немного постоял перед зеркалом, видимо, в очередной раз, поражаясь его размерам, потом решил заглянуть за него, чтобы увидеть крепление на стене. Он взялся с одного края за тяжелую оправу, слегка потянул на себя - и... зеркало отъехало вместе со стеной, как если б оно было дверью. Алексей Арнольдович и Софья Дмитриевна застыли в том оцепенении, которое наступает, если рассудок встречается с непостижимым. Из оторопи их начал выводить свет, точнее осознание того, что он горит где-то там, в глубине открывшегося пространства. Видя, что Алексей Арнольдович собирается шагнуть туда, Софья Дмитриевна воскликнула:

- Алёша! Прошу, не надо!

- Только ты не ходи, - сделал он предостерегающий жест.

Софья Дмитриевна осталась одна. Впрочем, уже вскоре она решительно шла по узкому коридору, доведшему её до глухой комнаты со столом посередине, на котором горела свеча. Алексей Арнольдович стоял у стены, рассматривая портрет какой-то дамы в напудренном парике. Он повернул голову на шаги Софьи Дмитриевны и улыбнулся.

- Я знал, что ты придёшь. Ну что ж, извольте видеть - потайная комната. Как в авантюрном романе. А на опрае зеркала, несомненно, имеется кнопка механизма открывания двери. На неё я случайно нажал и вот - тайна нашей спальни раскрыта!

- Но кто зажжёт свечу? - встревожено спросила Софья Дмитриевна.

- Меня тоже беспокоит этот вопрос. Давай присядем, - указал он на два стула, придвинутых к столу. Спинки их, казалось, были чересчур выгнуты, тем не менее, сидеть на этих стульях оказалось удобно.

- Хорошо бы ещё узнать, кто и когда устроил эту комнату... - продолжил Алексей Арнольдович.

Вдруг в глазах Софьи Дмитриевны его изображение начало слоиться, как слоятся на зное дальние предметы. Она схватила его за руку, и всё провалилось во тьму.

4

Когда вокруг стало бело, Софья Дмитриевна увидела себя и Алексея... на Мясницкой улице, напротив Почтамта. Скользнуло чувство успокоения - до дома рукой подать, а там уж... Но только скользнуло: совсем ненадолго смогла эта извечная надежда на родные стены затмить и растерянность, и страх перед происшедшим. По неосмысленным до конца признакам Софья Дмитриевна начала догадываться: перед нею картина, знакомая лишь отчасти. Чем яснее проступали эти признаки, тем драматичней воспринималась ею реальность, которая оборачивалась чужим, не её миром.

Почтамт, чайный магазин и дом генерала Юшкова за спиной Софьи Дмитриевны оставались прежними, но от Боброва переулка, вместо церкви и домов тянулся теперь вдоль улицы сквер. А куда исчез целый квартал с Мясницкой площади?! И ещё бросалось в глаза массивное, нависающее будто бы из-под самого неба серое здание, возникшее на противоположном

углу площади, где еще вчера находился дом с булочной-кондитерской. На его крыше высились синие буквы БАНК ВТБ 24. Что-то настораживало в этой надписи. Ах, да: в слове «банкъ» не хватало твёрдого знака. Но самое удивительное заключалось в том - и как это Софья Дмитриевна не отметила сразу?! - что улица текла. Да, да, мостовую до краев заполняла медленная, разноцветная река невиданных ею доселе авто... А ещё прохожие, одетые по неведомой моде... Стоял тёплый летний день, и хотя Софья Дмитриевна и Алексей Арнольдович попали сюда, как были дома, - без верхней зимней одежды, окружающие все равно озирались на них. Правда, на «тройку» Алексея Арнольдовича никто особенно не заглядывался, зато длинное платье Софьи Дмитриевны привлекало к себе всеобщее внимание.

- Во, артисты из театра сбежали! - показал на них пальцем молодой человек с множеством мелких колец в обоих ушах. Судя по его сандалиям на босу ногу, был он приверженцем системы доктора Кнейпа. Одетый в короткие штаны, какие носят на помочах дети, правда, без помочей (а, может, они скрывались под жёлтой рубашкой без рукавов и без пуговиц, с одной только прорезью для головы), выглядел он довольно нелепо. Оба его компаньона по виду мало чем от него отличались.

- Что вы себе позволяете? - шагнул к нему Алексей Арнольдович.

- Ладно, ладно, мужик, ты чего? - отступил поближе к товарищам молодой человек.

«Мужик?! - поразила Софья Дмитриевна. - Да какой же Алексей Арнольдович мужик?!» И тут же цепь изумлений сдвинулась ещё на одно звено, которым стала увиденная ею надпись на рубашке молодого человека: «Как ни крутись, а жопа сзади!»

Она не поверила своим глазам - такое в обществе людей невозможно!

Софья Дмитриевна крепко, до головокружения, зажмурилась, а когда разомкнула веки, обнаружила себя... в потайной комнате.

5

Она в одиночестве сидела на стуле.

- Алёша! - позвала Софья Дмитриевна.

Он не отозвался.

Миновав коридор, Софья Дмитриевна вбежала в спальню, но мужа там не было. И не было его нигде.

- Да что с вами? - пыталась добиться ответа Глаша. - На вас лица нет!
Что случилось-то?!

А Софья Дмитриевна всё металась по квартире, пока не упала, обессиленная, в кресло.

- Он остался там, - прошептала Софья Дмитриевна поблекшими губами.

- Кто остался?

- Алёша.

- Где?

- Не знаю... В другом мире...

- Да что вы такое говорите, барыня?

Вдруг Софья Дмитриевна оживилась:

- А Алексей Арнольдович не выходил из дому?

- Да нет. И шуба их вон висит в прихожей.

Софья Дмитриевна закрыла лицо руками и, раскачиваясь, начала повторять:

- Он остался там... Он остался там...

- Барыня, Софья Дмитриевна, - мягко опустилась перед ней на колени Глаша, - ну объясните вы мне всё по-человечески!

Софья Дмитриевна порывисто откинула руки, сухо блеснула глазами:

- Объяснить? Пойдём, Глаша...

Она взяла её за руку и повела в спальню.

Глаша оторопело замедлила шаг, увидев на месте зеркала тусклый свет проёма.

- Идём, идём, - преступив черту стены, потянула её за собой Софья Дмитриевна. - Ещё не пришли...

Глаша встала посреди потайной комнаты, озираясь с широко раскрытыми глазами.

- Барыня, откуда всё это? - наконец, промолвила она. - Стол, картина... А свечу вы зажгли?... Стулья какие-то чудные... Уж больно спинки выпирают.

Глаша подошла к одному из них.

- Наверно, сидеть неудобно...

Софья Дмитриевна напряженно смотрела от порога, вся натянутая, как струна, в том горячем состоянии, когда на что угодно готов, лишь бы отринуть свое горе. И, похоже, способ она нашла.

- Не вздумай! - вскрикнула Софья Дмитриевна. - Не вздумай садиться!

И как-то зловеще улыбнулась:

- Не то будет вот что...

Она быстрым шагом подошла к стулу и села.

Софья Дмитриевна знала, что сейчас наступит мрак, а потом она окажется в том самом ужасном мире, но... рядом со своим Алёшей.

Однако оказалась она вовсе не там, где рассчитывала встретиться с мужем. Поначалу Софья Дмитриевна вообще не была уверена, Мясницкая ли это улица, поскольку и Почтамт, и дом Юшкова лишь отдалённо походили на привычные для её взгляда здания. А вместо чайного магазина Перлова стоял, прижимаясь к земле, одноэтажный деревянный домик, да и дальше за ним тянулись такие же унылые домишки. И лишь в храме на углу переулка однозначно угадывалась церковь Фрола и Лавра.

Вся улица была заполнена людьми, которые на повозках, в каретах или просто пешком, гружёные скарбом, двигались в одном направлении. Негромкий гул, сродни протяжному стону, запах общего горя витали над этим потоком. Софья Дмитриевна стояла у стены дома.

Иногда мимо верхом проезжали военные. Софья Дмитриевна не слишком разбиралась в мундирах, но ей показалось, что они отличаются от тех, какие носят сейчас офицеры. Один из них, гусар (она определила это по неизменным гусарским атрибутам - доломану и ментике), попридержав коня, склонился:

- Сударыня! Нынче холодный ветер! Не угодно ли набросить на плечи?!

Из притороченной к седлу сумки он извлек бежевый платок и с улыбкой протянул его Софье Дмитриевне.

- Мерси, - опешила она.

- Что же вы? Теперь французский не в чести! - с предостерегающей интонацией проговорил он, отъезжая...

«Отчего не в чести? Что это значит?» - недоумевала Софья Дмитриевна.

Впереди, очевидно, появилось какое-то препятствие, потому что людской поток начал замедляться. Напротив, совсем близко остановились две женщины, одинаково повязанные шалями. Одна рассказывала другой:

- Говорят, в среду это случилось. Ястребок залетел на Сухареву башню, на самый шпиль. А у него путы на ногах были, так он ими аккурат в крылья орла угодил, ну, того, медного, что на шпиле. Побился, побился и околел...

- Знак это! - отвечала ей вторая женщина. Не одолеть супостату Расеи! Запутается Бунапарт в крылах нашего орла!

- Вот и молва про то же толкует...

Софья Дмитриевна содрогнулась: господи, да вокруг неё - прошлое! Это осень 1812 года, москвичи покидают город... Что же наделала она! Теперь ей ни за что не свидеться с Алексеем!

От отчаяния Софья Дмитриевна горько заплакала.

Обе женщины что-то говорили ей, утешая, но она продолжала рыдать. В какой-то момент Софья Дмитриевна поднесла к лицу подаренный гусаром платок и, промокая слёзы, крепко сомкнула веки...

И тогда случилось то же, что и в первый раз - она вернулась в потайную комнату!

6

Глаша смотрела на неё опустошённым взглядом. В нём не было ни испуга, ни потрясения, как и присущей человеку разумности. Похоже, осознание самой себя покинуло её - только лишь Софья Дмитриевна исчезла из виду. Но и теперь, когда та очутилась на стуле снова, Глаша продолжала оставаться в состоянии отрешённости. До тех пор, пока Софья Дмитриевна не обнаружила у себя в руках бежевый платок и не вскрикнула от неожиданности. Только тогда Глаша очнулась, в глазах у неё всполошился страх. Отбежав в угол, она трижды наложила на Софью Дмитриевну крестное знамение.

- Барыня! - осевшим голосом молвила она. - Барыня, вы ли это?

Но Софья Дмитриевна её не слышала.

- Посмотри, - растеряно показала она на платок, - и вещи оттуда переносятся...

- Да что же это происходит?! Объясните вы мне Христа ради! То пропадаете куда-то, то появляетесь...

И через паузу, притихнув, боязливо спросила:

- Вы, барыня, - ведьма?

Софья Дмитриевна ужаснулась её предположению, точнее тому, что такое возможно подумать про неё, тогда как она - несчастная жертва какого-то загадочного явления! Конечно, сейчас же нужно открыться Глаше, тем более, что злополучная метаморфоза повторилась у неё на глазах, а значит, не понадобится разубеждать Глашу в том, что Софья Дмитриевна сошла с ума.

- Что же получается? - подытожила её рассказ Глаша, - как только человек здесь садится, он тут же переносится в прошлое?

- Не знаю... То время, в котором оказались мы с Алексеем Арнольдовичем, на прошлое не походило.

- Значит, вы были в будущем?! - изумилась Глаша.

- Мне страшно о таком даже подумать... - печально опустила взгляд Софья Дмитриевна, которая умолчала про надпись на одежде молодого человека. - Ничего я не желаю сильнее, - тихо продолжила она, - как только бы вернулся Алёша... К сожалению, мне неизвестно, что надо для этого сделать...

Но вдруг оживилась:

- Что же я говорю! Конечно, знаю! Это наподобие какого-то ритуала! Нужно встать напротив Почтамта и плотно закрыть глаза!

А в следующую секунду сникла:

- Но вряд ли он об этом узнает, потому что и моё знание - только случайность. Как он там? Что с ним?.. Остаётся лишь на Господа уповать!

- Ну почему же? - воскликнула Глаша.

Ей давно уже не было страшно. Теперь она стояла рядом с Софьей Дмитриевной посредине комнаты, то и дело бросая цепкие взгляды на стулья.

- Можно снова попробовать попасть к Алексею Арнольдовичу. Чего бояться-то? Мы же знаем, как вернуться назад!

- Мы? - рассерживаясь от догадки, переспросила Софья Дмитриевна. - Я запрещаю тебе, Глаша, не только приближаться к стульям, но и заходить в эту комнату!

- Конечно, как прикажете, - с обидой потупилась Глаша, - только почему?

- Да пойми ты: совершенно неизвестно, в каких обстоятельствах можно оказаться! Вот, например, триста лет назад там, где сейчас Мясницкая, наверняка разъезжали на конях опричники. И любой из них, попадись ты ему на глаза, может схватить и умчать тебя неведомо куда. Ты уверена, что сумеешь благополучно освободиться и найти потом нужное место? А, скорее всего, ты его даже не сыщешь: Мясницкая тогда была, наверно, не Мясницкая, а Почтамта и дома Юшкова не существовало вовсе.

- Что вы такое, барыня, говорите! Опричники какие-то... Нечто когда-нибудь по Москве разбойники разъезжали?

- То-то и оно, что разъезжали... И ещё много чего случилось!

- Так что же делать?

- Пойдём отсюда, - взяла Софья Дмитриевна Глашу за локоть.

Объяснение с ней подействовало на Софью Дмитриевну успокаивающе.

Теперь происшедшее не потрясало, как прежде, - ведь даже ужас, усмирённый разумом, становится только пережитым страхом.

Они прошли коридором в спальню. Софья Дмитриевна без особого труда нашла и нажала на оправе кнопку. Проём в стене тут же закрылся, и она увидела себя в зеркале. Во всём - от лица с тёмными окружками глаз до подола платья, тяжёлыми складками упавшего на пол, - сквозила какая-то застылость изваяния - изваяния скорби. Как же глубоко, до самой её сути, вошла боль! Да и Глаша, всегда светлая, как лужок на солнце, выглядела погасшей.

- Идём в гостиную, - сбрасывая оцепенение, сказала Софья Дмитриевна.

Потом спросила про кухарку:

- Мы одни дома? Где Клавдия?

- Так она в синематографе. Вы же ей ещё утром разрешили пойти.

Софья Дмитриевна опустила в кресло, на подлокотнике которого - вспомнила она - ещё утром сидел её Алексис...

- Глаша, она не должна ничего знать. И вообще, никто ничего не должен знать! Пообещай мне, что будешь молчать.

- Да вот вам крест! Разве ж я не понимаю? Только как быть с Алексеем Арнольдовичем? Его же на службе хватятся.

Софья Дмитриевна прикрыла рукой глаза.

- Глаша, иди. Мне надо побыть одной.

Ничего иного не приходило на ум, как только сообщить об исчезновении мужа в полицию. Конечно, придется солгать, что вечером 2 января он вышел из дома и не вернулся. Но так лучше, нежели она объявит правду, и её сочтут не в себе. Трудно представить, какие это может вызвать последствия. И самое страшное из них - разлучение с домом (не оставят же душевнобольную на попечение прислуги, а родные её далеко). Но покидать теперь эту квартиру нельзя ни в коем случае! Иначе пропадет единственная возможность связаться с тем миром, где теперь Алеша.

7

Приехавший к вечеру следующего дня участковый пристав был вежлив, но угрюм.

- Кулик Василий Геннадьевич, - отрекомендовался он. - Прошу великодушно простить, однако мне теперь же надлежит выполнить ряд процедурных действий.

Всё говорило в нём о неудовольствии заниматься этим пустым делом, да ещё в Святки. Опыт подсказывал ему, что розыск коллежского асессора не даст, скорее всего, никакого криминального результата.

- Прошу садиться, - указала ему на стул Софья Дмитриевна.

- Сударыня, отчего решили вы, будто с господином Бартеневым что-то случилось? Ведь он всего одну ночь отсутствовал. Тому может быть множество причин, вполне, между прочим, прозаического свойства.

Говоря это, Кулик с осторожностью располагал свое грузное тело на стуле, казавшемся ему довольно хрупким.

- Каких же, например?

- Ну, знаете ли - тёплая дружеская компания, карточная игра...

- Вы хотите закончить женщинами лёгкого поведения?

Кулик одобрительно взглянул - ну вот же, умница, всё понимаешь!

- Мой муж не таков...

- Конечно, конечно, - пробормотал он, и глаза его, словно столкнувшиеся с чем-то бесконечно знакомым, устало моргнули.

- А ко всему прочему, сегодня мы должны быть на Предводительском бале в Благородном собрании. Ни при каких обстоятельствах Алексей Арнольдович не допустил бы, чтоб пропустить его.

- Разумеется, разумеется... - взгляд его сонно помутнел, но Кулик тут же встрепенулся. - Ну-с, позвольте начать? Я хотел бы осмотреть все комнаты.

- Что ж, пойдёмте. Однако это странно. Уж не думаете вы, что мой муж спрятался где-нибудь под кроватью?

- Не думаю, но таков порядок.

В спальне Кулик задержался перед зеркалом.

- Какое большое, - произнес он, проводя рукой по оправе.

У Софьи Дмитриевны звонко забило сердце. Она даже испугалась, что Кулик его услышит. В следующее мгновение, конечно же, пришло осознание невозможности этого, однако легче ей не стало. Кулик, словно зная правду и изощрённо оттягивая момент истины, всё оглаживал и оглаживал раму. Софье Дмитриевне явилась ужасная мысль: «А вдруг ему, действительно, всё известно?! Неужели Глаша успела проговориться?»

И тогда Кулик повернул к ней гладкое свое лицо:

- Ну-с, проследуем дальше?

Софья Дмитриевна остро испытала к нему неприязнь, которая стала еще больше, когда по завершению осмотра комнат, Кулик объявил:

- Теперь мне необходимо опросить вашу прислугу. С глазу на глаз.

- То есть в моё отсутствие?

- Прошу великодушно простить, - учтиво поклонился Кулик. - И тем не менее... Так сколько у вас человек прислуги?

- Горничная и кухарка. Как в каждом приличном доме.

- Превосходно, - скорбно поджал пухлые губы пристав, и Софья Дмитриевна мстительно подумала, что у него в доме, вероятно, не так. - Начнем, пожалуй, с горничной.

Софья Дмитриевна очень волновалась, пока Глаша беседовала с Куликом. Она рассчитывала, что когда её место займет Клавдия, Глаша придёт передать состоявшийся разговор, но ошиблась.

Между тем, пристав откланялся, сказав на прощание:

- Вы уж дайте знать, если господин Бартеньев объявится. Все-таки я рассчитываю на благополучный исход дела.

В прихожей за ним глухо стукнула дверь, и в гостиную торопливо вошла Глаша. Возбуждённым шепотом она произнесла:

- Барыня, я всё подслушала... Я поэтому задержалась.

- Глаша, это дурно, что ты подслушиваешь!

- Конечно, дурно, - энергично согласилась она, - но это лучше, чем быть змеёй, как Клавдия!

- Что ты такое говоришь?

Глаша настороженно обернулась.

- Как бы она нас тоже... не подслушала...

А ведь раньше горничная и кухарка всегда ладили между собой. Значит, и в самом деле, открылось что-то чрезвычайное.

Клавдия была женщиной с красивым лицом и пышным телом. При том, чем ей каждодневно приходилось заниматься, трудно не обзавестись налитыми бёдрами и пухлой, раскидистой грудью. Правда, форм рубенсовской модели Клавдия ещё не достигла. В сравнении с Глашей, она не отличалась бойким характером, но и нельзя было назвать её тихоней. Клавдия вела себя ровно, спокойно, разве что тушевалась только, когда Алексей Арнольдович обращался к ней с каким-нибудь пожеланием, например, отведать блинов или съесть борща (а готовила она превосходно!) Тогда в смуглость её лица

вливался медноватый оттенок, а тёмный взгляд ещё больше темнел. Она, в конце концов, его отводила, склоняла чёрную головку и, ослепив белой стрелкой пробора, негромко отвечала: «Слушаюсь, Алексей Арнольдович».

Софья Дмитриевна, разумеется, догадывалась о причинах этой её робости, но была спокойна: не во вкусе её Алёши были пышнотелые красавицы. Хотя, что ж... То и дело случались неприглядные истории, когда хозяин заводил интрижку с прислугой, особенно, если та бывала не против. Трудно утверждать, что явление это отражало характерную особенность того времени, поскольку впоследствии прислугу сменили секретарши, а потом к ним, похоже, присоединились снова горничные и кухарки. Конечно, стать доминирующим самцом или нет, всегда зависело от индивида. Уверенная в глубокой порядочности мужа, Софья Дмитриевна не беспокоилась относительно Клавдии. Ну и потому ещё, что та была не в его вкусе.

- Хорошо, Глаша, пойдем в кабинет Алексея Арнольдовича, там всё расскажешь.

- Так вот: Клавдия заявила приставу, - шепотом начала Глаша, но, оглянувшись на плотно закрытую дверь кабинета, заговорила приглушенным голосом, - что у неё с Алексеем Арнольдовичем ... что они с Алексеем Арнольдовичем ... были... - Глаша все не решалась закончить ужасную фразу, - были полубовниками!

- Да она в своем уме? - воскликнула Софья Дмитриевна. - Какой вздор!

- Конечно, вздор! Только она ещё сказала, что вы, Софья Дмитриевна, как про то прознали, так его и извели... А помогала ей, говорит, Глашка! Все в тот вечер по квартире бегали, думали, что я в синематографе, а я лежала у себя в комнате - нездоровилось мне. Они потом в спальне чего-то делали, а когда в гостиную пришли, уговорились никому ничего не рассказывать.

- А что же пристав?

- Похвалил и велел за нами наблюдать. Если что, говорит, сразу беги ко мне... Наверно, надобно ей от места отказать.

- Ни в коем случае! Это только утвердит Кулика в его подозрениях. Не думаю, что он безоговорочно поверил Клавдии. Ведь логично допустить и оговор... оговор своей, так сказать, соперницы... Хотя, какая я ей соперница? Непостижимо! Такое возомнить может только психически больной человек!

- Вот она от своей несчастной любви умом и тронулась...

- Бедная...

- Софья Дмитриевна, вы её ещё и жалеете! Змея она подколотная!

- Не говори так, Глаша!.. Однако нам необходимо её поостеречься.

Софья Дмитриевна встала, но, качнувшись, снова села на диван, обхватила себя руками за плечи.

- Зябко, - сказала она и потеряла сознание.

8

От случившейся с ней нервной горячки Софья Дмитриевна очнулась утром 16 января. Она лежала на диване в кабинете Алексея Арнольдовича и чувствовала себя вернувшейся из далёкого далека. Оттуда дотягивались лишь смутные отражения лиц и голосов.

Доктор Остапенко с белыми усами и бородкой. «Ни в коем случае не беспокоить! Оставить лежать здесь!» - произносит он, и высокие ноты его натужного голоса вязнут в каких-то ватных клубах, пахнущих эфиром. Глашины конопушки; всхлипывая, она кладет ей на лоб холодное. Высокий тучный человек пыгливо смотрит из дверей. Ах да, это же Кулик... А ещё рядом больше нет Алёши...

Собравшись с силами, Софья Дмитриевна позвала: «Глаша!» и услышала, как бегут к ней, нетерпеливо приближаются увесистые её шаги. На пороге Глаша замерла со счастливой улыбкой.

- Ну, слава богу! Мне вчера доктор так и сказал: на утро кризис должен миновать. Теперь дело пойдет на лад!

- Глаша, - протянула к ней руку Софья Дмитриевна, - спасибо тебе...

- Не надо, барыня, - попросила та, увидев у Софьи Дмитриевны слезинку на реснице, - а то я тоже сейчас заплачу...

- Хорошо, хорошо... А какое сегодня число?

- Так шестнадцатое января.

Софья Дмитриевна забеспокоилась:

- Что на службе Алексея Арнольдовича? Там знают о случившемся?

- Знают. Кулик сам к начальству ездил. До того, как пропасть...

- Пропасть? - недоумённо подняла брови Софья Дмитриевна. - Ты о чём?

- Мне, Софья Дмитриевна, много о чём нужно вам рассказать.

- Так скорее рассказывай!

- Вы только не волнуйтесь. И простите меня Христа ради, потому что из-за меня всё случилось...

А произошло вот что.

Тринадцатого января, в полдень, когда жар у Софьи Дмитриевны ненадолго отступил, и она заснула спокойным сном, Глаша вошла в её пустую спальню. Глаша, конечно, понимала, что нарушает запрет, но слишком хотелось ей изведать полёт во Времени. Именно полёт, потому что само Время её мало интересовало: занесёт ещё, не дай Бог, к этим опричникам... Главное, с места не сходить и вовремя зажмуриться.

Увы, ничего замечательного в полёте не было - просто, как будто теряешь сознание. Да и как-то странно переместилась Глаша во времени, поскольку попала она вовсе не в прошлое. Судя по привычному виду Мясницкой и одежде прохожих, это было настоящее. Даже метель всё также вилась, пошвыстывая, вдоль домов.

- Аглая Спиридонова, если я не ошибаюсь? - услышала она справа от себя знакомый голос, умягчённый интонацией вежливости. Глаша повернулась и увидела Кулика. - А я как раз к Софье Дмитриевне иду. Не изволите ли со мной проследовать?

«Зачем ему барыня в горячке? - подумала она. - А я ему зачем? Не понимаю. Похоже, ничего у меня не получилось: никакое это не перемещение во времени, а дурацкий сон». И она крепко зажмурилась...

Закрывая за собой зеркало-дверцу, Глаша твердо решила никогда больше не ходить в потайную комнату - как и велела ей Софья Дмитриевна.

А на следующий день Глаша возвращалась из чайного магазина Перлова. Переходя от «китайского домика» на другую сторону Мясницкой, она остановилась, чтобы пропустить проезжавшие сани. Неожиданно ей в лицо бросилась метель, гулявшая по Москве вот уже несколько дней, и Глаша плотно сомкнула веки.

- Аглая Спиридонова, если я не ошибаюсь? - раздался справа голос Кулика. - А я как раз к Софье Дмитриевне иду.

Глаша опешила: что это? вчерашний сон?

- Не изволите ли со мной проследовать? - в полном соответствии с её видением продолжил Кулик.

Глаша закрыла глаза, постояла так довольно долго, потом открыла их, и... пристав никуда не исчез.

- Соринка попала? - участливо спросил Кулик.

«Какая соринка?» - скользнуло поверх единственной, во весь мозг, мысли: если это явь, то что было вчера?

- А барыня болеет... - ответила Глаша после паузы, в течение которой поняла: вчера она, действительно, перенеслась во времени, но не в прошлое, а в будущее, на день вперед!

- Вот я её и проведу. Доложу, что на прошлой неделе посетил начальство Алексея Арнольдовича. По долгу, так сказать, службы. Его превосходительство был весьма огорчён случившимся с господином коллежским асессором... Так не появлялся барин?

- Нет, не появлялся. А у барыни горячка, в беспамятстве она.

- Ну, Софья Дмитриевна мне, может, и не понадобится. Если вы, Аглая, поможете...

Сердце у Глаши вздрогнуло и повернулось как-то неловко, с тихой болью, и, словно от этой боли, родилось прозрение: а ведь знает Кулик про их с Софьей Дмитриевной тайну!

«Нет, нет! Я не верю! Ни за что на свете!»

Пока ужасное откровение не успело овладеть рассудком, его ещё можно было вытеснить, заглушить, и Глаша начала мысленно ругать себя, называя выдумщицей и трусихой.

Путь предстоял недолгий. Подумав об этом, Глаша испытала некоторое облегчение: скоро уж придём, и все разъяснится, хуже нет неведения.

Перед самым домом Кулик замедлил шаг.

- Час назад у меня была Клавдия, - начал он тихим голосом, и сердце у Глаши опять вздрогнуло, и снова прежнее озарение возникло перед ней, мгновенно заставив уверовать в себя.

- Вчера, - продолжил пристав, - она обнаружила загадочный ход куда-то из спальни и увидела, как вы оттуда выходили. Не там ли, куда ведёт этот ход, томится в неволе бедный Алексей Арнольдович?

Он замолчал и уставился на Глашу холодными глазами. В отличие от январского мороза, ярко подрумянившего её светложеее лицо, этот взгляд сделал Глашу пунцовой.

- Господь с вами... - растерянно прошептала она.

- Значит так, - жёстко сказал пристав. - Сейчас мы заходим в квартиру, и вы ведёте меня к вашей барыне, чтобы она чистосердечно во всём призналась. В случае, если та в беспамятстве, вы немедленно ведёте меня к Алексею Арнольдовичу, и я вам, как соучастнице преступления, делаю послабление. И учтите: отпираться бесполезно, ведь Клавдии известно место,

откуда начинается ход. Оно за зеркалом. Верно? А способ проникнуть туда, ежели вы решите молчать, отыщется непременно.

Глаша подавленно молчала. Никогда еще не попадала она в такую беду.

Клавдия открыла дверь, едва Кулик повернул вертушку механического звонка. На Глашу она не взглянула. Она вообще беспрерывно смотрела в пол, даже когда пристав обращался к ней.

- Что барыня? Приходила в себя?

- Нет, сударь.

- Ступай к зеркалу и жди меня... нас, - поправился он, покосившись на Глашу.

Софья Дмитриевна не была в горячке - это Глаша поняла сразу, войдя в кабинет. Она спала - глубоким, тяжёлым сном, но спала.

- Барыня до сих пор не в себе? - спросил Кулик, глядя в серое лицо Софьи Дмитриевны.

- Да, - подтвердила Глаша, - она в беспамятстве.

- Ну что ж, в таком случае прошу проводить меня в известное вам место.

Глаша покорно шла впереди, не зная, как выбраться из беды, когда пристав произнес:

- Клавдия говорит, что на оправе зеркала имеется какой-то механизм. Это так?

И Глаша окончательно поняла: выхода у неё нет!

- Так, - ответила она и почувствовала спиной, что сосредоточенный взгляд Кулика ослаб.

Через несколько шагов они достигли спальни, но к удивлению обоих Клавдии там не оказалось. Тут же, правда, её отсутствие объяснилось: зеркало было «открыто».

- Напрасно она не стала никого ждать! - с досадой воскликнул Кулик. - Ну, что же вы встали, Аглая? Ведите дальше!

Пока они шли по коридору, Глаше показалось, что внутри неё, где было всё черным-черно, начинает отчего-то светлеть. Она поняла отчего, когда ожидаемо не встретила в потайной комнате Клавдии.

«Значит, не удержалась, присела на стульчик», - усмехнулась про себя Глаша.

А Кулик недоумевал:

- Странно, никого... Но что это за помещение?

Он прошел к столу, огляделся.

- Рассказывайте, Аглая! - потребовал Кулик. - Прямо сейчас всё рассказывайте!

И, готовый слушать, сел на ближайший стул.

Глаша его не остановила... А он в следующую секунду растворился в воздухе.

- Так что оба они пропали, - закончила свой рассказ Глаша.

Софья Дмитриевна молча лежала с закрытыми глазами, потом посмотрела на потолок, как в пустоту.

- Скажи, тебе их не жалко?

- Может жалко, а может... - Глаша потупилась и вяло продолжила:

- Всё-таки не на том же свете они! А, если разобраться, - с Клавдией моей вины никакой нет. Это уж она сама... Ну и пристав... тоже сам...

Понимая, что её неправда очевидна, вскинула голову:

- Да вы сами, Софья Дмитриевна, подумайте, чтоб теперь было, останови я его! Вина моя только в том, что вас послушалась - пошла в эту проклятую комнату, а Клавдия за мной подглядела! И кто больше виноват, что они пропали? Я или она?

- Как же нам теперь жить? - оставила Софья Дмитриевна её вопрос без ответа.

- Как и прежде, - уверенно сказала Глаша.

- Как и прежде? А что мы скажем про Клавдию, про Кулика?

- А кто про них спросит? У Клавдии здесь родни нет, все далеко - в Сибири, а с Куликом пусть полиция разбирается, где он и что. Вы же его всего один раз и видели - тогда, третьего января, помните?

- Помню, помню...

- И я его тоже никогда больше не встречала.

9

Во всём Глаша оказалась права. При розыске Кулика у полиции, конечно же, не вызвали подозрений ни хозяйка квартиры, ни, тем более, её горничная, а про Клавдию Глаша всем говорила, что та уехала в другой город. Алексея Арнольдовича окончательно сочли пропавшим при неизвестных обстоятельствах. Через некоторое время Софье Дмитриевне назначили пенсию по случаю потери супруга - государственного чиновника. Деньги были

небольшие, потому приходилось распоряжаться ими с экономией, чтобы только не съезжать с квартиры.

Где-то очень глубоко и тихо, как только и живут самые искренние убеждения, жила в Софье Дмитриевне вера во встречу с мужем. Вот только по-прежнему не знала она, каким образом это может произойти.

- Из потайной комнаты, - говорила ей Глаша, - можно попасть не только в прошлое! Помните, я ведь тогда перенеслась на день вперед, но это же будущее! А вы с Алексеем Арнольдовичем? Сами же говорили, что тот мир ни на что не похож. И думать нечего - Алексей Арнольдович в будущем!

Софья Дмитриевна и сама давно поняла это. Но как туда наверняка попасть - ей неизвестно. Что же остаётся?

А остаётся жить. И ждать. Господь не оставит её...

Часть 2

1

- Почему вы, товарищ Бартеньева, кружок диамата пропускаете?

Илупин снял очки и сунул одну дужку в рот. В течение всей паузы он изучающе оглядывал Софью Дмитриевну, как если бы видел её в первый раз. Напротив него стояла боком, видимо, давая понять, что у неё мало времени и она торопится уйти, не очень молодая и печально-красивая женщина: какой-то усталой, словно перед началом увядания, была её красота.

Впрочем, Илупин ничего этого не видел, а видел только «белую кость - голубую кровь»: черты лица выписаны чисто, без единого огреха, породистая стать с этим плывущим от талии лебединым изгибом, достоинство в каждом движении, даже самом коротком (вот она провела пальцами по пуговицам блузки, и вспомнилась неказистая суетливость собственных рук), гладкая прическа, собирающая волосы на затылке (женщины теперь носят стрижку, а эта - пучок), - всё не как у простых людей!

- Вы спешите? - положил Илупин очки на стол.

- Да, у меня много работы.

- Но вы всё-таки задержитесь: разговор будет серьёзный...

Софья Дмитриевна развернулась к Илупину лицом.

- Так когда? - спросил он.

- Что когда?

- Когда же вы свою несознательность искорените?

- Я не понимаю, о чем вы говорите. Я люблю Россию...

- Вот-вот. У вас Россия, а у нас Союз Советских Социалистических Республик.

- Ну, хорошо, пусть СССР. И я совершенно не возражаю против построения социализма в отдельно взятой стране. В чём же моя несознательность?

- Ещё бы она возражала, - хмыкнул Илупин. - Стало быть, вы утверждаете, что являетесь сознательным членом общества. А как тогда расценивать вашу последнюю выходку?

- Какую?

- Уже забыли? Мы, работники Почтамта, написали письмо в Моссовет с просьбой о сносе башни Меншикова и предоставлении освободившейся площади под нужды Почтамта. Теперь вспомнили? Вас как штатного корректора нашей газеты попросили это письмо посмотреть, а вы? Швырнули его в лицо председателю месткома!

- Я не бросала письма - Вырубова говорит неправду! Я только отказалась его править.

- Почему же, если не секрет?

- Потому что задуманное вами - варварство. Но вы даже не понимаете этого.

- А не потому ли, что вы молитесь в этой церкви?!

- Совет народных комиссаров религию не запрещает.

- Но и не приветствует! Ну, ничего, не вы одна такая грамотная на весь Почтамт! Как видите, обошлись без вас...

Взгляд Софьи Дмитриевны насмешливо блеснул.

- Однако вы, кажется, получили отказ.

- Пока отказ. Потому что вмешался товарищ Бубнов. Ему, наверно, нравится соседство наркомата просвещения с церковью. Ничего, подождём, есть люди и повыше! Но вы-то! Не удивлюсь, если узнаю, что вы приложили руку к вмешательству наркома!

- Не переоценивайте меня.

- Да, госпожа Бартеньева, если б у вас не было покровителя в горкоме партии, вы бы у меня давно...

- Что давно?

- Вам известна участь ленинградских дворян после убийства товарища Кирова?

- А разве такие существовали? Я думала, что были только петербургские дворяне.

- Ещё и издеваетесь? - Илупин вкрадчиво подобревшим взглядом посмотрел на Софью Дмитриевну.

Он всё-таки увидел, что Бартеньева красива. Точнее, он вдруг ощутил, как истомой обволакивается сердце - от того изначально женского, влекущего, что неожиданно открылось ему в ней.

Софья Дмитриевна удивилась: у Илупина внезапно посветлело лицо и зарделись уши. Изменившимся, дружелюбным тоном он произнес:

- А вы смелая...

Как и всякая женщина, она сразу же почувствовала возникший к себе интерес, но поощрить его было для неё невыносимо.

- Так я пойду?

- Мы же с вами ещё не договорили.

Илупин надел очки, улыбнулся кривовато (но так уж он улыбался с измальства) и, встав из-за стола, расправил под ремнём гимнастерку с орденом Красного Знамени. Для придания разговору задушевности он отодвинул от стены пару стульев, сел сам и заставил сесть Софью Дмитриевну, оставив в своей руке её руку, которую та немедленно забрала.

- Ай, нехорошо! Нехорошо, Софья Дмитриевна, с секретарем парткома ссориться!

- Да я и не ссорюсь. Мне просто диалектический материализм не даётся.

- Лукавите, дорогая моя! И без гимназического образования люди усваивают эту науку. Вот я, например. Простой кавалерист Первой конной, с двумя классами церковно-приходской школы, а всё мне в диамате ясно и понятно. Знаете что? Пожалуй, я с вами сам займусь диаматом. Можете в кружок не ходить.

Софья Дмитриевна еле удержалась, чтобы не отпрянуть от услышанного, как от пощёчины.

- Это решительно невозможно! - Она говорила, почти не слыша себя сквозь биение крови в висках. - Вы занятой человек, я не могу злоупотреблять вашим вниманием. - Софья Дмитриевна встала. - Извините, мне надо идти работать. Впредь я буду посещать кружок.

Кавалерист Первой конной некоторое время оставался сидящим в задумчивости. Потом перебрался за стол и произнес:

- Интересно, а кто в горкоме у этой Бартеньевой заступник?

2

Заступником Софьи Дмитриевны... была Глаша - Аглая Константиновна Спиридонова, заведующая организационным отделом горкома партии.

Неожиданный поворот в её судьбе произошёл, когда в конце 1916 года она познакомилась с Эмилем Сергеевичем Будным. Под его влиянием Глаша вступила в РСДРП, отчего в дальнейшем стала считаться членом партии с дореволюционным стажем, что было весьма почётно.

В ту пору Будный числился студентом Императорского технического училища и активно занимался революционной деятельностью. Увлечение идеями переустройства мира для многих студентов заканчивалось выбором нового жизненного пути. Впоследствии это обернулось острой нехваткой кадров в стране: революционеров было много, а специалистов нет.

Будный жил в непорочном браке со своей соратницей по борьбе с царизмом Елизаветой Штоль. Такое часто случалось не только среди революционеров, но и среди творческой интеллигенции. Безусловно, объяснения этому звучали самые возвышенные. Но в мозг назойливо лезет мысль о том, что у людей периодически включается сатанинский инстинкт самоуничтожения, отчего и начинают они, в порыве группового помешательства, исповедовать нечто подобное такому вот «светскому монашеству», а то и похлеще.

Увы, платоническое супружество не привело к умерщвлению плоти революционера, которая сразу же после встречи Будного с Глашей пробудилась, и от её острого желания жить сам собою вправился застарелый умственный вывих. Жаркая страсть вспыхнула между большевиком и перетомившейся в девицах горничной. Под влиянием этой страсти оказалось позаброшено дело революции, то есть общественное в который раз позорно проиграло личному. Но так у большевиков быть не должно, и Будный, обратив Глашу в свою веру, вернулся в революцию с новой соратницей. Впрочем, со старой своей соратницей, Елизаветой Штоль, он почему-то не расстался. К невероятному огорчению Глаши, он не оставил её ни после Февральской революции, ни после Октябрьской, ни после гражданской войны, ну а после избрания его членом ЦК партии об этом не могло идти и речи. Глаша, разумеется, пыталась утешиться тем, что в отношениях между собой они безвинны, как брат и сестра. И всё-таки он ночевал не с ней!

Софья Дмитриевна невзлюбила Будного. Начать хотя бы с того, что при

обильном смещении в нём разных кровей и никаком вероисповедании он полагал себя чуждым всякому человеческому роду-племени, а это её пугало.

Блеснув чёрными, навывкате глазами, он приподнимал в широкой и невесёлой улыбке свои и без того высокие скулы и сквозь тонкие губы произносил, ужасая Софью Дмитриевну: «Я, видите ли, просто живая материя!» Не оттуда ли истоки её неприятия диамата?

Во-вторых, то, как обошёлся он с Глашей, продолжая жить под одной крышей с другой женщиной, глубоко возмущало её. Глаша давно стала ей родным человеком, и Софья Дмитриевна, как если бы была старшей сестрой, не однажды выговаривала ей, что такой образ жизни Будного порочен. Глаша всякий раз заливалась горячими слезами, сердце Софьи Дмитриевны заходило от жалости, и с некоторых пор эту тему она больше не затрагивала.

Ко всему прочему, Софья Дмитриевна знала, что за её нелюбовь Будный платит ей той же монетой. Не один раз он призывал Глашу порвать с классово чуждым элементом, от чего та отказывалась самым решительным образом. Конечно, как правоверный член партии, Глаша признавала враждебность эксплуататорских классов делу социализма, но в своём отношении к ним делала для Софьи Дмитриевны исключение: несомненно, и она считала Софью Дмитриевну родным человеком.

Глаша старалась по возможности облегчить жизнь бывшей барыни, которую сначала «уплотнили», затем отказались принимать на службу, а потом ещё несколько раз хотели «вычистить» из рядов советских работников. Это её заботами удалось сохранить за Софьей Дмитриевной две комнаты некогда огромной квартиры, ставшей коммунальной (спальню, конечно же, и кабинет Алексея Арнольдовича), устроиться ей на должность корректора в газету Центрального почтамта, избежать увольнения во время кампаний по освобождению советских учреждений от чуждых элементов. Аглая Константиновна действовала всегда осмотрительно: проблемы решали её подчинённые, звонившие кому следует и строго представлявшиеся: «это из горкома партии», так что «на местах» о личности покровителя Софьи Дмитриевны никто знать не мог.

Глаша давно жила отдельно от Софьи Дмитриевны, но, случалось, зааживала к ней скоротать вечер. Вот и сегодня она пришла с пирожными и бутылочкой «Мукузани».

- Как ваши новые соседи? - поинтересовалась она, перекладывая пирожные из коробочки в вазу.

Со времени своей встречи с Будным Глаша уж не называла Софью Дмитриевну «барыней», но обращаться на «вы» не перестала, тогда как Софья Дмитриевна по-прежнему говорила ей «ты».

- Полунины? Знаешь, они хорошие люди. Но у них беда: Николай и Ирина пропали в геологической разведке, никаких известий. Конечно, надежда ещё не потеряна, но...

- Пропали... - Глаша протяжным, глубоким взглядом посмотрела на Софью Дмитриевну, которая, встретившись с ним, присела на стул.

- Пропали... - задумчиво повторила она.

- А с кем же дети? - прервала молчание Глаша.

- С бабушкой. Ирина мать сюда переехала. Представь, Лытневы уже шепчутся, что ребяг нужно определить в детский дом, бабушку выселить, а...

- А на освободившейся жилплощади поселить, конечно, их, - закончила фразу Глаша.

- Ну да, их же шестеро в одной комнате.

Софья Дмитриевна слегка покраснела:

- Это я одна в двух комнатах...

- Софья Дмитриевна! Всех-то вы жалеете! Ну, отдайте им одну комнату. Какую, например? Спальню?

- Нет, нет! Что ты?!

- Остаётся эта комната. Но она же смежная! Вы что, будете к себе через Лытневых ходить?

- Глаша, но ведь раньше между комнатами была стена, а вон там дверь - ты же помнишь. Нужно всё восстановить, и пусть они забирают эту комнату, может, оставят в покое Полуниных. Им же всё равно, за чей счёт расширяться. Да и на мои квадратные метры никто уже не польстится.

3

Следует сказать, что в результате уплотнения, которому после 1917 года подверглось всё городское население, квартира Софьи Дмитриевны превратилась в коммунальную жилплощадь на четыре семьи. Помимо Софьи Дмитриевны, которая также считалась семьёй, квартиру населяли: Полунины, Лытневы и Трахманы. До недавнего вселения Полуниных здесь проживали Ртищевы, муж и жена, оба работавшие в торгсине и получившие за махинации три года тюрьмы с последующей ссылкой.

Софья Дмитриевна теперь уж и не помнит всех тех, кто после переустройства квартиры побывал её обитателем. Никто надолго не задерживался. Время легко, как ветер семени, рассеивало людей. Однако с Лытневыми ничего похожего не случилось, а если бы и случилось, Софья Дмитриевна никогда бы не забыла Евграфа Ефимовича и его родню.

Во-первых, памятным стало само его появление (остальные Лытневы присоединились к нему позже). Именно с этого дня запах карболки начал вытесняться из туалета более едким запахом пролитой мочи. Было очевидно, что предыдущий житейский опыт Лытнева не вмещал всех необходимых цивилизованному человеку навыков. Положение усугубилось, когда к семейству присоединился дед Ефим - отец Лытнева. С той поры висит в углу кабинета Алексея Арнольдовича собственная Софьи Дмитриевны крышка на унитаз. У Софьи Дмитриевны наворачивались слёзы, когда она натыкалась взглядом на деревянный обруч. Поражаясь вероломной изощрённостью жизни, она всякий раз думала о том, что такое не могло привидеться и в самом ужасном сне её молодости.

Во-вторых, Е.Е. Лытнев выделялся из общей массы прежних и настоящих жильцов повышенной склонностью.

- Да? - взъерепенивался он. - А чего это ты, Софья Дмитриевна, без очереди в ванную лезешь?!

Был он большеголов, твердолиц, с глубоко сидящими юркими глазами и лысиной, залегшей так, что оставалось только по клочку волос на висках.

- Бог с вами! Я вот здесь стою. Только за полотенцем отлучалась.

- Это с вами бог, а с нами Карл Маркс! Привыкли рабочий класс угнетать, на всём готовеньком жить...

Софья Дмитриевна никогда не слушала его до конца, а поступала так, как учила её Глаша.

- Закройте варезку, Евграф Ефимович, - не то простудитесь! - говорила она и занимала своё законное место в очереди.

Удивительно, но Лытнев утихал. Точнее, он продолжал причитать, но это было просто бурчание.

Судя по всему, кипевшее вокруг новое время несколько подвинуло его рассудок, отчего он согласно лозунгам дня всерьёз начал считать себя тем самым сознательным гражданином, которому до всего есть дело. При этом сущность его - не очень смелого человека - осталась прежней.

Однажды Софья Дмитриевна по пути на службу заметила, что Лытнев из-за дерева пристально наблюдает за гражданином в шляпе и элегантном пальто, который пытался прикурить у встречающих прохожих, но те как бы уворачивались от него, пробегая мимо. Когда же один всё-таки остановился и протянул гражданину свою дымящуюся папиросу, Лытнев выскочил из засады и с криком: «Стоять!» бросился к ним. Тот, что давал прикурить, сорвался с места и, по-волчьи озираясь, вскоре исчез из виду. Тот же, который прикуривал, застыл в недоумении.

- Ты чего делаешь? - вскричал подскочивший к нему Лытнев. - Постановление Моссовета нарушаешь?

- Какое постановление? - удивился он. - Я только что с поезда, мне ничего неизвестно.

- А мы сейчас милицию! Там тебе разъяснят.

Лытнев пошарил глазами и, наткнувшись на приближающуюся Софью Дмитриевну, позвал:

- Дмитриевна, дуй сюда! Свидетелем будешь!

К той минуте она уже понимала, что речь идет об идиотском постановлении Моссовета штрафовать за прикуривание на улицах, поскольку бездельники задерживают спешащих на работу сотрудников. Вот уж воистину: одни дураки законы пишут, другие следят за их исполнением!

- А идите вы к черту, Евграф Ефимович! - сказала, поравнявшись с ним, Софья Дмитриевна и повернула лицо к гражданину, мявшему незажжённую папиросу.

- Не обращайтесь внимания, идите, куда шли.

- Дмитриевна! Ты это... Тоже нарушаешь! - беспомощно прокричал ей вслед Лытнев.

Отчетливо различая за спиной неотстающие шаги, Софья Дмитриевна обернулась:

- Впредь знайте: ни просить, ни давать прикурить у нас на улицах нельзя - это приводит к опозданиям служащих на работу.

Гражданин опешил. В его светлых глазах промелькнуло сомнение.

- Такого не может быть!

- Но ведь есть же!

- Я, видите ли, писатель, но на подобное у меня не хватило бы фантазии! А кто этот бдительный гражданин? Его фамилия не Шариков?

- Нет, это Лытнев, мой сосед по коммунальной квартире. А как ваша фамилия, товарищ писатель?

- Она пока неизвестна публике.

- Что ж, успехов вам.

Они раскланялись, как в той прошлой, невероятно счастливой жизни, и тело радостно вспомнило этот поклон. Неизвестный писатель показался Софье Дмитриевне очень обаятельным. Ещё несколько дней мимолётно вспоминала она его, однако приближавшаяся очередная «чистка учреждения» заставила её забыть о той случайной встрече.

В отличие от Лытнева появление его супруги Капитолины Емельяновны было ничем не примечательно. Просто однажды возникла в квартире тихая женщина неопределённого возраста, глухо повязанная платком. Она носила чёрный плюшевый казакин и любила полузгать семечки на скамейке возле парадного. Ну, не отпускала её деревенская жизнь...

Вместе с Капитолиной приехал и её свекор - дед Ефим. Вот его-то вселение прошло шумно. Старик оказался яростно пьющим человеком. В дальнейшем прояснилось, что пьянствует он не регулярно и не так, чтобы часто - лишь по случаю пролетарских праздников и знаменательных текущих событий, из числа которых новоселье выпасть никак не могло.

Впервые увидав деда Ефима, Софья Дмитриевна подумала: надо же, как Евграф постарел за ночь? Внешнее сходство отца и сына поражало! По характеру же дед Ефим был крепче сына и просто так от своего не отступался. Имелась у него, правда, одна тщательно скрываемая тайна, делавшая его уязвимым.

На третий день отмечаемого новоселья, точнее вечер, Софья Дмитриевна, перепуганная предпринятой накануне попыткой Ефима штурмовать её жилище, позвала к себе Глашу. Как и вчера, ровно в двадцать один час в коридоре слышались голоса:

- Справная барынька, в соку, - говорил дед Ефим. - Тебе, Евграшка, ни к чему - у тебя и так баба есть, а мне, вдовцу, в самый раз!

- Да ну её, батя, она и в глаза вцепиться может!

- Ничо! И не таких объезжали!

На этих словах Глаша резко открыла дверь.

- Ефим Лытнев?

- Точно так, - хлопнул глазами дед от неожиданности.

- Служили в 1919 году у Колчака?

Старик слотнул, и его глазки в глубоких норках затаились, припогасли. Дед мучительно молчал, из чего становилось ясно, что вопрос правомочен.

- У вас есть право на явку с повинной, - с подталкивающей мягкостью объявила Глаша.

- Какая еще повинная? - начал приходить в себя дед Ефим. - Мы это... землю пахали...

- Ну да, после Колчака. Так же ведь?

Старик мотнул головой.

- Не-е, я за Советскую власть.

И желая усилить утверждение, добавил глупость:

- ... сызмальства!

Глаша улыбнулась.

- Ещё раз подойдешь к этой двери - и окажешься в ОГПУ. Знаешь что это такое?

- Ага, - закивал Ефим. - Ага... Я всё понял...

Он ухватил онемевшего сына за руку и поволок за собой.

- Извиняйте, ваше благородие, просим прощения... - пятился дед, у которого, похоже, случилось временное помрачение.

- Откуда ты о Колчаке узнала? - спросила Софья Дмитриевна, когда Глаша закрыла дверь.

- Да ничего я не узнала. Крестьяне - народ гнилой. Если не все поголовно, то очень многие из них служили у беяков. Этот факт, - она перешла на шёпот, - еще товарищ Троцкий отмечал.

К другой, не столь агрессивной части семейства Лытневых, принадлежала, помимо Капитолины, Евдокия Ефимовна, её золовка - младшая сестра Евграфа, пребывавшая всё время в каком-то тихо-недобром настроении, закономерно вызванном её некрасивостью, затянувшимся девичеством и отсутствием каких-либо иных, помимо устройства личной жизни, интересов. Такое сочетание обстоятельств в ком угодно способно развить ненависть к роду человеческому.

И все-таки судьба над ней сжалась: появились у Евдокии и муж, и дочь, с рождением которой даже стало казаться, что не весь белый свет не мил этой женщине. Увы, через некоторое время Евдокия уже снова изливала желчь на домочадцев, при этом свою порцию её раздражения получала

и маленькая Полина. Удивительно, но и отец, и брат, и невестка одинаково толстокоже реагировали на неё, а соседей Евдокия побаивалась задевать, отчего, наверно, и норовила сильнее всех досадить мужу. Но и тут у бедной женщины мало что получалось.

Молодой рабочий завода «Серп и молот» Николай Хворов (Евграф Лытнев работал вместе с ним, он-то и присватал тому сестрицу) постоянно находился в несокрушимо-благодном состоянии духа. Невосприимчивость его к ядовитой атмосфере семейного гнезда, заботливо создаваемой супругой, была, видимо, вызвана тем, что возвращался он с работы регулярно нетрезв.

Из упомянутых жильцов ещё не рассказано о Трахманах, коммунальная жизнь которых была едва заметна. Мать семейства, 85-летняя вдова Броня Яковлевна, проводя на кухне немало времени (требовалось полноценно кормить дочерей), умудрялась быть там только собственной тенью: она никому не пересекала путь, не мешала у плиты или водопроводного крана. Даже Лытнев-сын не трогал старушку, видимо, не зная, как мотивированно применить к ней свою агрессию. Впрочем, такая его позиция возникла не сразу, а после сцены, увиденной как-то поутру: Броня Яковлевна, разделявая ножом щуку, легко рассекала толстый хребет рыбины, который под мощным напором руки распался со звонким хрустом. Уж о чём подумалось Евграфу - неизвестно, только с тех пор не последовало и самой вялой нападки на Броню Яковлевну.

А, может, тому способствовали слухи о прошлом сестер Трахман, Эммы Моисеевны и Беллы Моисеевны, которые во время Гражданской войны очень уж беспощадно, недрогнувшей, так сказать, рукой (и ведь было в кого!) справлялись с врагами молодой республики. Теперь обе работали в Центральном Совете профсоюзов, у товарища Шверника, уходили рано, приходили поздно и о том, что их трудовой день окончен, можно было судить по долгому мытью Броней Яковлевной посуды после обильного ужина «девочек». Между тем, одной было 56 лет, другой - 58.

4

- На вашу жилплощадь и так никто польститься не может: у вас есть на неё законное разрешение.

- Конечно, есть, и спасибо тебе за него. Только помнишь, кем оно подписано?

Глаша опустила глаза, и Софья Дмитриевна тихо ответила за нее:

- Председателем Моссовета Каменевым. Согласись, сейчас не лучшее время предъявлять кому-либо этот документ.

- Ну, да, вы правы, Софья Дмитриевна.

- А теперь представь, мне при очередном уплотнении оставляют не спальню, а эту комнату...

Глаша поднялась, разливая по бокалам только что открытое вино.

- Вы не устали надеяться, ждать? Столько лет прошло...

- Нет, - твердо произнесла Софья Дмитриевна.

- Извините, ради бога! - Глаша села и с тоской посмотрела в вечернее окно, на сини которого смутно белели пилястры Меньшиковой башни. - Это я устала. Устала ждать, когда мировая революция свершится, когда мы коммунизм построим, когда Эмиль со своей Елизаветой расстанется. Жизнь проходит, а всё только в будущем!

- Как же, Глаша, без мечты? Люди без неё не могут. Кто-то о коммунизме мечтает, кто-то о приумножении своих квадратных метров... Полбеда, если мечта не сбывается, беда - если теряешь надежду на её исполнение.

- Всё-то вы правильно говорите, Софья Дмитриевна. Ну, за надежду? - грустно улыбнулась Глаша.

Они чокнулись бокалами. После утихших хрустальных звуков вдруг послышался тонкий стук, будто что-то слетело с кончика перезвона и несколько раз ударилось в какую-то из стен.

- Наверно, это мастерит сын Полуниных, - послушав тишину, сказала Софья Дмитриевна. - Саша хороший мальчик, толковый. Жаль будет, если в детском доме окажется.

Но тишина вновь раздробилась стуком, который падал теперь тяжёлыми горошинами и выкатывался... из второй комнаты Софьи Дмитриевны.

Женщины переглянулись. Моментально всё поняв, они кинулись в спальню. Руки у Софьи Дмитриевны дрожали, но она справилась - нашла на опрае зеркала кнопку. Дверца сдвинулась мягко, как если б её на протяжении минувших лет регулярно смазывали, и посторонилась... перед стоявшей за ней Клавдией!

Глаза у Софьи Дмитриевны, вздрогнув, широко распахнулись - словно бы вскрикнули от ужаса разочарования: ведь никого другого, кроме Алексея, не ожидала она увидеть.

А Клавдия обвела всех растерянным взором, из которого в следующее мгновение ускользнуло сознание. Не сделав и шага, она упала в обморок.

Софья Дмитриевна и Глаша перенесли её на кровать. Только вдохнув укуса (нашатыря не нашлось, а на духи «Красная Москва» и медицинский спирт никакой реакции не было), Клавдия пришла в себя.

Конечно, время изменило её, но она не стала выглядеть хуже. Наоборот, Клавдия похудела до стройности, которая так привлекает многих мужчин в «ядренных бабах», а красота лица как бы обострилась из-за ушедшего выражения мягкости.

- Барыня... Глаша... Я вернулась?

Она села на кровати и посмотрела по сторонам.

- Мне сегодня, когда на Мясницкой стояла, ресница в глаз попала, я зажмурилась, и вот... Сколько же лет прошло!

- Это точно, уйма лет прошла после твоего предательства, - холодно отозвалась Глаша.

- Оставь, - попросила её Софья Дмитриевна, - зачем ворошить прошлое!

- Да права Глаша, - спокойно согласилась Клавдия, - предала я вас, огорчила. За то и наказана: непонятно, какой жизнью живу...

И будто боль пролилась:

- Простите меня... Простите, если сможете...

У Софьи Дмитриевны повлажнели глаза.

- Да ладно уж, - потеплела и Глаша. - А на Мясницкой ты напротив Почтамта стояла?

- Ага, там.

Глаша и Софья Дмитриевна молча переглянулись.

- Скажи, - продолжила Глаша, - а что это на тебе надето? Ты откуда вообще?

Наступившую тишину, как нельзя кстати, оборвал голос из репродуктора:

- Говорит радиостанция Коминтерна. Московское время - двадцать один час. Сегодня, восьмого августа тысяча девятьсот ...

- Я из той жизни, которая наступит через восемьдесят лет, - подсчитав, бесстрастно объявила Клавдия. - А надета на мне «олимпийка» - костюм такой спортивный.

Ладные формы её были тесно заключены в тёмно-красные брюки и того же цвета куртку на молнии с витиевато начертанными буквами RUSSIA.

- Ты стала спортсменкой? - улыбнулась собственному вопросу Софья Дмитриевна. - И почему у тебя написано Раша, а не Юэсэсэр?

- Ну, во-первых, этот костюм не только спортсмены носят, а, во-вторых, ... нет там никакого СССР!

- Неужели белые всё-таки победили? - изумилась Софья Дмитриевна, виновато посмотрев на Глашу.

- Да какие белые! Ни они, ни фашисты, никто ничего не смог сделать - сами всё развалили!

- Этого не может быть! - возмутилась Глаша.

- Глашка, Глашка, - по-доброму покачала головой Клавдия. - Расслабься, ты до этого... точнее, уже мы - не доживём!

И взглянула, дрогнув иронично губами:

- А ты, надо понимать, большевичка?

- Именно так и понимай!

- Ладно, я вам сейчас кое-что про светлое будущее расскажу, но сначала... Софья Дмитриевна, а ведь Алексей-то Арнольдович - там!

- Где?! - Софья Дмитриевна схватилась обеими руками за спинку кровати.

- Ну, там, откуда я теперь...

5

То, что узнали Софья Дмитриевна и Глаша, показалось им невероятным.

- Значит, в 19 часов 9 мая 1975 года? - раскрасневшись, сияя глазами, переспросила Софья Дмитриевна.

- Да, я хорошо помню и время, и число, и год.

- У Почтамта?

- У Почтамта.

Софья Дмитриевна в волнении прошлась по комнате, села на стул, счастливо закрыла лицо руками. Но через минуту уронила их, ошеломлённая неожиданной мыслью:

- Как же я доживу до этого 1975 года?

- Вообще-то считается, что те, кто вляпался в эту байду, ну, побывал, как мы, в другом времени, потом перестают стареть. И, между прочим, у меня это, кажется, уже началось.

Софья Дмитриевна недоверчиво взглянула на Клавдию.

- А всё-таки, ты ничего с годом не перепутала?

- Да нет же, не перепутала, это день тридцатилетия Победы.

- Победы?

- В Великой Отечественной войне, которая началась в 1941 году, а закончилась в 1945-м. Нам её ещё предстоит пережить. Да и много чего другого... - погрузнела Клавдия.

Из последовавшего затем рассказа вытекало, что будущее, мягко выражаясь, совсем не лучезарно. Конец повествования продолжила тяжёлая тишина; в тягостном молчании каждая думала о своём.

- Я, наверно, поеду в Сибирь, к своим, если живы, конечно, - первой заговорила Клавдия. - А если и не осталось никого - всё равно поеду. Вот только как без документов?

- Паспорт я тебе постараюсь выправить, - пообещала Глаша.

- А то, Глаш, поехали со мной, - оживилась Клавдия. - Пока не поздно, поехали! Нельзя тебе здесь.

- Мне ничто не угрожает, - сухо проговорила Глаша.

- Ага, все они тоже так думали. И маршалы, и генералы, и министры... Не дури, Глашка, поехали. Вон и Софью Дмитриевну с собой возьмем - до 1975 года ещё далеко!

- Мне нельзя: Алексей Арнольдович может раньше вернуться.

- Не может. У них там раньше 1975 года ничего не получается.

- Разве он не бывает на Мясницкой?

- Ещё как бывает! Напротив Почтамта часами стоит.

Софья Дмитриевна схватилась рукой за горло, закрыла глаза и, показалось, окаменела, но через несколько секунд блеснула на её щеке мокрая дорожка. Потом она резко встала и вышла.

- Долго рассказывать, - ответила на недоуменный взгляд Клавдии Глаша, решив без ведома Софьи Дмитриевны не открывать ей, как оттуда возвращаются.

Стукнула дверь. Послышался голос Софьи Дмитриевны:

- Глаша! Клавдия! Что вы там сидите! Идите к столу!

6

Вот уже второй день в ожидании паспорта Клавдия жила у Софьи Дмитриевны. Поначалу она всё ходила и поражалась тому сокрушительному преобразению, которое постигло некогда шикарную квартиру. Более всего было ей обидно за кухню, превратившуюся из просторной, облицован-

ной белоснежным кафелем комнаты в загромождённое столами и табуретами помещение с облупившимися крашеными стенами и пятнисто-рыжим потолком. На следующий день горечь от обступившей её новизны улеглась, и Клавдия начала присматриваться к жильцам. Первой, с кем она пообщалась, была Капитолина Емельяновна.

- Подвинься, что ли, - сказала Клавдия, присаживаясь на скамейку у подъезда, где Капа по обыкновению лузгала семечки.

Было четырнадцать часов третьего дня рабочей шестидневки¹ - время, когда дома остаются лишь пенсионеры, грудные дети и иждивенцы. Клавдия считалась родственницей Софьи Дмитриевны, приехавшей ненадолго у неё погостить. Предусмотрительно сменив свою «олимпийку» на платье из сильно обедневшего гардероба бывшей коллежской ассессорши, она чувствовала себя стеснительно в одежде непривычного фасона. Однако при виде казакина Капитолины настроение у неё улучшилось.

- Где ж такими бархатами торгуют?

- Чего? - подняла Капа сердитое лицо с нависшей на губе шелухой.

Оценив её неотзывчивость, Клавдия решила тему не развивать.

- Забей. Проехали.

- Чего? - по-прежнему щетинисто спросила Капа.

- Ты чего всё время «чевокаешь»?

- Чего?

«Совсем без ума», - подумала про неё Клавдия и собралась уходить, но, вспомнив, что в квартире заняться нечем - в комнатах Софьи Дмитриевны она прибралась ещё утром, а ужин готовить рано, - решила остаться.

- Что в кино сейчас показывают? - помолчав, спросила Клавдия.

- Так это ж, - улыбнулась вдруг Капа, - «Волга-Волга».

- А... Знаю... Отстой.

- Как это?

Тут Клавдии вспомнилась Софья Дмитриевна, которая говорила ей: «Ты следи, пожалуйста, за своей речью, не стоит привлекать к себе лишнего внимания. Я заметила, у тебя слова используются не в их прямом значении, да и сама ты стала совершенно другой». «Ну, конечно, - оправдывалась Клавдия, - там, откуда я, скромные кухарки не выживают!»

¹ С ноября 1931 года по июнь 1940 года в СССР существовала шестидневная рабочая неделя с фиксированным днем отдыха, приходящимся на 6, 12, 18, 24 и 30 число каждого месяца.

- А по телевизору какой сериал идёт? - тщательно подобрала она слова.

- Чего? - снова впала в недоумие Капа, но Клавдия догадалась, что женщина ни в чём не виновата:

- Телевизоры у вас есть?

- Какие ещё телевизоры?

- Понятно, я так и думала. Значит, про мобильники и спрашивать нечего.

Лытнева давно уже перестала грызть семечки и сидела, нахохлившись, докапывая раздражение, чтобы взорваться. Клавдия, сообразив, что последняя фраза именно к этому сейчас и приведет, быстро вынула из кармашка сотовый телефон.

- На, смотри, - засветила она экран. - В этой штуковине много интересного. Можно, например, в головоломку поиграть или пасьянс разложить. У меня тут полно всего загружено. Только зарядка скоро кончится.

Испугавшись, что опять наговорила много непонятных слов, она напряглась, но Капа увлеченно разглядывала ярко-красочные изображения карт, выведенные Клавдией из раздела меню «Игры».

- Ишь, красота-то какая! - восхитилась Капитолина.

- А их ещё передвигать можно. Вот, пальцем. Попробуй сама.

После нескольких упражнений по перемещению карт Капа спросила:

- А можно мужу со свёкром показать?

- Почему же нет.

- Только Евдохе нельзя. Она психованная, вредная.

- Да у вас вся семейка такая, - не сдержалась Клавдия. - Видела я твоих... мужа со свёкром.

Капитолина посмотрела исподлобья, и Клавдия поспешила дать добрый совет:

- Вам йогой заниматься надо. Она нервную систему успокаивает. Я, например, занималась.

- А как это? Научишь?

- Легко. Иди, готовь деда. Да и сама размотайся. Ты что, в этом платке родилась?

- Нам, мужним, нельзя простоволосыми ходить.

- Так то в деревне. А вы ж теперь понаехали, москвичами стали! Соответствуйте!

Для демонстрации упражнений Клавдия отправилась одеть «олимпийку», столь рельефно выделявшую достоинства её фигуры.

Тем временем дед Ефим негодовал:

- Ты, Капитолина, совсем сбрендил! Надо ж, чего удумала! Я сейчас вожжи возьму...

В этот момент на пороге лытневского жилища появилась Клавдия:

- А вы и вожжи из деревни прихватили?

При виде стройной красавицы дед осекся, сердце старого бабника дрогнуло, и он неожиданно широко заулыбался полным крепких жёлтых зубов ртом.

- Как же без острастки? Без неё никак нельзя!

- Да, дедушка, всё бы вам кулаком проблемы решать... Отстаём от прогресса, тормозим! Гуманней надо быть!

- Да какой я дедушка! - приосанился Лытнев. - Я какую хошь молодку еще затопчу!

- Ну и хорошо, - мягко согласилась Клавдия. - Тогда, чтобы силы ваши не слабели, нужно делать упражнения. Сейчас покажу.

- Ну, валяй, уговорила! - посвечивая глазками, кивнул Ефим.

- Вставайте вот здесь, рядком... А где Евдокия ваша?

- Она в магазин пошла, с дочкой, - объяснила Капа. - Не скоро вернётся. Пока все витрины не оглазеет, ни за что не вернётся.

- Интересный у неё шопинг, - улыбнулась Клавдия.

А дед сипло рассмеялся:

- Какие-то ты слова непонятные говоришь, красавица! Видать, шибко учёная. Наверно, учёней нашей барыньки будешь!

Клавдия недоуменно посмотрела на него, посерьёзнела.

- Показываю первую асану - позу, значит. Называется - поза горы.

Затем последовали позы дерева, змеи, плуга... Ученики кряхтели, ломая неподатливость собственных тел, и, хоть мало что у них получалось, - налицо было невесть откуда взявшееся азартное усердие.

- А теперь последняя поза - поза счастливого ребёнка! Показываю: бедра прижаты к животу, ноги согнуты в коленях, руки обхватывают стопы. Держимся десять дыханий.

Поза счастливого ребёнка деду Ефиму не удалась, поскольку он совершенно обессилел, продолжая, впрочем, смотреть на учителя с прежним блеском в глазах, а Капитолина в своей широкой юбке не стала задира́ть ноги, надо понимать, из соображений приличия.

- Ладно, можете без «счастливого ребенка», но остальные позы - каждый день! Обязательно с Евдокией!

И в полголоса добавила:

- Не заметите, как полюбреете...

- А ты ещё-то придешь нам асаны эти показывать? - перекатившись со спины на карачки, спросил дед.

- Теперь все в душ! - не ответила Клавдия. - Приступаем к водным процедурам!

- В душ? - удивился старик. - Не, мы в баню ходим. По воскресеньям... тьфу-ты... по шестым дням шестидневки...

Клавдия обвела взглядом Лытнева-старшего и, мысленно махнув рукой, решила идти прочь. Но вдруг в глаза ей бросилась Капа - как выются её растрепавшиеся золотистые волосы, как теперь не похоже это её разругавшееся лицо на тот недавний, обернутый серым платком лик.

- Сколько тебе лет?

- Так уж двадцать шесть, - засмуцалась Капа.

- Что ж ты, в Москву приехала, а нигде не работаешь, не учишься, никуда не ходишь?

- В кино хожу...

- В кино... Я раньше тоже всё в кино ходила...

Клавдия помрачнела, молча открыла дверь, обернулась:

- И не носи ты этот платок... и казакин свой выброси - прямо, старуха в них!

Пока дверь закрывалась, Капа стояла, потупившись, а дед Ефим растерянно моргал - то ли пораженный наглостью гостьи, то ли её правотой.

Тёплый душ (если читатель помнит, дом был газифицирован ещё с до-революционных времен) отогнал надвигавшуюся хандру. Уловив по пути из ванной запаха готовящейся пищи, Клавдия свернула в кухню.

Броня Яковлевна хлопотала над ужином для «девочек».

- Котлетки? - втянув ноздрями, поинтересовалась Клавдия.

- Да, да, - осветилось доброй улыбкой морщинистое лицо старушки. - Эмочка и Беллочка очень их любят.

- Разнообразить не пробовали? Ну, навернут они их, как всегда, с картошкой... Или у вас что-то свое, национальное, к ним подается?

- Да, нет, картошка... Ещё макароны.

- Советую попробовать гамбургеры.

Броня Яковлевна вежливо - внимательно посмотрела на Клавдию.

- Я не знаю такого блюда.

- Проще простого готовится. Фарш остался? Еще булка понадобится, солёный огурец, зелень, кетчуп - и Макдоналдс отдыхает!

- Извините, я глуховата, но, кажется, всё есть, кроме последних двух продуктов.

- Что, зелени и кетчупа нет?

- Зелень я как раз сегодня на базаре купила, а вот кетчуп и макдас - я даже не представляю, что это такое...

- Хорошо, обойдёмся без Макдоналдса, - быстро нашлась Клавдия. - А соус томатный имеется?

Броня Яковлевна закивала головой:

- Имеется, имеется.

Вскоре Клавдия уже делила для пробы первый гамбургер между Броней Яковлевной и Капой, которая появилась на кухне в сарафане и без платка. Через некоторое время присоединился к дегустаторам и дед Ефим, единолично съевший целый гамбургер. То ли йога начала действовать, то ли бутерброд был так хорош, но и дед, и Капа приобрели благостный вид.

- Вот таким образом, - подвела итог Клавдия. - Одними котлетами и закормить недолго. Ладно, мне самой пора ужин готовить. Что тут из продуктов? - открыла она кухонный шкафчик Софьи Дмитриевны - Сосиски... Отлично! Можно сделать хот-доги!

Все находившиеся на кухне дружно подались к Клавдии...

7

Удивительно, но всего за три дня Глаше удалось оформить Клавдии паспорт - положение и связи во все времена позволяют делать многое, эпоха ограничивает лишь понятие этого «многого».

Поезд, на который был куплен билет, отправлялся утром следующего дня с Северного вокзала.

- С Северного? Это что ещё за вокзал? - удивилась Клавдия.

- Ну, тот, что при тебе назывался Ярославским - пояснила Софья Дмитриевна.

- Понятно... Его потом назад в Ярославский переименоуют, - поделилась знанием Клавдия.

А в ночь перед её отъездом Софья Дмитриевна была разбужена всхлипами. Она подошла к Клавдии, присела на край постели, погладила её по волосам.

- Мне страшно, - прошептала Клавдия. - Страшно жить, зная всё наперёд...

Она облокотилась на подушку, глубоко вдохнула, чтобы унять слёзы, немало успокоилась.

- На Маросейке есть дом... Он в глубине стоит, к нему между других домов как бы переулочек тянется.

- Да, да, есть.

- Знаете, на нём потом доску повесят в память о погибших в теперешнее наше время: всем, кто жил в этом доме, ушёл и не вернулся. Так слово в слово и написано, я запомнила. А ведь это были такие же Лытневы, Трахманы, Полунины, хорошие, плохие, самые обыкновенные люди... Любим мы царей! Страдаем от них, а любим. Из последних сил! А там уж... Алексей Арнольдович говорит, что Россия по заколдованному кругу ходит - от революции к царю, от царя к революции...

- А, может, Господь хочет нас, русских, чему-то научить?

- Да чего-то не учимся мы... русские... Чудно! Потом мы разделимся на россиян и всех остальных; россияне - это те, которые всё себе заграбастали. Они прямо так и объявляют по телевизору - вы же знаете, что это такое?

- Конечно, у нас уже несколько лет телевидение существует. Только оно широко не доступно.

- А там очень доступно, не знаешь, куда от него деться. Так они откровенно говорят: мы - россияне, Газпром наше национальное достояние!

- А что такое Газпром? Газовая промышленность?

- Да, это то, с чего они кормятся. Ну и с нефти ещё.

- В прошлом твоём рассказе таких подробностей не было.

- Да вы и без них сильно загрузили... И потом, Глашку жалко. Вы-то, Софья Дмитриевна, переживёте, а она - идейная...

- Да, Глашу жаль... Знаешь, политика - это как бы одна из оболочек жизни, а человек намного сильней, если для него внешние её стороны - не главное. Есть же семья, любовь, дети...

- Ну да, ещё богатый внутренний мир! У вас-то с ним всё в порядке, а вот у меня, например, он небогат. И где ж ему разбогатеть в этом чёртовом Тобольске, куда я приеду накануне войны и буду потом вкалывать на каком-

нибудь эвакуированном заводе под плакатом «Всё для фронта, всё для победы!», и хорошо, если ноги не протяну. А когда победим, снова нужно будет выживать - в голоде, в разрухе, без мужиков, потому что они на этой проклятой войне полягут... Нет, Софья Дмитриевна, человек не должен знать своего будущего! Отпустите вы меня!

- Из этого мира? - сразу же поняла её Софья Дмитриевна.

- Да! - с надеждой в глазах кивнула Клавдия. - В любой другой. Авось, не пропаду!

Софья Дмитриевна раздумывала недолго.

- Хорошо, - спокойно сказала она и встала. - Ты только «олимпийку» не надевай, оденься в платье. Я тебя жду.

Комната, в которую Софья Дмитриевна не ступала с того рокового дня, всё-таки же освещалась нетающей свечой, и всё так же на стене висел портрет дамы.

Она обняла Клавдию:

- У тебя всегда будет шанс вернуться.

Клавдия отвела голову назад, посмотрела удивлённо покрупневшими глазами.

- Нужно, находясь лицом к Почтамту, крепко зажмуриться. Именно это ты и сделала, когда ресница под веко попала.

- Так просто?! - изумилась Клавдия.

- На первый взгляд просто, но, путешествуя во времени, можно оказаться в любых обстоятельствах. Будь осторожна.

На этот раз Клавдия обняла Софью Дмитриевну, и они замерли.

- Ну, удачи тебе, - пожелала Софья Дмитриевна. И возьми вот это. Пригодится в любом времени.

Раскрыв ладонь, на которой лежали рубиновые серьги, она положила их в кармашек Клавдиного платья.

8

Следующим утром Софья Дмитриевна позвонила Глаше:

- Я тебя вечером очень жду. Зайдешь?

Оттого, что виделись они накануне - Глаша приносила Клавдии паспорт и билет до Тобольска, - Софья Дмитриевна поразилась происшедшим с ней всего за сутки изменениям.

- Плохо спала, - сказала осунувшаяся, непривычно тихая Глаша. - Да и в горькоме...

Она махнула рукой и придвинула чашку чая.

- Глаша, ты меня прости, но этот разговор не терпит отлагательства.

- Какой разговор? - вяло спросила Глаша.

- Ты же сама видишь: всё, о чем рассказывала Клавдия, это не выдумки!

За тобой придут не сегодня - завтра!

- Но я ни в чём не виновата!

Софья Дмитриевна горько усмехнулась.

- Конечно, можно ничего не бояться, надеясь на справедливый суд. Только нет его и в помине. Ты просто пропадёшь за что!

Глаша сидела с несогласным видом, однако было заметно, что внутренне она не противится этим словам.

- Что же мне теперь - скрываться? Даже, если я, как Клавдия, в Сибирь уеду, всё равно меня найдут!

- А Клавдия в Тобольск и не уезжала...

- Где же она? - невольно оглянулась Глаша.

- А ты не догадываешься?

Лицо у Глаши покраснело, и глаза с мерцанием остановились на Софье Дмитриевне.

- Что, вы и мне предлагаете то же самое?!

- Другого выхода нет! Согласись, это же не безусловная гибель, как если бы ты осталась здесь ожидать своего часа. И потом, можно всегда вернуться, ты же знаешь. Риск, конечно, есть, однако в таком деле его и не может не быть. Знаешь, я открыла Клавдии способ возвращения, но она до сих пор там. Я уверена - ничего плохого с ней не случилось.

Глаша, облокотившись на стол, закрыла лицо руками.

- Глаша, родная, у меня никого, кроме тебя... Когда ты уйдёшь, я останусь одна. Совершенно одна! Но так я хотя бы буду знать, что ты есть, и, может, когда-нибудь мы даже встретимся. Ты должна уйти. Понимаешь?

- Да, - прошептала Глаша, отстраняя руки. - Но Эмиль! Я не могу без него!

- Так будьте вместе! Здесь он обречён, а там, да ещё вдвоем, вы не пропадете, поверь!

Глаша благодарно положила ладонь на руку Софьи Дмитриевны.

- Как его только уговорить? Боюсь, что это невозможно.

- Отчего же? Пусть он это сделает ради тебя! Не может же революция

быть дороже любимой женщины!.. Ах, да, по тому, как ты смотришь, я понимаю, что сказала глупость. Значит, найди другие доводы! Я и сама бы с ним поговорила, но ты знаешь - он меня недолюбливает.

- Хорошо, Софья Дмитриевна, я постараюсь, я найду подходящие доводы.

- Вот и договорились! Но сделать это нужно в самое короткое время. Завтра вечером я вас жду.

Так никогда Софья Дмитриевна и не узнала, сумела ли Глаша убедить Будного, потому что на следующий день их обоих арестовали. Софья Дмитриевна ходила в тюрьму с передачами для Глаши до тех пор, пока ей не объявили, что гражданка Спиридонова осуждена на десять лет без права переписки. От Клавдии Софье Дмитриевне было известно, что это означает...

И она осталась совершенно одна.

Часть 3

1

- Соня! - вскрикнул Алексей Арнольдович.

Вокруг было всё то же - светлый день, движение улицы, трое странных молодых людей - только не было её.

- Они, наверно, фокусники! - отреагировал на исчезновение Софьи Дмитриевны тот, что был с кольцами в ушах.

- Пошли отсюда, пацаны, не нравится мне это, - отозвался его приятель, и троица, гуськом ринувшись на другую сторону улицы, запетляла между авто.

А Алексей Арнольдович, словно его обесчеловечили, как механическое существо, стал заведёно озираться. А когда душа к нему вернулась, вошла в голову и первая мысль, которая показалась страшнее смерти: Сони теперь не будет... Она буквально подкосила Алексея Арнольдовича, чтобы не упасть, он сел на тротуар.

Прохожие аккуратно обходили его стороной, пытаясь, видимо, угадать, что заставило так напиться этого прилично одетого гражданина. Алексей Арнольдович осознавал свое положение, но как бы через слой всё не уходящей из головы первой мысли, а потому смазано, без боли. Когда кто-то, в

отличие от других, принял Алексея Арнольдовича за нищенствующего интеллигента и бросил ему монетку, тот в порыве негодования вскочил на ноги. Жертвователю испугано поспешил скрыться, но благодаря ему с Алексея Арнольдовича сошла оторопь.

«А почему я, чёрт возьми, решил, что больше не увижу Софью?! Раскис, как кисейная барышня! И вообще - что происходит?!»

Опять, теперь осознанно, оглядевшись, он вспомнил о сделанном незадолго до исчезновения Софьи заключении: вокруг неведомая, чужая Москва. И таким естественным порывом потянуло его к дому, к родным стенам.

Войдя в свой переулок, Алексей Арнольдович приободрился, поскольку на фоне обнаруженных по пути перемен он уж и не чаял увидеть серый дом с рыцарем в нише над парадным. Впрочем, и этот дом печально не соответствовал прежнему своему виду.

Из-за того, что часть его была срезана, он казался покалеченным ради воплощения чьей-то нелепой идеи пристроить к нему другой дом, который теперь стоял встык, никак не облицованный, из голого кирпича. Алексей Арнольдович нервно отыскал взглядом окна своей квартиры и тогда понял, что вместе с частью дома утрачена и их с Софьей спальня. Да, всё было не так, всё было другим...

У подъезда - ни швейцара, ни звонка, как открыть дверь? Алексей Арнольдович заметил на стене некое устройство с множеством кнопок, но изучить его не успел, так как дверь поплыла, выпуская седовласого, статного господина, который очень внимательно на него посмотрел. А Алексей Арнольдович, не мешкая, бегом поднялся на свой этаж и позвонил в свою квартиру.

На звонок вышел господин, очень похожий на только что повстречавшегося Алексею Арнольдовичу, но заметно его старше.

- Чем могу быть полезен?

- Где Софья Дмитриевна? И как вы оказались в моей квартире? - возбуждённо произнес Алексей Арнольдович, уже, впрочем, догадываясь, что совершенно непонятен этому господину.

Тот отступил на полшага и смущённо кашлянул:

- Что, простите?

- Супруга моя, Софья Дмитриевна Бартеньева, она где? - угасая надеждой быть понятым, тихо спросил Алексей Арнольдович.

Но вдруг во взгляде господина, до того притуплённом замешательством, блеснула острота. Его память явно что-то обнаружила!

- Проходите, пожалуйста.

Алексей Арнольдович, конечно, не узнал своей квартиры. Он вообще перестал ожидать встречи со вчерашним в его первоизданном виде, которое, если и представало, то всегда осыпавшимся, как старая лепнина, с какими-то выветренными контурами.

- Добрый день. Я профессор Полуниин Игорь Леонидович.

Был он высок, жилист, с гривой полных сил волос, и если бы не морщинистая худощавость лица, ничто не выдавало бы его солидный возраст.

- Коллежский асессор Бартенъев Алексей Арнольдович.

Профессор вежливо поклонился, при этом Алексей Арнольдович заметил уплывающее с поклоном начало улыбки.

- Я чем-то вас рассмешил?

- Нет, нет! Простите! Сейчас я вам всё объясню. Проходите, садитесь.

Они расположились в бывшей гостиной Алексея Арнольдовича, которая таковой, видимо, являлась и теперь.

- Дело в том, - начал профессор, - что я... знал Софью Дмитриевну.

Алексей Арнольдович напрягся, застыл взглядом на Полуниине.

- Господин Бартенъев, сейчас вы услышите много необычного, поэтому прошу вас: воспринимайте всё как можно спокойнее... Итак, ранее здесь была коммунальная квартира, то есть квартира не для одной семьи, а для нескольких. Я тоже в ней жил вместе с родителями и братом. А одну из комнат занимала Софья Дмитриевна. Той комнаты теперь нет, её не стало вместе со снесённой в 1980 году частью дома.

- В каком году?! - не поверил услышанному Алексей Арнольдович.

- В 1980-м. В далёком теперь прошлом. Потому что вы, господин коллежский асессор, находитесь там, где подобных чинов не существует, - в двадцать первом веке, в году от Рождества Христова две тысячи... Послушайте, вам сейчас не повредит немного коньяку...

Полуниин спешно достал из серванта пару тонких рюмок и тёмно-матовую бутылку с надписью на этикетке «CourvoisierNapoleon».

Первый же глоток вкусом и ароматом расколдовал оцепенение мышц. А в следующую секунду Алексей Арнольдович удивился, как не ко времени и не ко месту вошло ему в голову сравнение: шустовский коньяк, пожалуй, помягче...

- Ну вот, теперь вы не такой уже бледный, - заметил профессор. - Еще рюмочку?

- Пожалуй...

Из дальнейшего разговора Алексей Арнольдович узнал, что Полунин - учёный, который давно занимается проблемой перемещения во времени. После подробного рассказа Алексея Арнольдовича о происшедшем профессор, улыбаясь, объявил:

- Всё очень просто - вы с супругой оказались в «кротовой норе».

Алексей Арнольдович так и не понял, чем являются эти «норы» по сути, потому что представить пространство и время как единое целое, имеющее свою геометрию, было непосильно для его воображения. Усвоил он только то, что вход в «нору» невидим, и на свою беду попадая в неё, жертва переносится в другое время, а окажется оно будущим или прошлым - это неизвестно никому. Но точно установлено, что местоположение обоих концов «норы» неизменно. «В вашем случае - это, условно говоря, потайная комната и Мясницкая напротив Почтамта» - пояснил профессор.

«Вот, сижу, слушаю лекцию, - думал Алексей Арнольдович, - а сам я - никто, и ничего у меня нет... И, главное, нет Сони!»

- Она вернулась в своё время, а вы остались в нашем, - заключил профессор. - Дело в том, что обратное путешествие через «нору» всегда заканчивается там же, где и началось.

- Ну, а потом что с ней было? Ведь вы жили здесь одновременно с Софьей Дмитриевной.

- Она исчезла...

- Как? Куда?!

Профессор пожал плечами.

- Мне известно об этом лишь со слов брата. В то время он оканчивал Московский университет, а я с родителями жил в Ленинграде, то есть в Петербурге... Вы простите меня, но теперь не имеет никакого значения, как исчезла Софья Дмитриевна, потому что ни один человек из вашего прошлого всё равно не дожил бы вот до этого солнечного дня за окном. В нашем времени ваша встреча невозможна! Если только Софья Дмитриевна сама не попробует сюда переправиться. Но она этого как раз и не сделает, иначе я не застал бы её живущей в коммуналке.

- Но почему не попробует?

- А где гарантия, что с того вашего стула перенесешься именно в нужное время? Полагаю, ваша супруга интуитивно это поняла. Не могла же она знать о «кротовых норах»!

- Профессор, а не допускаете вы, что её исчезновение и есть попытка переместиться сюда? Только неудачная.

Игорь Леонидович задумался.

- Маловероятно: она бы сделала это сразу, на эмоциях, а не через столько лет... Впрочем, надо о том случае расспросить брата поподробнее. Он, кстати, недавно был у меня. Ушёл прямо перед вашим появлением.

Далее Полунин начал рассказывать о своем младшем брате Андрее Леонидовиче, который был известным писателем. Вместе они купили эту квартиру, точнее, выкупили комнаты у остальных жильцов. И хотя Андрей Леонидович живет в другой квартире - с семьёй, но приезжает сюда часто, чтобы поработать - у него здесь свой кабинет.

А квартира эта, можно сказать, родовое гнездо. Здесь жили еще их дедушка и бабушка, их мать с братом, здесь и они всем семейством долго жили - два брата, мать и отец - Леонид Лифшиц, доктор медицины, профессор, хирург от Бога! Ему потом клинику в Петербурге дали...

Алексей Арнольдович слушал, но слышал плохо.

«Неужели этот добросердечный старик не понимает, что мне сейчас не до истории его семьи?»

Впрочем, услышав фамилию «Лифшиц», Алексей Арнольдович удивленно посмотрел на Полунина.

- Да, да! Он родной нам отец! А фамилия у нас по матери, потому что ... время такое было: не слишком-то евреев жаловали. И в ваше время, кажется, тоже...

- Боюсь показаться невежливым, но скажите, Игорь Леонидович, что же мне дальше делать?

- Ну и вы не считите меня жестокосердным: вам остаётся только надеяться на скорый научный прогресс. Понимаю, это похоже на пожелание больному дождаться изобретения лекарства от его недуга. Но в вашем случае всё не так безнадежно. Вам вообще везёт.

- В чём же? - усмехнулся Алексей Арнольдович. - В том, что в «нору» редко кому случается угодить? Так это всё равно, что живым на тот свет попасть...

- Я вам сочувствую, поверьте. Но! Во-первых, вам повезло, что после случившегося вы оказались именно здесь, а во-вторых, представьте, мы с коллегами вплотную подошли к осуществлению управляемого процесса перемещения во времени. Точнее, мы его уже осуществляем, но только на незначительные отрезки.

Далее профессор углубился в объяснение теоретических основ этого процесса. Безусловно, он отдавал себе отчёт, что Алексей Арнольдович - человек, не посвящённый даже в азы этой научной проблемы, а потому, как и в случае с «кротовыми норами», старался найти самые понятные слова. Обычно у слушателя это вызывает благодарное желание проникнуться учением - пока от безуспешности не приходит скука, ну а потом, когда одержимый знаниями профессор переходит на сплошные термины, - наступает раздражение. Но Алексей Арнольдович с радостью воспринимал каждую услышанную новость - о том, например, что «под эфиром подразумевается структурный уровень материи, предшествующий уровню элементарных частиц», или о том, что «с расширением Вселенной, - а она, как известно, расширяется, - плотность эфира уменьшается» и что, «если увеличить его плотность в каком-нибудь объёме, все предметы, находящиеся там, будут выброшены в прошлое, которому соответствует достигнутая плотность эфира».

Да и как же было ему не радоваться, если за последние несколько часов отчаяния появилось хоть что-то обнадеживающее. И даже не хоть что-то, а вполне конкретный предмет, который Игорь Леонидович принёс из другой комнаты.

- Этот прибор, - с трогательной улыбкой показывал профессор, - позволяет изменять плотность эфира. Уменьшение плотности внутри прибора ведёт к его увеличению в некотором радиусе вокруг, то есть к перемещению в прошлое всего, находящегося в этом радиусе. И знаете, что именно мы туда помещаем? Кинокамеру! Да, да, обычную кинокамеру! Мы располагаем её напротив Центрального телеграфа на Тверской, там, где на фоне герба часы и календарь...

- Но Телеграф находится вместе с Почтамтом на Мясницкой!

Полунин досадливо поморщился:

- Давно уже нет. И, если хотите знать, в известном вам здании Почтамта теперь вообще биржа! Однако мы отвлеклись, а я, между тем, подошел к самому интересному. Итак, мы располагаем камеру напротив календаря, кото-

рый устроен на Телеграфе, выражаясь фигурально, с незапамятных времен, включаем прибор, и... Вы меня понимаете?

- Понимаю, - кивнул Алексей Арнольдович, кажется, и в самом деле начиная понимать то, о чём только и стоило ему знать.

- Совершенно верно! - довольно заулыбался Игорь Леонидович. - Камера переносится в прошлое, фиксирует дату, мы возвращаем её и определяем, в каком времени она побывала! Конечно, всё не так просто, как я вам описал, но суть эксперимента именно такова.

- И далеко вам удалось проникнуть в прошлое?

- Четверть века уже осилили. Задача уплотнения эфира до нужного значения решена нами не до конца. В этом деле имеются непреодолимые пока трудности, в частности...

Алексей Арнольдович больше не слушал профессора: он неожиданно и мгновенно заснул.

Сон был без действия, тихий. Где-то рядом всё время находилось что-то тёплое, родное, милое. Порой он видел его, но вскользь и смазано - через дымку. Кажется, это мама была, а иногда он в этой женщине её не узнавал и не узнавал никого, но любил так, что сочилась слезою душа. А потом душа вспомнила и узнала! «Как же ты забыл меня?» - спросила Соня с печальной улыбкой. «Нет, что ты!» - рассмеялся он. «Видишь, - сказала она, - я с тобой рядом, но не вместе...» И вдруг спросила: «Ты сегодня на службе не удержишься? Возвращайся скорей!» - Это они уже сидели у себя в столовой и пили кофе...

2

Профессор был абсолютно прав насчёт везения Алексея Арнольдовича. Случись на месте Полунина кто-либо другой, неизвестно, что ждало бы Алексея Арнольдовича в дальнейшем. (Хотя известно: у пришельцев из другого времени, если они, конечно, пытаются это доказать, всегда один путь - в сумасшедший дом.) А так он оказался хотя бы избавлен от необходимости заботиться о пропитании и крове. Впрочем, в известном смысле, он жил у себя дома.

Именно это Игорь Леонидович в самом добродушном тоне сообщил ему на следующее утро. А с другой стороны, добавил профессор, Алексей Арнольдович - его гость, заботу о котором он целиком принимает на себя. Игорь Леонидович очень старался не задеть честолюбия коллежского асессора, а Алексей Арнольдович, в свою очередь, проявил

благоразумие. Правда, было непонятно, чем ему заняться в ожидании научного прорыва.

- Какое у вас образование? - поинтересовался профессор.

- Юридическое.

Полунин покачал головой.

- У нас юристов - пруд пруди! Да и законы Российской империи, сами понимаете, весьма отличны от законов Российской Федерации...

- Федерации?

- Именно. Империя осталась в далеком прошлом...

Из прихожей донесся шум.

- А, это Андрей. Мы разговаривали с ним вчера по телефону. Когда вы так внезапно заснули.

- Значит, он знает обо мне?

- Конечно. И ему не терпится с вами познакомиться.

В следующую секунду брат профессора появился в дверях и с широкой улыбкой направился к Алексею Арнольдовичу.

- Андрей Леонидович Полунин, - пожал он ему руку. Искренне рад встрече.

И с пониманием добавил:

- Чего о вас, разумеется, не скажешь... Поверьте, мы с Игорем Леонидовичем сделаем всё, чтобы облегчить ваше положение.

- Алексей Арнольдович Бартенев, коллежский ассессор в прошлом, - от-рекомендовался он и заметил:

- Это ведь с вами мы вчера столкнулись в подъезде?

- Верно.

- Вы запомнились мне, потому что вскоре я увидел Игоря Леонидовича: вы же очень похожи.

- Да, да, а оба мы похожи на нашу мать. Замечательная была женщина. И отец был человек чудесный. К сожалению, их давно нет. А они могли бы рассказать о Софье Дмитриевне намного больше, чем мы с Игорем Леонидовичем. Тем не менее...

Грохочущий стук в дверь прервал Андрея Леонидовича. Безудержность, бушевавшая за порогом, порождала только одну мысль: дверь не выдержит! Братья поспешили в прихожую. Едва Игорь Леонидович открыл замок, тут же дверь мощным рывком отпрянула, и в прихожую ворвалась молодая, с

широким телом и пригожим лицом женщина. Была она в сильном возбуждении и растрёпана: мокрые глаза испуганно блестели, а маленький белый передник как-то боком взбирался на её высокую грудь. Оставляя без всякого внимания братьев, она устремилась в гостиную.

И Алексей Арнольдович увидел Клавдию!

- Слава Богу! - выдохнула она, освобождаясь от страха и напряжения, и расслабленно осела на ближайший стул. - Куда же вы пропали, барин?

Алексея Арнольдовича уже трудно было чем-либо удивить, а потому мозг его, не растрачиваясь на изумление, сразу же определил: Клавдия побывала в потайной комнате.

- Как-то тут всё не так, - огляделась она и, вспомнив, что прислуге не следует сидеть в присутствии хозяев, попыталась встать.

Чужой мир только сейчас начал проникать в ощущения Клавдии, и у Алексея Арнольдовича возникло опасение, устоит ли её психика, когда Клавдия узнает о своём перемещении в другую жизнь.

- Сиди, не тревожься, - остановил её Алексей Арнольдович, размышляя над тем, как бы помилошнее открыть ей новую реальность.

Клавдия всё же встала.

Тем временем в гостиную вошли Полунины. Их лица не выражали удивления, поскольку нетрудно было догадаться: раз Алексей Арнольдович встретился с кем-то знакомым, значит, этого человека постигла участь его самого. Их лица выражали озабоченность, ибо логично возникал вопрос: что делать, если поток пришельцев не иссякнет?

- Господа, - сказал Алексей Арнольдович, - это Клавдия, моя прислуга.

Она слегка присела в поклоне. Братья, улыбаясь, также учтиво поклонились.

- Алексей Арнольдович, прикажете что-нибудь подать? - спросила Клавдия в замешательстве оттого, что её представили гостям.

- Погоди, - мягко ответил он, указывая ей на стул. - Расскажи, откуда ты такая перепуганная? Что с тобой случилось?

- Так с Мясницкой я... А случилось...

Она настороженно посмотрела на Полуниных.

- Можно, я не здесь расскажу?

- Не беспокойтесь, - пришел на помощь профессор. - Мы с Андреем Леонидовичем подождём в соседней комнате.

Вскоре Алексей Арнольдович узнал, что вечером 2 января приболевшая Клавдия услышала из своей комнаты какое-то движение в квартире и возбуждённые голоса Софьи Дмитриевны и Глаши. Утром Глаша сказала ей, что Алексей Арнольдович ушёл из дома и пропал. Его искали, из полиции приходил участковый пристав. Софья Дмитриевна от расстройств слегла в горячке и болеет до сих пор. А на днях Клавдия случайно увидела, как Глаша закрывала большим зеркалом в спальне какой-то ход. Клавдию она не заметила, а та не стала выдавать себя. Сегодня, повторив Глашины действия с механизмом на зеркальной опрае, Клавдия прошла через ход до комнаты со свечой...

Рассказ её был довольно правдив, а то, что она умолчала о своем доносителе и оговоре Софьи Дмитриевны и Глаши, - так признание в этом она отложила на потом... в случае, конечно, если язык повернётся.

- Я села на стул и очутилась вдруг на Мясницкой, да ещё летом... Я побежала домой, а здесь вы, вернулись. Раз так, то всё будет хорошо. Вы мне только скажите, что такое произошло с погодой? И вообще...

Она вдруг подалась вперед, в глазах её заплескалось беспокойство, а потом там метнулся страх:

- ... что же это происходит?!

Наивно было надеяться, что распознание ею роковых перемен произойдет ещё не скоро.

Алексей Арнольдович потом ругал себя за ту робкую попытку ответить, от которой начинавшаяся истерика бедной женщины немедленно польхнула пожаром. Словно ребёнок, который, плача, не желает с чем-то мириться, она не хотела признавать никаких перемещений во времени, как если бы свершившееся можно было отменить слезами и своим неверием в него.

Из соседней комнаты поторопились выйти Полунины. Трое мужчин окружили Клавдию. Увы, уговоры на неё не действовали, доводы рассудка распяляли ещё больше. Оставалось отступить и ждать.

Через некоторое время всё же стали появляться короткие периоды успокоения. В одну из таких передышек Клавдия, мёртво глядя в одну точку, сказала:

- Не полюбила б я вас, барин, так и не сподличала бы... А теперь меня Бог наказал...

Она, конечно, и не думала, что момент признания не только когда-нибудь

настанет, но и придет так быстро и так легко окажется открыть свою сокровенную, стыдную тайну.

Рассказав о ней, она снова заплакала, но это, пожалуй, уже были слёзы без отчаяния.

И в самом деле, судя по тому, что Клавдия всё чаще утихала, прислушиваясь к словам, внутренне она начала принимать свою судьбу. А довод, приведенный Игорем Леонидовичем, окончательно примирил её с действительностью.

- Живите здесь, будете нам готовить, и будет у вас почти всё, как и прежде... Уверяю, этот мир ничуть не хуже того, который вы покинули. Более того, вас бы там ожидали очень большие потрясения. Вы в этом скоро убедитесь, поскольку вам с Алексеем Арнольдовичем в самое ближайшее время необходимо будет ознакомиться с Историей. Как и вообще со всем, что позволит избегать конфузов в общении с окружающими.

Закончив говорить, профессор улыбнулся и протянул Клавдии, как и до этого Алексею Арнольдовичу, узкую рюмку коньяка.

- Нет, барин, я не пью...

- Ну, вот вам и первый урок: в нашем времени так ни к кому не обращаются! А вы всё же выпейте, я настаиваю...

Вскоре Клавдия окончательно успокоилась, и Алексей Арнольдович решил на вопрос, который прояснил бы одно случайно замеченное им обстоятельство.

- Клавдия, из твоего рассказа следует, что от моего исчезновения 2 января и до твоего появления здесь прошло несколько дней. Я не ошибаюсь?

- Нет, барин... то есть Алексей Арнольдович. Сегодня 14 января. Ну, там 14 января.

- Странно, - повернулся он к Игорю Леонидовичу, - но я нахожусь у вас едва ли больше суток.

- Ничего странного в этом нет. Время там и здесь течёт по-разному. Получается, в вашем прошлом оно течёт раз в 12 быстрее. Дело в том...

- Погоди, Игорь Леонидович, - остановил его брат. - До прихода нашей Клавдии я хотел кое о чем рассказать Алексею Арнольдовичу. Если никто не против, я начну?

Все посмотрели на Клавдию, в лице которой не было и тени прошлого горя, напротив, теперь на нём читался один лишь познавательный интерес ко всему окружающему.

И Андрей Леонидович приступил к рассказу о жизни в коммунальной квартире и, главным образом, о Софье Дмитриевне.

- Добрая она была, отзывчивая... И, знаете, как-то не помню её пожилой. Притом, что по молодости всех, кому уже за тридцать, считаешь стариками.

- Да, да, - вмешался профессор, - ты, Андрей, верно подметил. И я теперь знаю, причину этого! Сказался побочный эффект пребывания в ином времени, так называемый «эффект нестарения». Гипотезу о возможности такого явления выдвинул в свое время академик Лизунов...

- Достаточно, Игорь, - прервал Андрей Леонидович. - Всё равно я больше ничего не пойму. Думаю, Алексей Арнольдович и Клавдия тоже.

Историю квартиры и её обитателей он изложил сжато, не задерживаясь на подробностях. Угадывалось, что ему хочется побыстрее подойти к концу, где, по-видимому, всех ожидало нечто удивительное.

- В ту пору, как, впрочем, и сейчас, я вёл дневник. Он сохранился, и, если у кого-то появится желание полистать его, - милости прошу. А теперь перейдём к самому главному - к обстоятельствам исчезновения Софьи Дмитриевны. Игорь Леонидович сказал, что вас, Алексей Арнольдович, это интересовало в первую очередь.

Алексей Арнольдович кивнул.

- Так вот, в тот день она куда-то отлучилась из квартиры, а вернулась в сопровождении мужчины. Оба сияли улыбками. Через некоторое время Софья Дмитриевна вышла на кухню, чтобы заварить чай, и больше я её не видел. Когда спустя несколько дней по заявлению жильцов квартиры милиция вскрыла её комнату, она оказалась пуста.

На Алексея Арнольдовича было больно смотреть. Лицо его мгновенно посерело и осунулось.

- Просто у неё появился мужчина, - мужественно подытожил он, - с которым Софья Дмитриевна, решив никого не извещать, уехала. У неё, безусловно, было на это...

- Простите, за неуместную интригу, - поспешил перебить его Андрей Леонидович. - Дело в том, что тем мужчиной были вы!

- Я?!

- Именно вы! Ещё вчера, когда мы встретились с вами в подъезде, ваше лицо показалось мне отдалённо знакомым, а вспомнил я вас только

сегодня. Не сомневайтесь: я безошибочно узнаю лица, которые видел однажды.

- Но, чтобы это был я, - такое просто невозможно!

В пронизанной недоумением тишине усмехнулся профессор:

- Очень даже возможно, дорогой Алексей Арнольдович! Это значит, что нам удастся переместить вас в... Какой это, Андрей, был год?

- 1975-й, 9 мая, 30-летие Победы. Я даже время могу назвать: полвосьмого вечера.

- Теперь понимаете, что ваша ситуация не так уж безвыходна? Хотя честно признаюсь: нам с коллегами предстоит ещё много работать, чтобы вы 9 мая 1975 года в 19 часов появились, ну, скажем, напротив Почтамта...

- Почему на Мясницкой, а не сразу здесь?

- А знаете, что здесь не гостиная была, а комната Стодольских? Вы хотели бы своим появлением пошатнуть их психику? Единственно, куда вас относительно смело можно было бы переместить, так это в комнату Софьи Дмитриевны. Но мы лишены такой возможности, поскольку её комнаты теперь не существует. И потом, вы же с Софьей Дмитриевной где-то встретились, раз она выходила из дому, прежде чем вернуться с вами. Нет, нет, пусть это будет Мясницкая, напротив Почтамта! Там, где вы и расстались. Поверьте, всё сложится!

3

По ночам его порой выносила из сна будоражащая, ни с того, ни с сего являвшаяся мысль: «Господи, да ведь я, по сути, не живу, а только ожидаю, и никто не знает, когда выданную мне жизнь я смогу начать проживать! Это уму непостижимо!» Следом приходило искушение отказаться от мрачного будущего-прошлого (отечественную историю он хорошо усвоил) и, покинув свой остров ожидания, отправиться вместе с действительностью в неизвестное. Он представлял, что обязательно найдёт себя на каком-нибудь поприще, обзаведётся собственным домом, семьёй...

Вот до этого момента всё у него получалось, а потом... Рядом он видел только Софью. И ничего с собой поделаться не мог. Если бы знать, что её нет в живых или что она его забыла, оставалось бы только смириться с этой потерей! Но она - живая и ждала его. И он хотел прожить с ней свою жизнь - всё равно, в каком времени!

Алексей Арнольдович часто ходил на Мясницкую и подолгу простаивал напротив Почтамта, испытывая каждый сантиметр того места, откуда Софья исчезла, - чтобы и самому угодить в ту чёртову «кротовую нору».

- Нет, мой дорогой, это маловероятно, - не раз предупреждал его профессор. - Видимо, чтобы «нора» открылась, существует ещё какое-то неизвестное нам условие. Иначе, вы давно достигли б желаемого.

Игорь Леонидович и Андрей Леонидович самыми разными способами пытались избавить его от сумрака на душе, но только изучение новейшей истории уводило мысли Алексея Арнольдовича в сторону от собственной судьбы. Да и то, по правде сказать, один сумрак лишь сменялся другим.

Однажды Андрей Леонидович предложил ему попробовать себя в качестве консультанта на съёмках кинокартины - экранизации его повести, действие которой происходило в начале прошлого века.

- Соглашайтесь, Алексей Арнольдович, вы, как никто, в теме. Да и нет теперь знающих людей! Иногда киношники такое вытворяют, что волосы дыбом встают. Ну, вот почему они решили, что советские офицеры носили одновременно и ордена, и орденские планки?! Ведь это, по меньшей мере, нелогично! Но у них сплошь и рядом, что ни военачальник, то ёлка, украшенная с левого бока планками, а с правого орденами... В моей повести один из персонажей - полковник. Не советский, заметьте, а царский. Мне страшно представить, как они его для пущей важности разукрасят! Почему бы им, например, на полковничьем - лишь с двумя просветами - погоне не восполнить отсутствие звёзд? С тремя большими звёздами красивее же! Соглашайтесь, голубчик, помогите стыда избежать...

Алексей Арнольдович согласился. Конечно, это была не самая трудная в его жизни работа, но выполнять её оказалось интересно. Потом, по просьбе Андрея Леонидовича, он с тем же увлечением занялся подборкой материала для его будущего исторического романа. Алексей Арнольдович легко ориентировался не только в событиях своего, но и предшествующего времени, да и мог ли хоть кто-то из живущих людей быть ближе к прошлому, чем он?

И всё же, месяц за месяцем, год за годом Алексей Арнольдович продолжал ходить к Почтамту.

Как-то раз он увидел на Мясницкой Клавдию, которая шла перед ним метрах в двадцати. Он ускорил шаг и хотел уж было окликнуть её, как Клавдия вдруг исчезла из его взгляда, который он ни на секунду от неё не

отводил. Перед этим она остановилась, чтобы перейти на противоположную сторону. Поспешив туда, где только что краснел её спортивный костюм, Алексей Арнольдович убедился: Клавдию поглотило то самое место! Но что произошло, в чём заключалось упомянутое Игорем Леонидовичем неизвестное условие, при котором открывалась «кротовая нора»?! Досадуя на самого себя, Алексей Арнольдович так и не смог припомнить ничего необычного в действиях Клавдии.

А ещё ему было досадно от потери единственной живой души из своего прошлого мира, хотя в последнее время они с Клавдией виделись нечасто.

Да, да, она давно уже не оставалась под опекой дома Полуниных. В отличие от Алексея Арнольдовича, которого не захватывала обрётённая им против воли действительность и который регулярно хандрил, Клавдия решила отведать новой жизни сполна - потому что ещё одной, думала она, не будет.

Началось всё с того, что Клавдия освоила Интернет. Огромное количество предлагаемых Сетью способов похудеть вкупе с телерекламой сделали своё дело: она принялась испытывать одну диету за другой. Подобно тому, как под рукой мастера у необработанного мрамора начинают проступать контуры скрытой в нем скульптуры, так и у Клавдии под действием самой лучшей из диет стала проявляться природная красота её форм.

Эта диета хорошо всем известна. Главный лозунг её «Не жрать!» красуется в виде магнитиков на многих холодильниках. И что же? Выражаясь фигурально, суммарный перевес населения продолжает зашкаливать все допустимые пределы. Наверно, это ещё и от нервов, поскольку граждане, благодаря усердию властей, постоянно пребывают в стрессе, который, как известно, ведёт к повышенному потреблению продуктов.

Итак, построив и получив необходимые навыки для общения с современными людьми, Клавдия начала «выходить в свет».

Поначалу это было кино, потом девушка стала посещать клубы. Правда, первый опыт оказался неудачным: Клавдию занесло в заведение для геев, что на Каланчёвке. И это было прямое упущение её наставников Полуниных.

- Да, они такие, - объяснял потом обескураженной Клавдии Игорь Леонидович. - Их женщины не интересуют. Точно также существуют женщины, которых не интересуют мужчины. Это представители, так называемой, однополой любви.

- А, вспомнила. Я же про них знала. Это извращенцы.

- Учтите, Клавдия, в приличном обществе к ним принято относиться терпимо. Они такие же люди, как и все. Просто отличаются от нас своими пристрастиями.

- Что, вот так открыто? - спросил присутствовавший при разговоре Алексей Арнольдович с мрачным видом, будто у него горечь во рту - Это уже не грех? - с трудом проглотил он её.

- Знаете, - вмешался Андрей Леонидович, - мы с братом осколки советской империи, а потому атеисты. Вопросы грехопадения не в нашей компетенции.

- Хорошо, не в вашей, но приличное, как вы сказали, общество - оно-то сплошь верующее.

- Подозреваю, что вера у них только на словах. Теперь модно быть верующим.

Алексей Арнольдович помрачнел ещё больше.

- Ну, знаете, это чёрт знает что...

Он отошёл к окну и стал смотреть на улицу.

- Да поняла я всё - примирительно сказала Клавдия. Не нервничайте, Алексей Арнольдович. Если они нормальных людей не трогают, то и нам до них нет дела. Бог им судья!

Клавдии вообще стало свойственно проявлять благоразумие.

Потому и непонятно, куда подевалось это её замечательное качество, когда решила она выйти замуж за Вениамина Илупина.

Веничка был далеко не юноша, но балбес, каких трудно найти. Единственное его достоинство, которое и подкупило Клавдию, состояло в том, что он умел интересно «зажигать». Хотя, это было нетрудно, благодаря родительским деньгам. Отец его трудился... губернатором одной из областей Нечерноземья. В своё время он удачно вписался в перестроечный процесс как правнук репрессированного героя Гражданской войны. Впоследствии, когда задули ветры молодой российской демократии, обнаружился другой прадед - участник Ледяного похода, сподвижник Колчака. До начала века Веничкин отец числился по разряду публицистов. Однако с наступлением благословенной эры возрождения страны появилась потребность в настоящих патриотах на государственной службе. И начались настоящие чудеса! Бухгалтер становился министром здравоохранения, косметолог - министром сельского хозяйства, а зав. отделом культува-

ров - министром обороны. А всё потому, что настоящие патриоты! Вот и Веничкин отец не сразу, но достиг губернаторского поста. Правда, за время его правления область окончательно захирела, да разве это главное? Главное, чтобы в Кремле не сомневались в его преданности. В общем, Веничкин отец благоденствовал, а от щедрот его с лихвой перепадало и родной кровиночке, в отличие от неродного губернского населения.

Нельзя сказать, что он не принял невестку, он просто не обратил на неё внимания. Ну что поделаешь, если у Венечки привычка жениться. Эта - уже третья жена. Дурью помается и бросит.

Так и вышло. Впрочем, ещё неизвестно, кто кого бросил: Клавдия очень быстро разочаровалась в балбесе, а потому совсем не горевала о случившемся.

Она вернулась в дом Полуниных и некоторое время жила прежней жизнью, пока не встретила Валерия Петровича Шубина.

Шубин работал администратором в ресторане. Солидный был мужчина, обстоятельный. Через месяц ухаживаний он предложил Клавдии заключить брак и переехать к нему. Избежать трагедии помогла интуиция многоопытных братьев Полуниных. Им оказалось достаточно увидеть его однажды, чтобы начать уговаривать Клавдию повременить хотя бы с вступлением в брак. Решив пока не выходить замуж, она всё-таки переехала к Валерию Петровичу и вскоре застала его в постели с молоденькой официанткой из его же ресторана.

Полунины и Алексей Арнольдович долго не могли успокоить бедняжку.

- Зачем я ему была нужна? - рыдала Клавдия.

- Самец... - изрек Андрей Леонидович. Мы это предвидели.

После той неудачи, чтобы восстановить нервную систему, Клавдия занялась йогой и вскоре влюбилась в своего сэнсэя. Однако и здесь всё оказалось несчастливо: у сэнсэя была жена и трое детей. Жена, прознав про интрижку своего благоверного, недолго думая, наняла для Клавдии киллера. Покушение не удалось, но угроза жизни не миновала, потому что, несмотря на то, что заказчик был известен, делу отказались давать ход.

- Вот когда вашу девушку убьют или покалечат, тогда и приходите, - сказали Игорю Леонидовичу в полиции.

Пришлось Клавдию прятать, для чего Полунины купили ей однокомнатную квартиру в спальном районе.

Ну, а потом она занялась челноничеством. Привозила из зарубежья товар, торговала на рынке.

Такая вот вышла у Клавдии история, в которой она сполна отведала от новой жизни и соли, и перца, а сколько сахара - не знает никто...

Исчезновением Клавдии был огорчён, конечно, не только Алексей Арнольдович, но и Полунины.

Втроём они долго молчали. Наконец, Андрей Леонидович высказался за всех:

- В последнее время мы совсем упустили её из виду... Однако, кто же такое мог предвидеть?! Сколько времени простоял Алексей Арнольдович на том месте - и ничего...

- А вы не подумали, - взбодрился вдруг Игорь Леонидович, - что Клавдия теперь встретится с Софьей Дмитриевной! Ведь так же? И обо всем ей расскажет. В том числе и о дате 9 мая 1975 года. Следовательно, её уход был предопределён, как бы мистически это не выглядело. Круг замкнулся!

Профессор, конечно же, оказался прав. Событие, которое не могло не случиться, произошло через несколько лет, на Мясницкой улице, когда ранним безлюдным утром бывший коллежский ассессор Алексей Арнольдович Бартеньев исчез на глазах Игоря Леонидовича Полунина, его брата и коллег, чтобы возникнуть напротив Почтамта в день 9 мая 1975 года.

Часть 4

Из дневника Андрея Полунина

9 мая 1975 года.

Препоганейший был вчера денёк. А началось всё с того, что наша «англичанка» Майя Михайловна Клепикова поставила мне «незачёт». На мой взгляд, отвечал я неплохо. На тройку уж точно! Ну, даже если и с минусом, всё равно можно было бы на зачёт расщедриться. Да ещё перед Днём Победы! Вот интересно, какому идиоту пришло в голову устраивать зачёт накануне праздников?!

А Майя Михайловна манерная такая... Шляпки какие-то дурацкие носит, белые перчатки, зонтик от солнца, меня называет «несносным»... Прямо, как из прошлого века припожаловала. Барыня... Хотя, скорее

всего, образ этот искусственный, зачем-то ею придуманный. Уж мне ли не знать, какие они - настоящие барыни? Всё-таки мы с Софьей Дмитриевной соседи со дня моего рождения!

До революции её принадлежала вся наша коммунальная квартира. (Только сейчас подумал: это же, сколько ей лет?.. А не скажешь...) Она красивая, подтянутая, всегда с причёской и чуть подкрашенными губами, но никаких шляпок и зонтиков! Правда, в речи её встречаются иной раз непривычные обороты («Леночка, - наставляла она мою маму, - тебе нужно немедленно взять меры, чтобы Андрюша не захворал!»), но что уж тут поделаешь - так говорили все в её окружении, когда она росла, училась в гимназии... Кстати, судя по владению Софьей Дмитриевной иностранными языками, а также по знанию ею литературы и истории, учили в гимназиях на зависть будущим поколениям школьных учителей (которые не завидуют исключительно по неведению).

Она, конечно, классово чуждый пролетариату элемент, но добрый ангел нашей квартиры. Дядя Саша, мамин брат, теперь уже генерал, считает её близким человеком. Она, как могла, опекала его и маму, когда во время геологической экспедиции погибли их родители, и из всех родственников осталась только старенькая бабушка - моя прабабка. Но и она в войну умерла. К тому времени мама ушла на фронт, медсестрой, и дяде Саше до призыва в армию пришлось жить совершенно одному. Если б не поддержка Софьи Дмитриевны... Из года в год шлёт он ей поздравительные телеграммы со всех мест своей службы.

А дед Ефим? Мама рассказывала, что семейство Лытневых было большое: сам Ефим, его сын с женой, его дочь с мужем и ребёнком... Сына арестовали за то, к чему теперь призывают нас партия и комсомол и за что теперь, если не наглеть, ничего не будет, - за проявление активной гражданской позиции. Может, и тогда ничего бы не было, если не замахиваться на критику правительства. А он замахнулся, то есть обнаглел, да ещё и ляпнул сдуру что-то не то и где-то не там... Следом арестовали его жену - необразованную деревенскую бабу, которая только-только пошла учиться на какие-то курсы. Оба пропали в лагерях. Когда началась война, дед отрез отказался уезжать и остался один: дочь с внучкой эвакуировались, а зять, понятное дело, ушел воевать. Никто из них не вернулся: эшелон с эвакуируемыми разбомбили, а дочкин муж пропал без вести.

Ещё в квартире жила одна старушка. Перед войной обеих её дочерей расстреляли за вредительскую деятельность, которую они развернули в профсоюзах.

Так что остались на попечении Софьи Дмитриевны двое старых, да один малый. Старушку я никогда не видел, потому что она умерла до моего рождения, но деда Ефима застал в живых, и помню его, хоть и смутно. Вредный был дед, а на Софью Дмитриевну молился. Так не я - мама утверждает, и это правда.

Однако что-то меня слишком в сторону занесло.

Итак, решила Майя Михайловна «устроить праздник» не мне одному. Народ наполучал полно «незачётов»! Поехали мы всей честной компанией на Покровку, которая вообще-то называется улицей Чернышевского, горе пивом заливать. А там, в автопоилке, не протолкнуться, кружек свободных нет, сушки солёные кончились. Кто-то мне рассказывал, как просто их делают: обливают водой и посыпают крупной солью, а уж сколько соли на какую сушку налипнет - одному богу известно. Вот отчего иной из них убить можно. Про пиво тоже говорят, что его в автоматах сильно разбавляют. А на мой взгляд, оно не слишком отличается от бутылочного. И вообще: с чем сравнить-то, если в магазинах, кроме «Жигулёвского» и «Московского», ничего не купишь?! К чему пустые разговоры вести?

В конце концов, взяли мы знатного портвейна «Агдма» и поехали к Андрюхе Мочалову в общагу. А у него к нашему приезду уже давно стоял дым коромыслом. Сосед его по комнате - отличник с параллельного потока Додик Шварц - получил свой первый в жизни «незачёт» (Майя Михайловна вчера явно была в ударе), и одноклассники Дода решили отметить это выдающееся событие, скинувшись опять же на «Агдам».

Немного со всеми выпив, я выскользнул за дверь и напрямиком на третий этаж, к ней.

Она одна была, сидела за столом, читала и не забывала на меня дуться. Она очень трогательна, когда такая нахохлившаяся. Но у воробья перья торчком, а она головку опустит - и только нежный овал лба, маленького носа... Я метнулся, чтобы ключ в замке повернуть, да где там! Сразу от книжки оторвалась и строгим тоном:

- Не вздумай! У нас больше с тобой ничего не будет!

Я, конечно, ей сначала не поверил, но распознав в её голосе решимость, испугался.

- Лен, ну ты что, в самом деле?

- Ничего. У тебя же теперь Катя, я не держу...

- Что за глупость!

Но тут чёрт принес Ленину соседку. Татьяна привалилась на своей кровати к стене и достала из кармашка пилку для ногтей. Я понял: обо всём кумушки договорились заранее.

Я вернулся к Андрюхе с Додиком. В моё недолгое отсутствие народ, конечно, время даром не терял, так что я выглядел теперь белой вороной. Пришлось навёрстывать упущенное...

Неудивительно, что сегодня с утра жутко болит голова. И горло: простудился я ко всему прочему... При том, что в Москве по-настоящему летняя погода! Нужно брать меры, как говорит Софья Дмитриевна.

Весь день лежу, лечусь.

19 часов 30 минут.

Вот это новость! У Софьи Дмитриевны - мужчина!

Минут 40 назад я услышал, как хлопнула входная дверь. Я понял, что Софья Дмитриевна куда-то ушла (в квартире мы одни: Стодольские на даче, Крикуновы на месяц уехали в отпуск). А сейчас, направляясь в ванную, чтобы пополоскать горло, я увидел её, возвращавшуюся в сопровождении мужчины со старомодно закрученными усами на крупном, вытянутом лице. Я опешил, но не оттого, что возле Софьи Дмитриевны мужчина, который, кажется, ещё и моложе её, а оттого, что оба они просто светились - иначе не скажешь - счастьем! Незнакомец слегка поклонился мне, Софья Дмитриевна пропустила его перед собой в комнату, и дверь закрылась.

Через некоторое время Софья Дмитриевна вышла на кухню. У неё был какой-то странный взгляд, будто смотрит она не перед собой, а в себя, и чему-то там улыбается. Наверно, поэтому она увидела меня лишь тогда, когда, приготовив чай, собиралась идти в комнату.

- Ну, как ты? Тебе лучше?

- Спасибо за календулу, очень помогло.

Сейчас уже двенадцать ночи, я читаю «Сто лет одиночества» Маркеса, и до сих пор не слышал, чтобы кто-то от Софьи Дмитриевны ушел.

12 мая 1975 года.

У нас беда: пропала Софья Дмитриевна. Похоже, последним, кто общался с ней, был я. Дело в том, что я проболел все праздники, никуда из дома не отлучался и за время, прошедшее с вечера 9 мая, когда Софья Дмитриевна пришла с незнакомцем, ни разу её не увидел и не услышал. Но такое было бы невозможно, если с нею всё в порядке!

Вчера, по возвращению с дачи Стодольских, мы решили обратиться в милицию.

Сегодня приходили участковый и слесарь из ЖЭКа, который вскрыл дверь Софьи Дмитриевны. Я и Стодольский были понятыми. Комната оказалась пуста. При этом на книжной полке без труда обнаружались документы и деньги.

Мы в недоумении...

Откуда же Андрей и все остальные могли знать, что у комнаты Софьи Дмитриевны был ещё один выход - за большим, в тяжёлой оправе зеркалом.

Ошибка

1

Неизвестно, кто сказал тогда: «Ни фиги себе!» Но точно, не Зорин. Потому что он онемел и мог только смотреть.

Ясно было, что она красавица, но поражало не это, а изюминка в её красоте. Только в чём она заключалась - сразу не поймёшь.

У вечной труженицы Природы, конечно, бывают минуты лени, и тогда она халтурит - кроит шишковатые носы, оттопыренные уши, приделывает кривые ноги и тощие зады. Но бывают у Природы и минуты вдохновения. И тогда она создает замечательные произведения! Есть в них, помимо выверенных пропорций, изящества и законченности, еще и некая, с любовью вложенная, особенность. Как ни странно, заключается она, чаще всего, в какой-нибудь неправильности.

Так вот: у неё был взгляд с косинкой...

Притом что в самих её глазах - больших и тёмных, почти чёрных - не замечалось никакого огреха. Во всяком случае, обнаружить что-либо Зорин не успел, поскольку их дрожащая блеском тьма вызвала у студента внезапное томление.

Промерцавшая как бы мимо и вдруг дотронувшаяся, объявшая - от погружения в неё разлилась по сердцу Зорина тёплая волна.

- Ни фиги себе! - произнес кто-то.

- Здравствуйте, садитесь! Меня зовут Наталья Григорьевна, - попыталась оставаться невозмутимой молодая аспирантка. - Я буду вести у вас семинары по теоретической механике.

- Нет, ну нафига такой чувихе сдался термех?! — удивлялся потом в курилке Костя Птицын (похоже, все-таки его голос тогда прозвучал). - Подалась бы, ну, я не знаю, - в журналистику... Или в артистки! Это ж тоска какая - теоретическая механика...

- А может, ей в самом деле эта наука нравится, - возразил Толян.

- Да брось! Женщина и точные науки несовместимы. У нас полгруппы баб, хоть одна блещет?

- Ну, Стулова, например...

- А она разве женского пола?

Все представили Стулову - худую, с двумя косами, в круглых очках и туристи-

ческих ботинках на рифлёной подошве. До глубокой зимы носила она кожаную, прямо-таки чекистскую куртку, которую меняла потом на лохматую, явно из детства, шубу. Ничего, кроме недоумения, не вызывала Стулова у одноклассников. И только лишь, когда решала она у доски задачу и мел разлетался под напором её руки и мысли, все с искренним восхищением смотрели на это диво дивное.

- И все-таки ты, Птица, не прав, - сказал Серёга Сысоев, гася о край урны окурки.

У него была большая голова с короткими волосами, лежавшими светлыми плюшевыми завитками, спокойные глаза и крупные, мягкие губы.

- Способности человека не зависят от его половой принадлежности.

- Ага, конечно... Ты когда-нибудь слышал о выдающихся женщинах-сталеварах? Я, например, нет. А, между прочим, в институте стали и сплавов всегда училась прорва девиц! Всё потому, что не дано женщине от природы быть сталеваром.

- Зачем же они туда поступают?

- Затем же, зачем и сюда: чтобы иметь диплом о высшем образовании. С ним замуж проще выйти.

- Тебе бы, Птицын, парить над прозой жизни, а ты рассуждаешь прямо, как гад ползучий, - добродушно улыбнулся Сергей.

Костя носил говорящую фамилию. С длинным носом, глазами-бусинами и очень незначительным подбородком он, действительно, походил на птицу. Например, сейчас, приобидевшись, он стал напоминать в своей чёрной водолазке нахохлившегося грача.

- Да ну вас к чёрту! - огрызнулся Костя.

- Я вообще-то не спорил, - заметил с усмешкой Зорин.

Сергей шутливо констатировал:

- Стало быть, и ты, Сева, женоненавистник...

- Ни за что! Я их, наоборот, очень люблю! Да и Костя тоже. Его просто Ленка Малинина динамит, вот он и злится.

- Ладно, мужики, - подвел черту Толян, - пошли лучше «пулю» распишем.

2

Конечно, нечего было и мечтать о красивой аспирантке, несмотря на то, что Наталья Григорьевна не очень-то отличалась возрастом от своих студентов. В те времена субординация была священна, все налагаемые в связи

с этим табу неукоснительно соблюдались, а потому волнение, связанное с приходом молоденькой преподавательницы, вскоре улеглось.

Понятно, что речь лишь об одной половине группы. Женская же проявила к Наталье Григорьевне солидарное равнодушие — то самое, что замешано на инстинкте неприятия достоинств вероятной соперницы, притом, что в силу вышеописанного ничьей соперницей быть она не могла.

Итак, после небольшого всплеска жизнь в группе потекла привычно и ровно.

Из чего, впрочем, не следует, будто она у студентов спокойна и светла. Увы, множество событий, хоть и ставших регулярными, сотрясает её.

Сколько уже за плечами сданных экзаменов, а от предстоящего всё равно тревожно. Зато какая буйная радость охватывает после удачи на экзамене! Именно удачи, ибо успеху, честно достигнутому за счет знаний, душа радуется скромней.

Вероятно, потому, что удача идет от чуда, а знания от... всего-то от усердия.

В весеннюю сессию чудо произошло с Толяном.

Сдавали зачёт по малоизученной им дисциплине. Правильнее сказать, совсем не изученной, поскольку в течение семестра он не побывал ни на одной лекции по данному предмету. Попытавшись охватить науку за пару часов до экзамена, Толян понял, что она - слишком крепкий орешек.

Оставалось мужественно получить «неуд», за которым он и явился в аудиторию, где принимался зачёт.

Преподаватель был сухонький старичок вполне мирного облика - пока не брал со стола и не натягивал огромные очки, тут же преображаясь в какого-то злобного колдуна.

Толян поёжился, подал зачётку и, взяв билет, отправился на свободное место - якобы, готовится. «Хотя, чего тянуть время? - подумал он. - Сейчас Вахромеев закончит отвечать, и я пойду... Надо же, как из него прёт... Как всегда, всё знает, даже противно...»

Дозавидывать Толян не успел. Старик, надев очки, посмотрел в аудиторию:
- Кто готов?

Толян вздрогнул от кощеева взгляда, но решения своего менять не стал.

Так случилось, что Вахромеев и Толян оказались за столом экзаменатора одновременно - один славно закончил дело, другому предстояло принять позор.

Старичок снял очки и, щурясь, начал рыться в стопке синих книжек - зачёток, лежавших перед ним. Ясно, что он собирался отпустить Вахромеева. Но взял зачётку Толяна. Из-за того, что у обоих были усы и похожий овал лица, подслеповатый преподаватель принял наклеенную в зачётке фотографию одного за другого.

Далее Толян, прикрываясь локтем, показал кулак Вахромееву, который, тоже заметив ошибку, собрался уж было открыть рот, и - из товарищеской солидарности, конечно же, а не почему-то ещё - замер.

Порадованный отличным ответом Вахромеева, старичок сделал в зачётке Толяна и в ведомости напротив его фамилии соответствующие записи и, приветливо улыбаясь, вручил Вахромееву не его документ.

Тот в растерянности медленно отправился к двери.

Дальше случилось то, на что и рассчитывал пройдошистый Толян.

Старичку-Кощею хватило и трёх минут, чтобы покончить с ним. Схватив ручку, он придвинул ведомость и нацелился проставить напротив фамилии «Вахромеев» «незачёт».

- Извините, но я не Вахромеев, я Толмачёв. Вахромеев передо мной отвечал.

- Что же получается, - обмяк старик, - я ваши зачётки перепутал?

- Да? - выразил удивление Толян. - А мы тоже не заметили...

Старик был в отчаянии: ему ужасно не хотелось черкать в ведомости. Любой экзаменатор старается избегать этого, на чём, собственно, и держался расчёт Толяна, хотя при его-то вопиюще нулевых знаниях преподаватель просто обязан был внести исправления в ведомость. Иными словами, Толян надеялся на чудо. Оно и произошло. И не в последнюю очередь потому, возможно, что вспомнились экзаменатору шепотки коллег за его спиной: мол, стар, подслеповат, всё путает, не пора ли на пенсию?

Впрочем, неизвестно, действительно ли поговаривали так на кафедре, но старик, выйдя из задумчивости, хмуро проставил Вахромееву в обоих документах «зачёт». Затем сунул его книжку Толяну и, надев очки, грозно объявил:

- Кто следующий?

При обмене зачётками сияющий Толян сказал:

- Спасибо, Витя, никогда тебе этого не забуду!

Вахромеев благодушно улыбнулся. Он тоже был рад, но в сравнении с Толяновым сиянием его радость была, как лунный свет перед солнечным.

3

Толян бурно праздновал удачу.

И останавливаться не собирался. Видя это, Зорин следующим утром напомнил ему, что радоваться рано: впереди экзаменационная сессия, а удача, как снаряд, дважды в одну точку не прилетает.

Они недавно проснулись. В окно комнаты общежития, где обитали Толян, Птица и Сева, светил ясный день. Птицын ещё вчера отбилса от их большой компании, которая, отмечая окончание зачётной сессии, расположилась за сдвинутыми столами в «Яме» - пивной в Столешниковом переулке. Судя по тому, что перед этим он бегал кому-то звонить, призвали его дела амурные.

- Ты такой правильный! - отозвался Толян, раскуривая отыскавшийся бычок. - Не переживай, завтра начнём к экзаменам готовиться.

И, с причмоком затянувшись, спросил:

- Всё-таки как? Едешь к Зойке Лихачёвой?

Чёрт его знает, как собирались эти студенческие компании! Встретятся где-нибудь два человека, посидят, через полчаса к ним ещё пара присоединится, а там, глядишь, - и едут уж все к кому-нибудь в гости, где вскоре собирается и вовсе уйма народа...

Такая лёгкость характерна не только для студентов, но и вообще для людей свободного труда (как и свободных от него), причём, независимо от Времени, в котором они живут, и это наводит на парадоксальную мысль: отсутствие сотовой связи никак не влияет на мобильность.

- К Лихачёвой? - переспросил Зорин. - Это которая светленькая, со стрижкой-каре?

- Ну да. С нашего потока, из третьей группы.

Сева улыбнулся:

- А она ничего...

- Зорин! - остерёг Толян. - Не подгребай! Занята девушка!

- Извини, я не знал... А чего у неё?

- У неё дача... Родители уехали в отпуск, а дочку оставили скучать.

- И давно вы с ней... дружите?

Толян ответил, внезапно охваченный задумчивостью:

- Только начали...

Очевидно, он стал сожалеть, что позвал с собой Зорина, обладавшего завидным свойством нравиться женскому полу. Не способностью - когда

для проявления дара требуется действие, - а именно свойством, когда ничего делать не нужно. И ладно б, выделялся он как-то внешне. Так нет же, ничего особенного: среднего роста, русые волосы, серые глаза... Разве что улыбка мягкая.

- Ладно, уговорил, - словно подливая масла в огонь, объявил Сева и добродушно добавил:

- Успокойся, я к твоей Зойке даже не подойду.

На вокзал ехали в троллейбусе. Глазели в окно. Приятно прокатиться на наземном транспорте, когда там свободно и некуда спешить.

Теперь уже в прошлом и малозагруженные по нынешним меркам улицы, и ненавязчивая советская агитпропаганда. Ненавязчивая, потому что на лозунги и плакаты, взывавшие со стендов, крыши и стен домов, давно никто не обращал внимания, они просто оживляли яркими пятнами городскую среду. Никакого сравнения с современной рекламой! Конечно, как и в любом деле, были здесь свои образцы благоглупостей. Довольно странно смотрелся, например, фронтон какого-нибудь старинного здания, оцетинившийся по одному скату буквами СЛАВА, а по другому - КПСС. На восклицательный знак, видимо, из экономии, никогда не тратились. Этот лозунг, кстати, породил популярный анекдот: «Кто у нас самый известный человек? - Брежнев. - Нет, Вячеслав Капэээс!».

А вот флаги повсюду - нелепая выдумка киношников, ставшая штампом, когда речь идет о жизни в СССР. Да, ими обильно украшался город к праздникам, но висели они только до наступления первого буднего дня.

Благословлённые в путь огромным портретом Брежнева, висевшим на здании Гидропроекта, Зорин и Толян катили в троллейбусе 12-го номера маршрута сначала по Ленинградскому проспекту, потом по улице Горького.

Девушки в мини-юбках, длинноволосые парни в цветастых рубашках, дамы в брючных костюмах, бодрые пенсионеры в шляпах и с блеском стальных коронок в улыбке, мужчины с портфелями и в галстуках на резинке, белоснежные пионеры в красных пилотках - Москва торопилась по делам, озабоченно жила.

Вдруг Зорин натолкнулся взглядом на девушку с собачкой, которая никуда не спешила, не устремлялась ни к какой цели, кроме одной - кого-то дождаться. Она стояла спиной к троллейбусу - точёная от плеч до лодыжек,

дразня или даря себя взору, и роскошные каштановые волосы, как завёрнутое крыло, огибали шею.

Троллейбус затормозил на остановке прямо напротив неё. Наученный горьким опытом, Зорин подумал: «А повернётся лицом - и весь кайф обломает...» Но что-то ему подсказывало, что будет не так, и убеждало его в этом смутное знание, будто он её уже видел и она красива.

Девушка напряженно всматривалась куда-то в конец площади. Собачка - рыжий карликовый шпиц - звонко тявкнула, девушка обернулась, и Зорин поразился: как же он не узнал её сразу! Это была Наталья Григорьевна! Сбили с толку её распущенные волосы, которые он всегда видел собранными в высокую причёску.

Она что-то сказала собачке - та в ответ задрожала хвостиком. Наталья Григорьевна, улыбнувшись, снова повернулась лицом к площади, но почти сразу взмахнула рукой и заспешила кому-то навстречу, натягивая поводок с семенящим следом шпицем. Этот кто-то был - Зорин глазам своим не поверил! - Серёга! Серёга Сысоев!

А троллейбус, тронувшись с остановки, уже набирал скорость, и оба они стремительно уплывали из виду. Последнее, что Зорин сумел поймать взглядом, - это то, как Серёга мягко приобнял красавицу-аспирантку.

- Шею себе свернёшь! - сказал Толян. - Чего увидел-то?

Сева посмотрел на Толяна. У того из-под усов выглядывала усмешка и были колючими глаза.

- Да так, собачка занятная... шпиц, - ответил Зорин.

Он уставился в окно, но ничего там не видел, потому что сознание словно бы отключилось от зрения и рисовало свои картины.

А Толян, подавшись на сиденье коленками вперёд, прикрыл глаза, затих.

Так и доехали они до станции метро «Проспект Маркса», откуда до «Комсомольской» - площади трёх вокзалов - было всего четыре остановки.

И в метро, и потом - в пригородной электричке - Зорин оставался молчалив, сумрачен.

- Счас дело поправим! - обрадованно произнес Толян, когда они сошли с поезда.

- Вон автопоилка. Надо было тебе ещё в Москве пивка тяпнуть.

Зорин возражать не стал, но и энтузиазма не проявил.

Автомат, поглотив двадцатикопеечную монету, налил три четверти круж-

ки жиденького пива. Толян залпом выпил жидкость, и у него повлажнели глаза. Зорин, сделав пару глотков, отставил кружку.

- Пошли, что ли?

4

У Зои Лихачёвой собралась куча гостей. Народ был не только из её группы, но и вообще с их потока, и даже неизвестно откуда. На редкость обширным оказался круг знакомств хозяйки. Даже Птица в него входил. Хотя, почему «даже»? Его девушка Малинина училась вместе с Зоей.

Костя, завидев друзей, с воодушевлением направился к ним, впрочем, нетвёрдой походкой.

- А я тут с Ленкой со вчера завис, - сообщил он Толяну и Севе.

- Ясно теперь, куда ты сгинул из «Ямы»! - сказал Толян. - Ну как тут обстановка?

- Море выпивки и девиц... Но! Севка! Малинина моя!

- Да достали уже! - возмутился Зорин. - Можно подумать на Малининой с Лихачёвой свет клином сошёлся!

- Чего это с ним? - удивлённо глядя вслед Зорину, спросил Птица.

Толян пожал плечами:

- С утра вроде ничего был. А потом, когда в троллейбусе ехали, ни с того ни с сего посмурнел...

- Фигня! Счас развеется! Надо его с Дашей познакомить. Сам бы с ней замутил, если б не Ленка...

Даша, будучи смуглянкой, сразу же привлекала внимание. Причем смуглость её совершенно не походила на восточную. Кожа у неё была значительно светлей, как от загара, да и не миндальные лодочки глаз плыли под бархатными дугами, а под взмахом шелковистых бровей стояли огромные тёмные озера.

Они познакомились сами - голос у неё оказался низкий, грудной. Зорину представилось, как что-то густое истомно переливается через край...

Даша была школьной подругой Лихачёвой, училась в институте химического машиностроения.

- И тебе это интересно? - спросил Зорин.

- А я там физической химией занимаюсь.

- А... - протянул Зорин. - Это, конечно, всё меняет...

За общий стол они не сели рядом - просто так получилось, - но то и дело один замечал на себе взгляды другого.

Когда в пирушке обозначился перерыв, и все потянулись танцевать, они подошли друг к другу. Обняв её в медленном танце и ощутив, какая она податливая, Зорин решил, что, скорее всего, добьется её.

Вскоре они оказались в каком-то сарайчике. Зорин начал поспешно и как-то грубо освобождать Дашу от одежды.

- За тобой кто-то гонится? — удивлённо спросила она.

Зорин и сам понимал, что происходит с ним что-то необъяснимое. Он чувствовал какую-то безотчётную тяжесть, какой-то гнёт на себе, которые были связаны не с сексуальным желанием, точнее, не только с ним, но которые можно было, как почему-то казалось ему, сбросить, только быстрее овладев Дашей.

- Нет, - хрипло ответил он.

Впиваясь в Дашин рот, он краем глаза столкнулся с её карим взглядом. И в нём ему вдруг почудилась... косинка!

- Ай! - вскрикнула Даша, хватаясь за укушенную губу и отпихивая Зорина. - Больно же!

- Прости!

Даша лизнула нижнюю губку, которая одной стороной уже краснела и наливалась, как бочок зреющей ягоды. С недоумением и обидой посмотрела на Зорина.

- Дурак! - сказала она.

Поправив груди в лифчике, натянула блузку и, не сказав больше ни слова, хлопнула дверкой сарая.

Через щели в стенах сочилось солнце и растекалось по поленьям дров. А тем, естественно, ни тепло, ни светло, как было бы ни холодно, ни темно и от ненастья - деревяшки же! Сева позавидовал им.

До чего же муторно на душе!

Зорин побрёл по саду. Под яблоней стояла скамейка, на которой расположились Птица с Толяном и бутылкой портвейна.

Зорин подошел к ним, сказал:

- Подвинься. Дай.

Толян утеснился, протянул бутылку. Отпив из горлышка, Зорин сел. Приятели, обменявшись в перегляде посылком «лучше его не трогать», продолжили прерванный разговор.

- А я ему говорю: «Так чем все-таки отличается определяющий от решающего?» Он начинает выкручиваться: «Ну, это же понятно! Решающий - значит переломный, а определяющий...» и не знает, что дальше сказать.

Зорин догадался, о чём это Птица: он рассказывал Толян о случае на семинаре по политэкономии, когда преподаватель Семёнов задал вопрос: «Как называются годы текущей пятилетки?» (Толян на том семинаре отсутствовал из-за болезни.) Годы назывались: начинающий, юбилейный, решающий, определяющий, завершающий. Если названия первого, второго (года пятидесятилетия образования СССР) и последнего, данные по принципу «что вижу, то и пою», говорили лишь об отсутствии какой-либо изобретательности причастных к этому умов, то наречение третьего и четвёртого словами-синонимами наводило уже на мысль о лености или даже глупости этих самых умов. Страшно представить, но ведь названия сочинялись в ЦК и утверждались на Политбюро! Так подставляться!..

- А что тут скажешь? На фиг вообще понадобилась эта околесица с названиями? Короче, Семёнов припух. А я, вроде как дурак дураком, не понимаю и всё. Давай, думаю, выкручивайся, объясняй, проводи политику партии в массы...

Толян, сидевший в расслабленной позе, вдруг подобрался, поймав взглядом нечто тревожное.

- Костя, тихо! Степанов идет!

Птицын умолк и нахохлился.

Степанов, долговязый очкарик из третьей группы, прошёл мимо, приветливо улыбнувшись.

- Вроде как сортир ищет, - прокомментировал Толян.

- Ага, - согласился Птица.

- А чего вы его так испугались? - в недоумении спросил Зорин.

- Ты что, ничего не знаешь?

Птица и Толян опять переглянулись, выражая мысль: ну и темнота наш приятель...

- Сева, он стукач! — объявил Костя.

- Да ладно... С чего вы взяли?

- Мужики вычислили.

- Ничего себе!..

- Видишь, делает вид, что сортир ищет, а сам ходит подслушивает...

- Вообще-то это серьёзное обвинение, - шевельнулось в Зорине сомнение. — Мы его толком-то и не знаем...

- Да точно это! Мужики его железно вычислили.

Зорин пожал плечами, смиряясь с новостью. Поискал глазами Дашу. Но нашел Зою. Подошел к ней.

- Ты Дашу не видела?

- Мы попрощались. Она на электричку пошла.

Сева опрометью кинулся к станции. Выскочив за поворот улочки, сразу же увидел её.

«Вот же дурак!» - невольно любуясь стройной, легкой фигуркой Даши, ругнул себя Зорин.

Конечно, она не стала оборачиваться на топот бегущих ног, потому что прекрасно знала, кто там мчится у неё за спиной.

- Ну, прости... - остановил он её, заглянул в лицо. Губка рдела припухлостью, которая, к счастью, больше не выросла.

- Ладно, проехали, - неожиданно улыбнулась Даша. Она явно была довольна.

- Проехали... - вторя ей, расплылся в улыбке Зорин. — Пойдём назад.

- В сарайчик? — глаза её остро блеснули. Зорин оторопел от такого смелого оглашения его бессовестной мысли. — Дудки! Провожай меня теперь...

5

Какая же чудная выдалась осень!

После череды дождей к исходу сентября нагрянуло бабье лето. С утра бывало пасмурно, но вскоре яселo, будто тихий свет разгорался, и лился он потом с седовато-голубого неба до самого заката. И так доверчиво являли в нём деревья свои жёлто-красные наряды. А когда начинало смеркаться - словно бы медленно гасла лампа — и наплывала ночь, всё никак не смывались с темноты золотисто-багряные подпалины.

Зорин, Толян и Птицын шли по аллее, ведущей в пионерский лагерь, в котором жили студенты, приехавшие «на картошку». Они возвращались с совхозного поля. Все трое были грузчиками, а потому в земле не копались. Несомненный плюс этой профессии заключался ещё и в том, что по утрам можно было законным образом лодырничать, пока не наберётся достаточное количество мешков с картошкой и за ними не приедут машины. Да и в тече-

ние дня грузчики по большей части прохлаждались в ожидании транспорта. Во всяком случае, до обеда машины приходили нечасто.

Обед начинался в час дня. Прижимистая председательша совхоза кормила всегда одним и тем же: молоком с белым хлебом - местного, конечно же, и разлива, и выпечки, - которые на поле привозил старенький грузовичок.

Как ни странно, однообразие это не надоедало. Особенно хорош был белый хлеб — с корочкой, тёплый, душистый... Вообще, еда казалась особенно вкусной на этом просторе, когда ветерок овеивал свежестью от вскопанной земли или осенью от леска на краю поля.

К минусам профессии относились авралы, неизбежные при неравномерной подаче транспорта, вследствие чего вывоз последних мешков с собранным урожаем, как правило, не совпадал с окончанием рабочего дня. Вот и попадали грузчики в лагерь, когда все, уже отужинав, отдавались свободному и приятному времяпрепровождению.

Словом, честная была профессия, хоть и из разряда тех, что «на любителей» (которых нашлось-то всего с десятков человек).

- Нет, Севка, я — в столовую. Мойся сам под своим душем, - категорично заявил Толян. — Мне воспаление лёгких ни к чему! И потом, это ты же собрался завтра в Москву.

- Точно, - поддержал его Птица. — Нас-то ожидает завтра пропащий выходной, а ты со своей Дашей... - в темноте легко угадывалась плавающая по губам лукавая улыбка, — небось, в консерваторию пойдете...

Толян ржанул.

- Балбесы... Котлет мне прихватите из столовки. Ну, или чего там будет...

Зорин заскочил за полотенцем в палату, где в одиночестве восседал на своей кровати Гена Теплошубов. Он уже успел изрядно принять портвейна, так как готовился исполнить на оставленном пионерами горне утреннюю зарю. Первая фальшивая нота взвизгнула как раз с появлением Севы.

- Ген, потерпи, я через пару секунд испарюсь.

- Не переживай, сейчас всё будет, как надо, - пообещал Гена и взял вторую фальшивую ноту.

Сева выбежал за порог.

Может, и в самом деле, не стоило лезть под этот ледяной душ. Даже после того, как Зорин растёрся полотенцем, озноб всё продолжал ломать тело.

Дойдя до кровати, он залез под одеяло.

Никого. Тишина. Только посапывал Гена, заснувший, по обыкновению, сразу же после исполнения соло на трубе.

Незаметно наплыл и на Зорина сон.

- На, выпей... - теребил его Птицын, держа стакан, в котором по поверхности прозрачной жидкости кружились чёрные порошинки.

Зорин вспомнил: водка с молотым перцем — первое средство от простуды.

- Вот котлеты, закусывай, - принимая пустой стакан, Костя кивнул на придвинутый табурет с тарелкой.

И ядовито добавил:

- Ну что? Чистый теперь?

- Хорош зубоскалить-то, - пробубнил Зорин, впиваясь в котлету.

Вскоре появился Толян.

- Мужики, офонареть, чего видел! Наталья приехала...

- Чего тут такого? - удивился Костя. — Мало ли зачем аспирантку могут прислать!

- Не перебивай! Вот именно: мало ли зачем... Но уж точно не за тем, что я видел...

- Ты говори толком, - Зорин сел на кровати.

- Они с нашим Серёгой Сысоевым сейчас в лесок нырнули...

После паузы Птица заключил:

- Обознался...

- Не... - замотал головой Толян. — Исключено. Я, как стервятник, вижу.

- А, может, они женаты? Ну, тайно, — предположил Костя. — Все-таки преподаватель и студент...

Толян снова возразил:

- Не получается: я слышал, она замужем.

- Во дела! — исчерпались сомнения у Птицына.

И вдруг на лице его появилась тревога. Он поднес палец к губам и показал глазами в конец палаты.

Там, помимо спящего Теплошубова, находился ещё один человек, который, прислонясь к спинке кровати, лежал и смотрел в потолок. А, может, спал. Или читал. При любом из этих занятий макушка торчит одинаково. И был это Степанов!

- Посмотрю, что делает, - прошептал Толян.

Когда он, крадучись, приблизился к Степанову, тот повернул голову и добродушно улыбнулся.

- Не спит, сука, просто лежит, - сообщил Толян по возвращении. — Заложит Наталью с Серёгой, как пить дать...

6

Увы, он оказался прав!

Серёгу отчислили в армию, Наталия тоже исчезла из института...

Те ещё были времена!

Граждане, если и предавались пороку — а они предавались ему, как и всегда, - то застенчиво, не на показ. Грехи признавались грехами, добро почиталось добром. Ориентиры были...

Они стояли и светили, как фонарные столбы. А столкновение со столбом, известно, приводит к катастрофе.

В дальнейшем фонари снесли и восторжествовал принцип: никому до меня нет дела! И это, наверно, правильно. Однако мир почему-то стал во много раз несправедливее, злее. Выходит, то, что правильно - не всегда хорошо...

А за «аморалку» в той жизни наказывали сурово.

Расправа над Сергеем и Наталией возмутила ребят. Точнее, не расправа — тут уж ничего не поделаешь, — гнев вызывал подлый доносчик. Птицын предложил накостылять Степанову. Толян его поддержал.

- Ну и чего мы добьёмся? — рассудил Зорин. — Думаете, он «стучать» перестанет? Как бы не так! Вы случайно не забыли, кто за ним стоит? Думаете, нам это с рук сойдёт?

Логика вразумляла, вырисовывалась перспектива нажать себе крупные неприятности... Оставалось принимать жизнь такой, какова она есть.

А она — суть время - бежит, стирает в памяти обыденное, затушёвывает яркое, лечит больное.

Вот и добежала она до институтского выпускного вечера.

Отмечали вкладчину в ресторане «Лабиринт» на Новом Арбате. Собрался весь поток, состоявший из трёх групп.

Было серо. Сколько ни сидели, а всё никак не возникало того бесшабашного, разудалого веселья, которое - всегда спутник студенческих компаний.

И ведь никто из институтских начальников не присутствовал. Скорее всего, дело было в том, что пришли — не могли не прийти — те, кто всё время держался в стороне от бурной студенческой жизни. Их скованность вызывала чувство неловкости в других, отчего никак и не разгорался праздник. Впрочем, некоторые из них отваживались на тосты, но какие-то незажигательные.

Вот и Стулова, которая по случаю торжества сплела две свои косы в одну, произнесла тост из той же серии:

- За то, чтобы в нашей жизни было больше пирогов и пышек, но меньше синяков и шишек!

Редко похлопали, выпили, и снова уныло повис монотонный гул...

А через пять минут встал Степанов и, поправив очки, громко произнес:

- За то, чтобы в нашей жизни было больше пирогов и пышек, но меньше синяков и шишек!

Улыбнувшись, он выпил рюмку водки и сел.

Птицын повернулся в сторону Зорина и Толяна:

- Он что, офигел?

У всех троих были изумленные лица.

Но они изумились еще больше, когда сидевший за столом напротив Гена Теплошубов сказал:

- А чего вы удивляетесь? Степанов же глухой...

- Как!

- Вот так! Я с ним в одной группе с первого курса. Глухой он. Инвалид с детства.

На перекуре они долго молчали. Первым заговорил Толян:

- Это ты, Костя, принёс тогда новость, что Степанов стучач?

- А что я? Мне мужики со второго потока сказали...

- Со второго... Даже не с нашего... Придурки...

- Ладно, - бросил окурок Зорин. — Чего уж теперь.

Они двинулись в зал. Вдруг Толян остановился:

- Погодите, кто ж тогда Серёгу с Наталией сдал?

Птицын замер, приоткрыв рот, а Зорин пожал плечами, и ни на кого не глядя, пошёл дальше.

Душный вечер

У нас всегда лето. А учёные утверждают, что когда-то год делился на четыре сезона. Интересней всего было бы, конечно, взглянуть на зиму. Белый снег, замёрзшие реки... Как это?

Учёные нередко удивляют своими открытиями. Например, они установили, что в старину родителей ребёнка называли по номерам. Родитель номер один и родитель номер два... А как по-другому, если были они, оказывается, по преимуществу однополыми. Из них уж точно кто-то не папа и кто-то не мама. И вообще, не понятно, как у таких пар дети появлялись? До сих пор учёные не найдут ответа.

Или еще: историки утверждают, что в прошлом существовали многожёнство и многожество. Но тут они, похоже, что-то напутали, поскольку это противоречит человеческой натуре.

Хотя всякое возможно... Дикие нравы долго владели людьми. И, тем не менее, всё меняется к лучшему. Меняются и люди.

Только небо над нами всё то же. И тысячу лет назад, когда сидел на косяге какой-нибудь путник и смотрел на вечернюю зарю, так же плыли эти розоватые тучные облака, и там, где небо висело над закатившимся солнцем, было малиново, а по сторонам стояло лазурное сиянье.

- Евстафий! Скоро ли мы поедем?

- Полагаю, не поедем вовсе. Вон как ось изогнуло. Думал, поправлю, да какой там... Что ж вы хотели, по таким-то дорогам ездить...

- Ладно. Пешком пойду. Пришлю тебе кого-нибудь в помощь.

Александр подхватил с повозки саквояж и направился по ухабистой дороге к березняку, за которым располагались дачи.

Он на секунду пожалел, что, подобно иным дачникам, не спрыгнул с поезда, когда состав, притормаживая под гудок паровоза, огибал мысок роши. Как раз в самом начале дуги стоял поселок, а в конце её находилась станция, так что всякий отважный и ловкий имел шанс сократить путь домой.

К этому еще следует добавить «и удачливый», потому что не каждому смельчаку выпадало остаться невредимым.

И тянулись они по тропинке, прихрамывая или держась за ушибленный бок, но почему-то всегда счастливо улыбаясь.

Александр считал такие «подвиги» безрассудством, и даже теперь, когда

ему совсем не хотелось пускаться в путь пешком, он лишь на секунду позабывал Мирону и Гилею, скинувшимся с поезда на его глазах.

В рощице было светло - от берёзок всегда светло, да и к небу всё ещё тянулись лучи недавно ушедшего за горизонт солнца. От стволов по-прежнему весело зарябило в глазах и к месту вспомнились: белая в чёрную крапинку ножка гриба, пятнистый бульдог, диковинная лошадь зебра. Прозрачный, воздушный был лес.

Потому, наверно, не задерживалась в нем прохлада, а сегодня весь день стояла редкая жара, которая не спала и к вечеру. Лишь только когда Александр ступил в хвойную аллею, ведущую к дачам, почувствовалось облегчение от духоты. Идти в окружении елей и сосен - в их дыхании, по хвойному ковру из иголок - было свежо и мягко. Однако деревья эти разом скрыли свет, и глазам пришлось привыкать к полумраку, но он не пугал, а был какой-то домашний, как потёмки в комнате.

Когда Александр вышел из аллеи, сумрак царил уже повсюду, лишь светились огнями посёлки.

В этот час обычно на дачах ставят самовары. Их разжигают тонкими щепками, отхваченными топором от сухой дощечки, и топят потом еловыми шишками. Чай на воде из самовара необыкновенно душист, его можно выпить несколько стаканов подряд, особенно если с баранками. А ещё лучше с только что приготовленным вареньем. И чтоб пенка лежала в полной розетке белёсой мягкой шапкой...

Живо представляя себе все это, Александр ускорил шаг.

Ярко освещённую веранду на дядюшкиной даче было видно издалека. Вот уж стала слышна многоголосица, а вскоре донеслось тётушкино восклицание: - Ия! Да готов ли, наконец, самовар?

От имени «Ия» у Александра вздрогнуло сердце. Так звали тётушкину служанку. Всякий раз, приезжая в гости, он пытался добиться её благосклонности, но всякий раз, когда, казалось, до успеха оставался лишь шаг, получал от ворот поворот. Неизбежно влекла она к себе - эта золотоволосая деревенская девушка с высокой грудью, стройными бёдрами и глазами, как спелый виноград, - жёлто-зелеными, пронизанными светом. У неё и на лице всегда было светло от маленьких веснушек. А ещё она пахла чем-то таким, что сродни запаху тёплого хлеба или молока...

Когда Александр появился на веранде, Ия коротко улыбнулась, глаза

у неё блеснули, но всё, что так хотелось ему прочесть в них, скрылось под опущенными веками.

- Мы уж думали, ты сегодня не приедешь! - встал из плетёного кресла дядюшка, осанистый седой мужчина с аккуратными усами и бородой.

- Ну, иди, иди - обниму.

Они расцеловались.

- Дядюшка, надо Евстафия выручать: он там, на дороге застрял со своей повозкой - ось погнуло.

- Да, да... Такие вот, понимаешь, дороги... Беда с ними! А почему ты в штатском?

- Я в отставку подал. Президент армию сокращает. Не с кем нам воевать...

- Знаю, знаю... - у дядюшки сделалось недовольное лицо. - Не уверен, что Сакис прав, будто нашей стране никто не угрожает. В любом случае, не стал бы я на его месте так спешить...

- Дядюшка, про Евстафия не забудь.

- Да, да, сейчас распоряжусь.

Оставшись наедине с Ией, Александр шагнул к ней, разглаживая кончик уса:

- Здравствуй, Ия. Как поживаешь?

- Очень хорошо, - просто и между делом ответила девушка, расставлявшая приборы на столе.

Послышался характерный стук каблучков - так всегда торопливо ходила тетушка.

- Александр! - радостно воскликнула она. - Ну, наконец-то!

Наклонила его за плечи, поцеловала в лоб. Была она немолода, полнова-та, но с энергичными движениями, привлекательным лицом, изящество черт которого всё ещё замечалось, но привлекательность ему сообщало, главным образом, доброе выражение.

- И не надеялась, что приедешь. Утром ещё телефонировал, а всё нет тебя и нет. Однако к самому ужину поспел. А куда все разошлись? - огляделась она.

- Их профессор повел показывать снимки своего пациента, - отвечал дядюшка.

- Эксперимент по обращению пса в человека? - усмехнулся Александр.

- Представь себе, опыт удался! Хвост и шерсть отпали, и существо уже пытается говорить.

- Да, да, говорить! - подхватил слова дядюшки стремительно вошедший профессор.

За ним на веранде появились: три кузины Александра - тётушкины племянницы, Аглая, Агата и Агния, - дочка дядюшки и тетушки Корина, то есть ещё одна кузина Александра, её жених Галактион и господин Зиновий - сосед, однажды сделавший Иепредложение и до сих пор не получивший ответа, вследствие чего стал частым гостем в доме.

Профессор протянул Александру руку:

- Буквально сегодня утром подопытный произнес слово «монортсаг».

И пояснил:

- Это слово «гастроном», прочитанное наоборот.

Кузины по очереди расцеловали Александра, а Галактион и Зиновий поклонились ему издали.

- Прощу к столу! - объявила тётушка.

Все расселись, ужин начался.

- Как же увлекательна, профессор, ваша работа! - произнесла Аглая, старшая из сестер, потянувшись к блюду с осетриной.

Это была высокая, затянутая в строгое платье девушка, совсем не девичий возраст которой выдавали уже ставшие тяжелеть черты лица. Тем не менее, она оставалась вполне миловидной барышней. Младшие же - Агата и Агния - были просто хороши собой.

Тётушка после смерти сестры пригласила на время племянниц к себе. С тех пор прошло около двух лет.

Аглая положила в тарелку белый ломтик осетрины, отрезала от него кусочек и печально произнесла:

- Как хочется настоящего дела! Такого, каким вы занимаетесь, профессор!

- Так что же тебе мешает, дорогая? - поинтересовалась хозяйская дочь Корина.

- Да вот тебя замуж выдадим - и в столицу! - улыбнулась Аглая. - Верно, девочки?

Сёстры закивали.

- Будем работать, работать, работать! - продолжила Аглая, - приносить пользу...

- На каком же поприще, позвольте узнать? - не без иронии в голосе преврал ее Зиновий.

Следует заметить, что этому господину, сделай он предложение любой из сестер, не пришлось бы долго ждать ответа, однако он сделал его Ие, чем вызвал к себе неприязненное отношение со стороны Аглаи. Вскоре он стал платить ей той же монетой. Человеку желчному, ему было нетрудно это делать.

- А вот хотя бы помогать профессору в его опытах, - недолго думая, ответила Аглая. - Возьмёте вы нас к себе, профессор?

У того выпал из глаза монокль, с помощью которого он рассматривал соленый грибок, подцепленный вилкой. Кисло улыбнувшись, профессор проворботал в пышную бороду «простите» и начал вылавливать монокль из тарелки.

- Чтобы ассистировать учёному следует обладать изрядными знаниями, - наставительно произнес Зиновий и, видимо, вспомнив, что он тоже пользуется оптикой, поправил свои круглые темные очки.

Это действие вызвало простодушный вопрос у младшей из сестер - Агнии.

- А вы очки вообще никогда не снимаете? Не видно же ничего!

Все рассмеялись. Зиновий, рассудив, что не стоит накалять обстановку, с улыбкой снял очки и принялся за еду.

- А я вот не пойму, - прервал наступившее молчание Галактион, - зачем собаку превращать в человека? В чём суть эксперимента?

- Признаться, я тоже этого не понимаю, - поддержал его дядюшка. - Ну, станет у вас пёс человеком, а дальше что?

Все воззрились на профессора.

- Да вовсе не это цель эксперимента! - с жаром запротестовал тот. - Мы взялись доказать, что привитие человеческих органов некоторым видам животных ведет к их очеловечению! Это чистая наука, и ничего более!

- Иными словами, - не останавливался Галактион, опуская высокий лоб, будто на макушке у него вместо проплешины был рог, которым он собирался нанести удар, - вы хотите доказать, что можете принудить природу поступать в соответствии с вашими пожеланиями? То есть доказать, что человек выше природы!

Профессор от таких слов опешил.

Александр решил вступить за него:

- Но ведь можно сказать и по-другому: люди спросили у природы: что будет, если... И она ответила.

У Галактиона вдруг погас его взгляд исподлобья, он поднял лицо:

- А зря!.. Зря, вы, профессор, не решились скрутить природу в бараний рог!

- Да вы кровожадный человек! - смеясь, всплеснула руками тётушка. - Вот уж не знала!

Корина нервно покраснела.

- Что это ты, в самом деле?!

- Вот только не надо мне говорить про уважение к Природе! Что мы должны почитать её, как наши предки почитали Бога, что по сути это одно и то же, и прочую чепуху... Люди всё время из-за своих страхов придумывают, чему они должны поклоняться. Именно придумывают, потому что никогда ЭТОГО не видели! Придумали теперь Природу! А что это? Вот дерево, - он ткнул в яблоню, темневшую поодаль, - так это просто дерево, а много деревьев - лес. Всё конкретно. Где здесь Природа?

- За такими разговорами мы превратим чудесный вечер в скучный диспут, - решил вмешаться дядюшка. И с улыбкой посмотрел на среднюю из сестёр:

- Агата, что же Аркадий не идёт?

- А я-то откуда знаю? - округлила она глаза, будто не понимая, отчего этот вопрос задан именно ей.

Все знали о взаимной симпатии её и молодого человека, гостившего на соседней даче, тоже у родственников. Только был он очень странный. Приходил, садился в уголке и молча смотрел на Агату. Сам никогда первый не заговаривал, однако же, если его о чём-то спрашивали, всегда прямо и с охотой отвечал. Аглая и Агния не преминули воспользоваться этим и в отсутствие Агаты спросили, нравится ли ему она.

- Да, - открыто глядя светлыми глазами, отвечал Аркадий.

- А почему бы вам тогда не сделать ей предложение?

- Мне нельзя жениться, - мягко улыбнулся он. - Я болен.

У девиц не хватило духа спросить «чем», а сам он не пояснил.

- Да не то, не то, что вы, бесстыдницы, напридумывали! - остановила развеселившихся Аглаю и Агнию тётушка.

- Это что - нибудь... нервное... психическое... Разве по нему не видно?

Как бы там ни было, Аркадий пришелся по сердцу Агате. Если случилось, он долго не появлялся, её обычная весёлость гасла, она начинала всех сторониться и всё бегала на крыльцо - посмотреть на дорожку к дому.

- А вот и молодой человек! - воскликнул Зиновий. - Лёгко на помине.

На веранду вошел высокий, сухощавый блондин, скромно всем поклонился.

- Милости просим! - встала ему навстречу тётушка.

Александр, всё ждавший, когда же Ия зачем-нибудь понадобится хозяйке, наконец, дождался.

- Ия! - позвала тётушка. - Поддай гостю прибор!

И улыбнулась Аркадию:

- Садитесь здесь, я вам и местечко приберегла.

Нечего и говорить, что сидеть ему выпало рядом с Агатой.

Аркадий едва успел расположиться, как к нему обратился Зиновий:

- Я вас давно хочу спросить, - он снова надел свои чёрные очки. - Вы чем изволите заниматься?

И, не дав Аркадию и рта раскрыть, продолжил:

- Ибо всякий индивидуум обязан приносить своим трудом пользу обществу. А иначе это паразит.

Александр увидел, как при этих словах Ия, склонявшаяся над ящиком буфета, скривила в гримасе лицо, будто в руку ей вместо вилки попала лягушка.

«Долго же господину Зиновию ещё ждать ответа, - подумал Александр. - Этак он совсем объест тетушку с дядюшкой».

- Я не паразит, - отвечал Аркадий. - Правда, теперь я в отпуску, по болезни, а так я...

- А скоро ли вы выздоровеете? — торопливо перебила его Агата, поднимая просящие глаза.

- Если бы вы знали, как я мечтаю об этом!

Аркадий печально улыбнулся и продолжил:

- Так вот, я электрик.

- Кто?

- Электрик. Специалист в области электричества. Тот, кто делает это физическое явление полезным людям. Речь не только об угольных лампочках,

к которым мы все привыкли, но и о динамо-машинах, трансформаторах и множестве других устройств.

- Что ж, похвально, похвально, - кивнул головой Зиновий. - Шагаете, так сказать, в ногу с последними достижениями техники.

- Да, последние достижения впечатляют, но трудно вообразить, какими высокоразвитыми были наука и техника в далеком прошлом.

От удивления все затихли.

- Некоторые историки утверждают, - продолжил Аркадий, - что люди даже летали на другие планеты, а летать вокруг Земли было для них и вовсе пустяковым делом.

- Ну, это они, положим, заврались, - сказал дядюшка. Допускаю подобное в будущем, но чтобы в прошлом...

- Однако тому найдены доказательства! Вы не представляете, сколько цивилизаций жило до нас и умерло. Вполне возможно, что некоторые из них достигли весьма высокого уровня развития!

Александр легко это допускал, а потому мысли его, в основном, занимала Ия, которая, присев на стул в уголке, слушала речи Аркадия с изумленным видом.

Нет, рот у неё не открылся, как это бывает, например, с детьми, но отрешенность от реальности была явной - вся она находилась там, с людьми, летящими на Луну, для которых суций пустяк покружить вокруг Земли.

Зато Александр, который никуда не улетал, смог наглядеться на неё вдоволь.

Платье у неё было с высоким воротником. Теперь, во исполнение тётушкиного указа, Ия носила только такие. А указ последовал после того, как Зиновий, засмотревшись на тёмную ложбинку в вырезе её платья, рухнул с крыльца.

Видимо, в отместку за такое ущемление свободы, стала она носить платье очень узкие и короткие. И получалось, что опять видно грудь и еще отчетливей бедра, попу, а теперь ещё и красивые ноги в тонких чулках и изящных туфельках.

Время от времени тётушка проводила с ней беседы о необходимости быть скромной, но, кроме соблазнительного вида, никаких претензий предъявить ей не могла. Да и насчет вида - что уж тут поделаешь, если уродилась такой...

Тётушка была привязана к Ие, искренне желала ей счастья, оттого и хо-

тела выдать её за Зиновия. Браки между людьми разного положения случались нечасто, но воспринимались обществом без осуждения.

Как обнаружил Александр, не один он засмотрелся на Ию: к ней были устремлены ещё черные очки Зиновия. Это, конечно, не удивляло, а вот то, что Зиновий, видимо, заметил интерес к своей невесте со стороны, вызвало в Александре чувство неловкости. Он поспешил отвести глаза, а потом подумал: «Ия же ему до сих пор ничего не ответила! Какая же она невеста?!» И хмуро посмотрел на Зиновия.

Его выразительный взгляд перехватила Агния, в её тёмных глазах загорелись озорные искорки, засеребрились, как росинки на солнце.

«Вот чертовка! Раскусила! Теперь уж кухни насплетничают вдоволь...»

И улыбнулся ей.

Тем временем Аркадий продолжал увлекательный рассказ об открытых учёными цивилизациях прошлого.

- И все-таки, милейший вы мой, это всего лишь гипотезы, - заключил дядюшка. — Никто не спорит, когда нам говорят, что раньше было четыре времени года или существовала нумерация родителей, тому есть неопровержимые доказательства, но полёты к другим планетам!.. Доказательства, которые только что прозвучали, ничего, по сути, не доказывают. Во всяком случае, меня они ни в чём не убедили. Так что давайте оставим всё, как есть. Я имею ввиду порядок в головах.

- Но я не настаиваю ни на чём, - спокойно ответил Аркадий. - Мне же довольно и убеждённости в том, что именно такова подлинная история человечества.

- Прекрасно! - воскликнул дядюшка. - Однако предлагаю прерваться и выйти в сад. Как-то сегодня необычайно душно...

- А у Гилея в полночь запускают фейерверк! - вспомнила Корина.

- Если Гилей, конечно, не повредился, - заметил Александр. - Они с Мироном сегодня прыгали с поезда.

- Ах да, - догадалась, о чем речь, Корина, - этот глупый обычай... Приятно, кузен, что ты всегда благоразумен.

- Увы, Корина, не всегда, - возразил Александр и продолжил про себя: «Я ведь не хочу на Ие жениться, но хочу, чтобы она мне принадлежала. Благоразумней всего было бы уехать, но я бессилён перед своим желанием».

Все потянулись в сад, а Александр задержался. Он оказался рядом с Ией, которая собирала опустевшие от закусок блюда, спросил:

- Так ты пойдешь за Зиновия?

- А вам что за дело? - усмехнулась она.

- Не ходи.

- Ну и в девках весь век просижу!

- Не просидишь, - сказал Александр, обнимая Ию сзади и вдыхая её волосы под затылком, не попавшие по малости в высокую прическу.

От щеколки она повела плечом.

- Зиновий зачем-то отлучился в комнаты и ещё не возвращался, - предупредила Ия.

- А ты приходи к липам, помнишь то место?

- Конечно. Еле отбилась тогда от вас.

- А зря. Я ж тебя люблю...

Ия вдруг обиделась:

- Неправда. Не любите.

- Да нет же, люблю... Вон ты красавица какая, милая, добрая, - говорил Александр, слегка перегибая ее назад и запрокидывая ей голову. А она была послушна, сама подставила ему губы...

- Так придешь? - отпуская Ию, спросил Александр. В её золотистых глазах стоял влажный, как у мытых ягод, блеск.

Она слегка кивнула и тут же отпрянула, услышав приближающиеся шаги.

Появился Зиновий и на пороге застыл. Ия, подхватив собранную посуду, торопливо покинула веранду. Зиновий кашлянул.

- Похоже, молодой человек, вы поставили себе целью соблазнить мою невесту, - без обиняков заявил он. - Учтите, в случае успеха вашего предприятия, я не смогу на ней жениться. Иными словами, бедная девушка лишится возможности обрести счастье, и вы станете тому причиной.

- Какой вы... - Александр поморщился, - нудный... Чем с вами жить, лучше повеситься! И почему вы решили, что она ваша невеста? Из того, что вы к ней посватались, ничего не следует. Я, может, тоже хочу на ней жениться!

От последней фразы Александр опешил, но через секунду понял, что не жалеет о сказанном. Странно, как порой неожиданно решается судьба.

Зиновий ухмыльнулся.

- Все достойные члены нашего общества, конечно, воспитаны в духе терпимости, однако, несмотря на это, ваша тётушка, полагаю, не одобрит вашего решения. Одно дело отдать свою служанку в чужой дом, другое - впустить в свой, ровней себе...

- А это уж не ваша забота. Честь имею.

Александр направился в сад, который можно было назвать и парком. Обширный, немного запущенный, в нём были не только фруктовые, но и лиственные деревья, возвышались сосны и ели, а одна сторона его выходила к пруду. По берегу его росли липы, между которыми стояла любимая не одним поколением дачников беседка. К этим липам, но не к беседке, держал путь Александр: ещё юношей он избегал назначать романтические свидания в столь посещаемом месте.

Он присел на ствол спиленного дерева. Прислушался. Стояла та самая тишина, которая, вмещая в себя множество отдалённых звуков, тишиной и остаётся. Где-то собака лает... Поезд прошёл... Женский смех раздался...

А по воде разливался месяц: так низко висел он на небе, будто касался воды. И ещё какое-то розовое свечение восходило от горизонта к этой сочившейся в пруд луне.

Со стороны беседки послышался шелест голосов.

Александр усмехнулся: «Ну да, в такую ночь сюда влечет всех влюблённых...»

Так подумал он, приписав голоса Аркадию и Агате. Но вскоре Александр понял, что обознался.

- Ты просто невыносим с этим своим нигилизмом, - горько говорила Корина. - Для тебя нет ничего святого! Ты - варвар!

Она всхлипнула.

- Ну, прости меня, прости...

Александр представил, как стоит Галактион, понурился своей крупной, буйно поросшую по бокам и будто бы нарочно выстриженную посередине голову.

- Ты же знаешь, из меня иногда всё ещё вырывается моё прежнее... Но ведь всё реже и реже...

- Галактион, ты не любишь меня, - сквозь слезы сказала Корина. - Ты заставляешь меня пожалеть о своем решении...

- Не отказывай мне! - с мукой в голосе произнес Галактион. - Я не смогу без тебя жить! Поверь, я стану другим!

Некоторое время из беседки доносилось молчание: по-видимому, между женихом и невестой происходило примирение. Потом Корина сказала:

- Ну, будет, будет...

Через минуту отозвался Галактион:

- Может, к Гилею на фейерверк?

- К сожалению, фейерверк не состоится. Кузен не зря опасался: Гилей присылал сказать, что ногу вывихнул... А мне, знаешь, чаю очень захотелось, с баранками! Пошли?

Дождавшись, когда они уйдут, Александр встал, чтобы размять ноги. Под ногой хрустнула ветка.

- Слышите? Тут кто-то есть, - узнал он голос младшей из кузин - Агнии.

«А эта-то кого приворожила?» — удивился Александр. Он осторожно сел и затих.

- Да нет здесь никого, вам показалось, - ответил незнакомый Александру голос.

- В этом месте нас легко могут застать, сюда многие приходят гулять.

- Но мы не делаем ничего предосудительного...

- Тогда обратите внимание, где лежит ваша рука, господин юнкер...

«Ах, вот это кто!»

Александр сообразил, что это Мирон - тот самый, который спрыгнул вместе с Гилеем с поезда. У его родителей была в поселке дача, а сам он недавно вышел из кадетского корпуса и поступил в военное училище.

Александр вспомнил, как и сам приезжал юнкером к дядюшке с тетушкой, как приводил сюда - не в беседку - молоденькую, голубоглазую барышню по имени... по имени Мелиса. Всякий раз она бывала покорна, и с нею случался столбняк, когда он усаживал её себе на колени, расстегивал её платье и вываливал в лунный свет её уже полные груди. Она спохватывалась, только когда рука его начинала обтекать её бедро, - и, вцепившись в эту руку, вскакивала. Прямо как Ия... И почему её всё нет?!

- Ну вот, - встрепенулась Агния, - я же говорила, сюда кто-то идёт!

Она притихла, а потом испугано прошептала:

- Это тётушка с дядюшкой! Бежим!

«Уж от них-то, полагаю, никаких сюрпризов не последует, - взволнованно подумал Александр и смутился, ощутив себя подсматривающим в замочную щель. - Я бы давно ушёл, да не могу...»

Напрасно он беспокоился.

Дядюшка и тётушка остановились на берегу пруда.

Дядюшка сказал:

- Странно, до восхода ещё далеко, а уже зарево поднимается... Видишь, под луной?

- Вижу. Огромная, золотая луна. И великолепная ночь.

- Да, дорогая, но почему так душно?!

И они пошли дальше.

А через минуту Александр уловил лёгкое движение воздуха, и протянутые сзади тёплые ладони легли ему на глаза.

Стоял чудный вечер.

Был 7326 год до Рождества Христова.

Страна называлась Атлантидой...

Нет ничего такого, чего не было бы прежде...

Всё было и всё будет!

Превратности судьбы

1

Павел и Стас сидели на скамейке.

Было лениво, истомно, пахло весной.

Жаль, что этот запах держится всего несколько дней. Или люди просто приноживаются к нему?

А, может, всё дело в том, что от сияющего неба, от буйства света ломается у людей пригревшаяся за зиму привычка к серой погоде. А когда расстаешься с чем-то обременительным, всегда делается легко и свободно. Тут и воздух, и сама природа покажутся необычными! Хотя ничего особенного не случилось и в ближайшее время не произойдёт: деревья не проснутся, цветы на бульварах не расцветут, и снегу ещё таять и таять, заливая лужами асфальт.

Павел повел носом. Говорят, в весеннем воздухе - свежесть и ни на что не похожий аромат. Ну да, свежесть чувствуется, - будто ветер вдыхаешь, и ещё в нём необычная прозрачность: каким-то промытым выглядит мир. А больше ничего... И, конечно, не хватает запаха краски: он неотделим от весны, но красить заборы и скамейки, пожалуй, ещё рано.

Павел взглянул на Стаса. Тот сидел неподвижно, закрыв глаза.

- Мы с тобой, как два кота на крыше, - сказал Павел.

- Угу, - отозвался Стас.

- Долго его ещё ждать?! — встряхнулся Павел.

Стас нехотя разомкнул веки, поблуждал перед собой сонным взглядом и застрял им в какой-то пустоте.

Павел с интересом посмотрел на него.

- Да не сплю я, не сплю с открытыми глазами! - угадал Стас его мысль. - Я всё вижу! Вон, кстати, Антонина несётся.

Антонина - это жена Никиты, друга Павла и Стаса со школьных лет. Её-то они и ждали на скамейке, чтобы отправиться пить пиво, и появление Антонины было совсем некстати.

- Хорошо б, она мимо прошла, - понадеялся Павел.

Оба непроизвольно вжались в скамейку, Стас надвинул шапку на глаза, а Павел их закрыл.

- Ой, ой, ой! Прямо такие незаметные стали! - съязвила Антонина, остановившись в двух шагах от них.

«Вот что он в ней нашёл?» - не переставали удивляться выбору своего друга Павел и Стас.

Нет, Антонина не была «крокодиллом» и дурнушкой не была, но она постоянно находилась в состоянии возмущённости духа или, проще, раздражения, что сообщало некоторую заострённость чертам её лица, изначально правильным и, вероятно, спокойным во сне. Злая гримаска-полуулыбка не покидала физиономию Антонины, а её маленькие, почти чёрные глаза напоминали блестящих беспокойных жучков. В общем, чистая стерва...

- Значит, по пиву решили?

- И тебе здравствуй, Антонина, - чахло улыбнулся Павел, но она оставила его приветствие без внимания.

- Сначала пиво, потом водка, потом по бабам потащитесь, так ведь?

- Господи, да как тебе такое могло в голову прийти?

- Могло, Стасик, и очень даже просто. Потому что я вас знаю, как облупленных.

Насчет «облупленных» - это, пожалуй, перебор, но сталкиваться с нею, действительно, приходилось и почти всегда по малоприятным поводам. То Никита поздно домой пришёл и с запахом, то вообще пьяный заявился, то от него духами несло... И всякий раз Антонина предъявляла обвинение в случившемся «этим его дружкам». По телефону или лично (и ведь не лень же было!). А насчет духов - это наглая выдумка Антонины. Никита ей не изменял, что было доподлинно известно и Павлу, и Стасу.

Ну а выпить он, конечно, мог. Бывало, что и прилично, но после одного случая стал относиться к спиртному весьма сдержанно.

В тот день должен был Никита ехать по работе за город. Утром Антонина его предупредила, что сегодня у них гости: мама с тётёй Зиной, которая не смогла присутствовать на их свадьбе, а теперь вот решила познакомиться с зятем своей лучшей подруги.

- Да уж два года прошло с нашей свадьбы, - заметил Никита.

- Тебя что-то не устраивает? - блеснула взглядом Антонина.

- Да нет, я так...

- И не вздумай задерживаться!

Но обстоятельства сложились следующим образом.

На обратном пути Никита с коллегами застрял в пункте отправления, поскольку движение электричек из-за аварии было прервано. Его обещали восстановить часа через два-три. Как водится, сбегали в магазин, купили выпить-закусить и начали коротать время. Никита хотел позвонить Антонине, но свой мобильный он, как назло, забыл дома, а сделать это с телефона кого-нибудь из коллег не смог по обидной причине: не знал наизусть телефона жены. Выяснилось, что он вообще не держал в голове ни одного номера. А кто из нас сможет кому-то дозвониться, кроме самого себя, окажись у него в руках чужой мобильник?

Тем временем в Москве гостя тётя Зина всё глубже и глубже проникалась уважением к чудесному парню Никите — молодому, способному инженеру, любящему мужу, заботливому зятю. И дочка, и мать не стеснялись пустить пыль в глаза, когда речь шла о престиже семьи. Тётя Зина, смакуя наливку, выражала радость по поводу удачного брака Тонечки, но вряд ли была она подлинно счастлива до тех пор, пока на пороге не появился пьяный «в хлам» Никита.

«Ну, вот же! - торжествующе зажглись её глаза. - Я же знала, что вы всё врётё! Откуда у Тоньки возьмётся путный муж!»

Поскольку большего счастья уж было не «высидеть», тетя Зина засобиралась домой.

- Ладно, поеду я, а то поздно, - поджав губы, сказала она.

Следуя этикету, Антонина всё же предложила с перекошенным лицом:

- Побудьте ещё, тетя Зин...

- Да нет, Тонечка, спасибо. Вам тут сейчас не до меня...

И скромно опустила взгляд.

- А я помогу Тонечке обратиться, - звенящим голосом сказала тётца.

Как только за тётей Зиной закрылась дверь, Никита был четвертован, вздёрнут на дыбу и расстрелян. Благо, муки доходили до него изрядно притуплёнными, будто был он обложен ватой. Что взять с человека во хмелю? Недаром есть армейское правило: не требуй объяснений с пьяного военнослужащего до его вытрезвления!

Утром тётца, так и не уехавшая домой, подвела черту:

- Всех ты нас осрамил, зятёк!

У окна тихо плакала Антонина.

Никите сделалось невыразимо стыдно, и он мысленно пообещал себе впредь проявлять осмотрительность при употреблении горячительных напитков, сдерживать, так сказать, свою рвущуюся в пучину нетрезвости душу.

И слово своё не нарушил против всякого ожидания, ибо договор с самим собой это совсем не то, что публичное обещание.

А Антонина в тот же день обвинила в случившемся Павла и Стаса, позвонив сначала одному, потом второму. Но ни тот, ни другой не имели и не могли иметь к этому никакого отношения: они не работали вместе с Никитой. Однако Антонина не желала замечать очевидного.

Какой бес сидел в ней?!

Павел с серьёзным лицом посмотрел на Антонину:

- Послушай, никто не собирается спаивать Никиту. Мы просто попьём пива, пообщаемся и разойдёмся.

Антонина, в свою очередь, застыла на нём свербящим взглядом, и ему показалось, будто чёрные жучки сейчас проникнут в него и выпотрошат всё внутри. Павел мысленно сплюнул: «Вот же зараза!»

В этот момент Стас добавил:

- И никаких баб...

- Ну, глядите, если что... - после тяжёлой паузы молвила Антонина, поворачиваясь к ним спиной.

А через пару минут показался Никита. Он шёл в расстёгнутом пальто, без шапки, подставив русую голову солнцу, и, светясь голубыми глазами, улыбался. Весенняя погода, предвкушение лёгкого времяпрепровождения создавали у него прекрасное настроение.

- Здорово, мужики!

- Здорово, здорово, заждались уже...

- Извините, начальник перед самым уходом задержал.

- Повезло тебе, - усмехнулся Стас, - а то с Антониной своей сейчас столкнулся бы.

- Она что, была здесь? - насторожился Никита.

- А как же! Напутствовала. Это же ты ей про нашу встречу рассказал?

- Ну, я. Чего скрывать-то?

- Да всё правильно, - сказал Павел. - Пятница проходит, а мы попусту тратим время. Поехали!

2

Нелли волнующе действовала на мужиков. Не будучи полной, она обладала совсем не скупыми формами - казалось и плечи, и бёдра, и грудь были налиты бродившими в ней, как во всём цветущем, соками. Прикосновение к ним оставляло ощущение приятной упругости, и одно это сводило Павла с ума. Тёмные волосы Нелли укладывала в пучок на затылке, пропуская их через виски. Очень женственно было... А ещё её серые глаза озорно блестели. И чего только эти глаза не обещали! И никогда не обманывали! У Павла от воспоминаний иной раз перехватывало дыхание.

Подруга же её Вероника была с точёной фигуркой, чёрными волосами, распущенными по плечам, а длинная чёлка и большие шоколадные глаза просто обрекали Веронику на сравнение с грациозной лошадкой. Она очень нравилась Стасу, а он, к счастью, ей.

А почему бы и нет?

Наши герои были рослыми, крепкими ребятами и, слава богу, не красавчиками. Павел с его светлыми глазами, широким носом, мясистыми губами принадлежал, как и Никита, к той породе русских, в которой азиатские предки оставили неразличимый след, что совершенно не относилось к Стасу - у того были слегка выступающие скулы и карие с раскосинкой глаза. Но это не делало его лицо менее симпатичным, чем у Павла или Никиты.

Обе счастливых пары сидели у Павла дома. Никита только что ушёл. Он и так припозднился, но пьяным не был.

Хоть, конечно, и пришлось ему, кроме пива, выпить водочки, но, заметьте, - никаких баб! Потому что девушки друзей - какие же это бабы?! Словом, товарищеская встреча прошла почти в полном соответствии с обещаниями, данными его жене.

У Павла и Стаса было легко на сердце, пока неожиданно не позвонила Антонина.

Незадолго до этого в нос ей залетела молекула женских духов. Вряд ли больше, ибо Никита сидел на противоположном от обеих девушек конце стола. Но Антонине оказалось достаточно и этой сверж малости.

Стас, которому она позвонила первому (ты же мне обещал, что никаких баб!), сначала убеждал её не поддаваться обонятельным галлюцинациям (тебе померещилось), потом ссылался на случайность (в транспорте любая женщина могла задеть плечом), потом дошёл до правды, рассчитывая на

её спасительную силу (здесь, кроме наших с Пашкой девушек, никого не было).

И только раззадорил Антонину (я так и знала, что вы проститутку себе выпишете!).

Она дала ему отбой, и следом зазвонил мобильник Павла.

Павел пару минут напряжённо слушал, потом с помрачневшим лицом сказал:

- Антонина, не делай этого!

Прикрывая трубку ладонью, пояснил:

- Она его выгнать решила. И продолжил:

- Тоня, это не проститутки (Нелли и Вероника гневно переглянулись), это наши девушки, мы тебя хоть завтра с ними познакомим. Сейчас вчетвером сфотографируемся, перешлём тебе снимок, и ты потом сравнишь.

- Она что, чокнутая? - изумилась Вероника.

- Типа того, - ответил Павел и объявил:

- Давайте все на диван! Надо Никитоса спасти.

Сделали сэлфи.

- А он что, сумасшедший - с такую жить? - продолжала удивляться Вероника.

- С виду нормальный парень, - Нелли тоже была в недоумении. - Общительный, с юмором.

- Люди иногда от любви глупеют, - усмехнулся Стас.

- Неужели он любит эту стерву?

- Наверно, - сказал Павел. - Другого объяснения у меня нет...

3

Спустя три года, чудесной летней порой, когда на горизонте ни облачка, Стас лежал в гамаке, застыв на небе взглядом. Было мягко тонуть в синеве и весело знать, что не достигнешь дна. Здорово! Какое-то бесконечное погружение в синий бархат... Раньше ему было как-то ни к чему, что существует такое небо!

- Ну, Стасик! - услышал он, наконец. - Иди же помоги!

Стас с сожалением опустил взгляд, и на мгновение небо, запечатлённое сетчаткой глаза, перенеслось на землю. А когда оно отлетело, возникли сад, беседка, длинный стол, мангал с шампурами.

Они с Вероникой ждали гостей.

- Уже бегу, - крикнул Стас, опуская ноги в пляжные тапочки.

Вероника - чудо! Успела и салаты нарезать, и что-то там ещё приготовить, в общем, остаётся только расставить блюда на столе, а когда гости соберутся, разжечь мангал.

Да, она и хозяйка прекрасная, и замечательная мама - их Дашке уже два года. Хорошо всё! Родители вон им дачу свою практически подарили, с работой полный порядок, квартира - не ипотечная, машина - не в кредит. Чего ещё надо? Живи и радуйся! Он и радуется!

Первыми из гостей приехали Павел и Нелли.

- А что ж вы без Алёнки? - спросила после тёплых объятий Вероника.- Они бы сейчас с нашей Дашкой...

- Да не хотелось её в электричке везти, - обмахиваясь платочком, ответила Нелли. - А на машине, - она взглянула на Павла, - наш же папа не может не выпить!..

Павел, явно раздавшийся со временем вширь, улыбнулся:

- У друзей и не выпить - как-то не по-людски...

- А что Никита? - вмешался Стас. - Вы созванивались? Он же обещал приехать.

- Обещал... и даже со своей мымрой, - безрадостно сообщила Нелли.

И после родов она оставалась хороша. Всё волнующее в ней стало ещё пленительней, оттого что немного потяжелело.

Кстати, и Вероника с рождением дочки тоже пополнела, но так изумительно в меру, что фигурка её, сделавшись телесней, не потеряла лёгкости.

Словом, обе они были по-прежнему красавицы, и мужская половина собравшихся гостей то и дело тайком бросала на них восхищённые взоры.

Тем более, вызывало недоумение, отчего Павел, которого назначили вести стол, почти всегда во время речей останавливался глазами на одинокой - без пары - худой блондинке. Стас подумал, что это только ему кажется, но, судя по тому, что Вероника больше никогда не приглашала эту их дачную соседку в гости, он ошибался. Пример друга заставил и его самого остановиться, поскольку он поймал себя на произвольном интересе к дебёлой и крашеной супруге Дмитрия Альбертовича Свиридова, работавшего вместе с ним ведущим специалистом.

И ведь было не так ещё много водки выпито!

Часа через два приехали Никита и Антонина. В электричке они повздо-

рили, а, проще сказать, Антонина за что-то взъелась на Никиту. Усадили их, конечно, рядом, но Антонина сразу же воздвигла между ними стену.

И хоть стена эта была невидимая и всего для двоих, но неловко от неё стало всем.

- Не хватало ещё, чтоб она праздник испортила, - сказал Стас Веронике и Нелли. - Идите, девочки, выпейте с ней, может, поубреет?

- Счас! - ответили девочки. - Думаешь, мы забыли, как она нас прости-тутками назвала? Терпим её только ради вашей дружбы с Никитой!

- Слушай, - нашелся Павел, - у неё же ещё один сосед есть, вон, этот, седой, у мангала стоит...

- Дмитрий Альбертович, старший товарищ по работе. И что?

- Ну, шепни, чтоб за ней поухаживал, чтоб рюмка не пустовала... Мол, она, когда выпьет, сразу доброй становится.

- А она становится?

- Как и большинство людей, будем надеяться...

К радости Стаса и Павла она не противилась стараниям соседа справа и вино пила, но...

Неожиданно Антонина исчезла. Вышла из-за стола и исчезла. Никто не обратил на это внимания, пока Дмитрий Альбертович Свиридов не озадачился отсутствием соседки.

На тревожные мысли наводил тот факт, что гости все были налицо, а значит — ни с кем куда она уйти не могла, как и уехать домой, поскольку сумочка её продолжала висеть на спинке стула.

Все отправились бродить в её поисках по саду, лишь муж остался сидеть за столом с устремлённым к небу взглядом, наслаждаясь наступившим чудным вечером, так похожим на день, если б не припогасший уже свет и не повышенная злобность комаров. Вот от них он ещё вяло отмахивался веточкой, а больше, кроме неба, его не интересовало ничего.

Разумеется, большинству наших сограждан, прошедших школу детективных телесериалов, такая картина показалась бы подозрительной.

Потому-то, судорожно сглотнув комок в горле, Стас спросил Павла:

- Ты тоже об этом подумал?

Павел кивнул и добавил:

- Знаешь, я его понимаю.

Они осторожно подошли к Никите, сели напротив.

- Вы что такие загадочные? - опустил с небес взгляд Никита. - Никуда Антонина не денется. Она всегда, когда подопьёт, исчезает.

- Как это?

- Ну, уходит из компании и гуляет в одиночестве... Если в Москве, то по улицам, если за городом - по пересечённой местности. Ни разу не заблудилась. А вы разве про эту её странность не знали?

- Откуда?!

- Ну да. Она же при вас всегда в норме. Это вы седого подговорили её напоить?

- Извини, хотели, как лучше, думали, она подберет...

Никита с горечью улыбнулся, а Стас взялся за бутылку, разлил по рюмкам водку.

- Чтобы все невзгоды нас миновали!

Выпили, и Павел не удержался, спросил:

- Никит, извини, но зачем ты с ней живёшь? Это же ведь просто глупо... Ведь не может быть такого, чтоб ты её любил...

- Глупо, ну и что? И не люблю, конечно.

- Так зачем?! Объясни!

- Чтобы что-то изменить, надо этого очень захотеть, а я не хочу, привык... Разве к плохому невозможно привыкнуть? Вполне возможно, как и к хорошему. Вон, у вас жёны красавицы, а вы всё равно на других баб пялитесь...

Стас, пряча глаза, возразил:

- Это другое...

- Ага, другое, а может, тоже привыкли, разлюбили? Ничего, живёте же!

- Никитос! Ты спятил? - возмущённо воскликнул Павел. - Себя послушай! И вообще, нас хотя бы никто поедом не ест!

- Да мне до Антонины, по большому счёту, дела нет! Она на окраине моей жизни существует... Наливай, Пашка, чего смотришь?

Друзья снова выпили, и Никита продолжил:

- Братцы, ничего же просто так не бывает. Понимаете, во всём есть смысл, от всего своя польза. Даже от глупости.

- Точно: она - пример другим, как не надо делать, - поддержал утверждение друга Стас.

- Это с одной стороны, - согласился Никита. - А с другой... В моём детстве мы каждое лето варили варенье. Тратили на это уйму сил, времени, сахара, но,

так как семья за год не успевала съесть это варенье, то образовывались неиссякаемые его запасы. Да что я вам рассказываю, можно подумать, у вас дома было не так. И хотя все понимали, что занятие это пустое, глупое, всё равно продолжали относиться к нему как к необычайно важному хозяйственному делу. И знаете, какая польза была от этой глупости? Она сплачивала семью.

Павел и Стас прыснули смехом.

- Чего вы ржёте! Не так, что ли? Надо же было ягоду собрать, помыть, сварить, в банки закатать... Все же участвовали в этом!

- Не обижайся, ты, наверно, прав, - примирительно сказал Павел. - Ну а от твоей-то глупости какая польза?

- Ещё не знаю...

- Ладно. Давайте за пользу глупости!

Они едва успели выпить, как появилась Антонина.

Она приблизилась к столу с угрюмым видом - её глаза покрупнели и сделались тусклыми, так что перестали походить на чёрных жучков, а лицо было серым, усталым.

Вялой рукой сняла она со спинки стула сумочку, сказала Никите:

- Поехали домой.

И остальным:

- Пока.

4

Пролетело ещё три года.

Никита сломал ногу и находился в больнице. Он сидел в парке, дышал воздухом и ждал.

Недавно прошёл дождь, после которого осень ещё сильнее запахла грибами и прелым листом. Выглянуло солнце, и обрамлённый перилами и крышей беседки мир преобразился, как переписанная новыми красками картина: теперь она светилась сочным багрянцем, на который опускалась бледная голубизна. Это подёрнутое дымкой небо казалось очень близким и потому, наверно, выглядело не величественно по обыкновению, а как-то непритязательно, словно красавица в домашнем халатике.

Который день, невзирая на сломанную ногу, Никита ощущал себя счастливым человеком!

Известно, что долгим счастье не бывает, так же как не бывает нетающего

льда, но об этом не стоит вспоминать, если хотите продлить улыбку судьбы, не уподобиться тому скучному хозяину, от которого ушла раньше времени желанная гостья.

Никита принадлежал к числу тех, кому не только довелось прочитать роман «Былое и думы» (правда, по чистой случайности), но и хорошо запомнить слова Герцена о счастье¹. Они были точны, ёмки, и всё-таки...

Нагловатая мысль о том, что прекрасная гостья надолго задержится в его компании, поселилась в голове не сразу. Её появлению предшествовал ряд событий, начавшийся с того, что Антонина вдруг утратила к нему всякий интерес. Стала спокойной, мягкой, даже лицом как будто похорошела. Никита быстро сообразил, что у неё кто-то появился и, черкнув записку «Желаю счастья», с непередаваемым чувством облегчения покинул их общий безрадостный дом - перебрался в унаследованную от бабушки квартиру на Профсоюзной.

О том, что Антонина строит новую жизнь, говорило долгое её молчание, в котором Никите хотелось видеть растерянность перед его благородством, признательность за его деликатность...

Всё расставила по местам её эсэмэска: «Выхожу замуж. С тобой развожусь в Мещанском суде в четверг, в 13.00. Попробуй не явиться!»

Наивен был Никита, полагая, что своим присутствием провоцирует в Антонине повышенную стержовность и будто с другим мужчиной она станет лучше. Нет, ничто не могло изменить эту женщину! Такие, как она, всё переделывают под себя, и горе тем, кто им не подчиняется!

И точно: избранник её поначалу взбрыкивал, потом смирился и начал тихо попивать. Антонина победила!

Но дальнейшая её жизнь уже не имела к Никите никакого отношения.

Он блаженствовал в одиночестве. Он чувствовал необыкновенную лёгкость. Хотелось летать.

Например, на дельтаплане. Но для этого нужно было учиться. Зато никакой предварительной подготовки не требовалось для прыжка с парашютом в тандеме с инструктором.

Аэроклуб потом изрядно лихорадило, а инструктор Марченко долго пребывал в шоке: никогда ещё никто из клиентов ничего себе не ломал! (Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы Никита не написал заявление об отсутствии к кому-либо претензий.)

¹ Хронического счастья так же нет, как нетающего льда.

Но что была сломанная нога по сравнению с открытием неведомых ему прежде ощущений! Такие открытия, а они бывают как со знаком плюс, так и со знаком минус, переворачивают подчас всю человеческую жизнь.

Ощущение огромности мира и сопричастности ему так ярко осветило душу, что она замерла, а потом загорелась тихой радостью, которая больше уж не гасла.

Вот с этой радостью Никита и воспринимал теперь мир вокруг себя. На него, что называется, сошла благодать, а вовсе он не свихнулся, как мог бы кто-нибудь решить на том основании, что больница - не лучшее место для наслаждения жизнью.

Несомненно, перелом ноги являлся омрачающим фактором, но он перестал быть таковым, когда Никите повстречалась Ульяна. Тут ведь сама собой выстраивалась счастливая взаимосвязь: прыжок с парашютом - перелом - больница - Ульяна!

Она была моложе Никиты лет на десять, ладная, с милым лицом. Такие лица почему-то красивыми не называют, хотя велика ли разница между красотой и пригожестью? Ведь красота не может не быть пригожей, а пригожесть разве не красива? Хотя, конечно, разница всё же есть: красивое лицо бывает холодным, а милое - никогда. Именно его из всех других сам собою выберет взгляд.

Особенно такое, как у Ульяны. Её глаза, губы, носик, лоб - вместе являли Никите одушевление тихого света, тепла.

Но порой ему казалось, что эти свет и тепло вполне могут и обжечь, и зажечь. Ощущение этого было, как ускользающее прикосновение, и только от силы воображения зависело - продлиться или исчезнуть ему. А воображением Никита обладал богатым.

Тогда, в первую их встречу, он внезапно и твёрдо, как только бывает по наитию, уверился в мысли, что в цепи его счастливых — она главное звено.

А случилось всё в среду, когда Никите назначили физиотерапию. Он добрался до процедурного кабинета, опираясь на костыли, смело загребая пространство здоровой ногой.

- Что же вы, почему без кресла? — удивилась Ульяна.

- Да я больше пешком. У меня машины нет, чего привыкать к колёсам?

- Причина, конечно, уважительная, - усмехнулась Ульяна, - но назад я вас отправлю в кресле.

Она намазала гелем его вправленный после вывиха локоть и приступила к процедуре, поводя вокруг сустава излучателем прибора.

Разумеется, к вниманию мужчин она давно привыкла и хорошо понимала, что творится в их обращённых к ней головах, потому не смутилась, когда Никита начал, совсем уж не прерываясь, смотреть на неё.

Его путешествующий глаз увидел гладкую кожу, смугловатый оттенок которой густел при погружении взгляда в вырез явно не казённого халата (будто бы только для прохлады делаются эти нежные вырезы!), золотистые волосы, возможно, крашенные, но красивые, ухоженные, тонкий подбородок, чёрные опущенные ресницы - и неожиданный их взмах, и зелёный смеющийся взгляд.

- Во время физиотерапии нужно сосредотачиваться на процедуре, а вы на чём?

- На вас.

- Я вижу. Надеюсь, завтра, - она постаралась больше не улыбаться, - вам будет легче собраться: в четверг не моя смена.

- А в пятницу?

- А в пятницу моя. Но к тому времени вы, наверно, образумитесь. И, пожалуйста, дождитесь санитаря с креслом, я его уже вызвала.

Вечером Никита позвонил Стасу.

- Вы ко мне с Пашкой в пятницу собрались?

- Ага, в пятницу.

- Только давайте пораньше, чтоб я на физиотерапию успел. И букет цветов купите. Большой. Прямо чтоб букетище был!

- Я правильно понимаю, что физиотерапия и букет взаимосвязаны?

- Правильно. Жду вас в беседке в два часа дня. Сможете?

- Да сможем, чего ж не смочь...

* * *

Ну, вот они и появились: из конца аллеи бросился в глаза большой, изящно обёрнутый букет - роскошество красок на лиловом ложе. Он бордово, белоснежно, сиренево полыхал в руках Стаса. А Павел нёс тяжёлый пакет со всем необходимым для поднятия духа больного.

Расположились здесь же, в беседке.

- Ну, рассказывай. - Стас протянул цветы Никите. - Прямо сгораем от любопытства.

Павел достал бутылку конька, бутерброды.

- Не, мужики, без меня, - Никита прикрыл свой стаканчик рукой, - я же предупреждал: мне ещё на физиотерапию.

- Она врач? - спросил Стас.

Никита пожал плечами.

- Не знаю. Она процедуры проводит. Нет, конечно, не врач. А какая разница?

- Ну, Антонина у тебя была с высшим, надо планку держать...

- Вот ты фигню сказал! - возмутился Павел. - А главное, он что, жениться собрался?!

- Ладно, ладно, - Стас примирительно выставил ладони перед собой. - Всё готово, поехали. Твоё здоровье!

Никита подождал, пока они выпьют и начнут закусывать.

- Вообще-то да, - сказал он.

- Что да? - Стас перестал жевать. Павел тоже насторожился.

- Собрался жениться...

- Скажи, а без женитьбы никак нельзя? - прервал, наконец, недоуменное молчание Стас. - Тебе обязательно «из огня да в полымя»?

- Не будет никакого «полымя», - твердо сказал Никита. - Она - мой человек. И вообще, все мои неурядицы кончились.

- Дай-то бог, конечно, - пожелал Павел, - но откуда такая уверенность? Лучше не загадывать...

Он отщипнул от хлеба мякиш и начал катать из него шарик.

- Я тоже думал, что у нас с Нелькой всегда будет всё хорошо. А на деле... Давно уже, как кошка с собакой, живём. У неё кто-то есть, у меня... Не разбегаемся только потому, что не хотим Алёнку травмировать.

Стас молча наполнил стаканчики. Также молча они с Павлом выпили, и Стас сказал:

- У меня аналогичная ситуация. Нет, хуже. Мы с Вероникой уже собрались на развод подавать.

- Ушам своим не верю... - обескураженно вымолвил Никита.

- Да. Всё так, - подтвердил Стас.

- «Любовная лодка разбилась о быт», - грустно усмехнулся Павел. - Ты говоришь, что она - твой человек. Хорошо бы. Тогда вместе доплывёте до старости... А я, видно, с чужим человеком в лодке оказался.

- Вообще-то вся штука не в том, чтобы доплыть, а как доплыть, - заметил

Стас. - И с чего ты, Никита, взял, что именно она тебе нужна? Вы давно вместе?

- А мы ещё не вместе.

- Наш друг сошел с ума, - констатировал Стас.

5

Известно, что о счастье писать скучно. С ним ничего не происходит: оно не болит, не терзается, не кричит. Литература только доводит до его порога, там и кончается.

В самом деле, кому интересно, что сейчас Никите предстоит идти в магазин, потом жене помогать накрывать на стол, а завтра убираться в квартире после гостей и, видимо, снова идти в магазин...

Разумеется, имеет право возникнуть вопрос: какое же это счастье? Счастье - это когда... И представляется финальная сцена из голливудского фильма: герои нежатся под солнцем на берегу моря и попивают через соломинку сок (неприменно жёлтого цвета).

Но если заглянуть за заставку «The End», то легко представить, как подобное времяпрепровождение заканчивается тепловым ударом, изжогой, облезанием кожи... Да что тут говорить, любой, отдохавший на море, может дополнить данный перечень, а заодно вспомнить, как в конце отпуска ходил он на пляж - под это невыносимое солнце, к этому тёплому, как лужа, морю.

И что же тогда счастье?

Об этом и подумалось Никите.

Он стоял у окна, смотрел на улицу и ждал, когда Алёшка закончит завтракать и они отправятся с ним в магазин, а заодно погулять.

Был серый, под глухим, ватным небом денёк и, если б не канун Нового года, он ничем не отличался бы от других, уже минувших и ещё ожидавших своей очереди - зимнее солнце нечасто навещает обитателей московских широт.

Никита представил, как в полночь под хрустальный звон отовсюду зазвучит: «С Новым годом! С новым счастьем!»

Странно. Новое может быть только вместо старого. Нового счастья нельзя пожелать тому, у кого его нет, а тому, у кого оно есть - зачем другое?

Он покосился на стол... Да и не может оно быть другим: оно или есть, или его нет.

Ульяна сидела рядом с Алёшкой и листала старую тетрадь с кулинарными рецептами. Тогда как Интернет способен представить любую исчерпывающую информацию, она оставалась привержена этой тетрадке, первые записи в которой сделала еще её мать.

В шортах и маечке, с волосами, собранными в хвост под резинку, без макияжа, она была такая домашняя, уютная. Почувствовав, что Никита на неё смотрит, Ульяна на секунду оторвалась от тетради и улыбнулась.

Никита давно уже считал её милое лицо образцом женской красоты.

«Ну и какого ещё счастья мне надо? А ведь я мог разминуться с ним... если б не моя глупость! Вот, кстати, и ответ на Пашкин вопрос. Нет, от глупости определённо иногда случается польза, - усмехнулся про себя Никита. - А Герцен, наверно, имел в виду всё же не счастье, а радость. Как раз она нетающей, как и лёд, не бывает».

Алёшка этого, конечно, не знал, а потому ему было досадно оттого, что ещё вчера он буйно радовался наступившим каникулам, а сегодня всё куда-то подевалось. Нужно есть эту кашу, потом ещё вареное яйцо... Хотя, с другой стороны, не так уж всё и плохо. «Сейчас с папой на улицу пойдем. Лучше бы пойти втроём, но у мамы нет времени, ей нужно наготовить всякой еды. Папа купит мне в магазине что-нибудь вкусное, потом на горку... А вечером будем петарды запускать. Ещё гости сегодня придут. Весело будет. Если только дядя Паша не поссорится с тетей Неллей, как в прошлый раз. Их папа с мамой еле помирили. А дядя Стас обязательно принесёт какую-нибудь интересную игрушку. Он всегда один приходит, потому что у него нет жены. Я тоже жениться не буду. Очень надо».

- Ладно уж, не мучай ты эту кашу, - сказала Ульяна. - Иди, одевайся.

Вскоре Алексей и Никита стояли в коридоре, готовые к выходу.

Ульяна задумчиво смотрела на них. Она явно колебалась и, наконец, решила:

- Я с вами! Успею ещё дела переделать...

У Алёшки радостно заблестели глаза.

- Я люблю всей семьёй гулять! - важно сказал он.

Солнечный блик

Ермакову хотелось убить её. Потому что вдруг открылось: Инга распущена, порочна...

Вон она - безотказно танцует со всеми, они её обнимают, она льнёт к ним.

А тот светлоглазый мальчик с волосами в завитках раздражал его особенно. Уверенный, что нравится Инге, он иногда дерзко взглядывал на Ермакова. Глупый юнец, что он насочинял себе?

Ему и невдомек, что ещё каких-то пару часов назад сливочное её тело, утомлённое, на сбитых простынях, золотисто тускнело в полумраке комнаты Ермакова, и горячее дыхание Инги толкалось ему в грудь.

А может, юнец и в самом деле нравится ей? Куда выходили они перед этим медленным танцем?

Вернулись они, правда, порознь, ну так это и понятно... Сразу обратили на себя внимание её диковатый взгляд и губы - нет, не мятые, но чем-то расстроенные, которые она то и дело облизывала.

- Где ты была?

- Я случайно вместо вина водки выпила... — растерянно сказала Инга.

Это вроде бы всё объясняло. Ермаков с готовностью поверил, но и всколыхнулось отчего-то презрение к самому себе.

Потом подошёл юнец и взял её за руку, приглашая на танец.

Инга повернулась к Ермакову:

- А ты? Не хочешь потанцевать?

Ермаков криво усмехнулся:

- Нет. Спасибо.

Непроизвольно выскользнула у него обида. Только на кого? На самого себя?

Зачем он сюда пришёл? Было же ясно с самого начала, что для этих молодых людей он чужой, как и они для него!

Но Инга ничего не заметила.

Она поплыла в медленном танце, а партнёр, расположив руки на её талии, то одной взбирался по голой спине её под лопатку - и Инга поводила плечом, - то другой опускался по нежной выпуклости, пока Инга не сгоняла его руку с макушки изгиба.

Следовало бы расквасить ему нос. Но дело-то было не в юнце, а в Инге, которая как бы и не поощряла его поглаживания, но и не противилась им!

И не только кудрявый мальчик, а ещё и другие - из ранее танцевавших с ней - были чересчур раскованы, и это наводило на мысль о каких-то особенных между ними отношениях.

Хотя что ж, все они давно дружат, а Инга - красавица из красавиц, каждый в своё время пытался ухаживать за ней, может, кому-то она и отвечала симпатией.

Но только симпатией, потому что не была до него женщиной!

Увещевания разума почему-то не привели к успокоению, а вызвали приступ ярости. Ермаков еле сдерживал себя.

Инга тревожно отстранилась от партнера, посмотрела на Ермакова. В полумраке блеснули её улыбнувшиеся глаза. Взмахом руки она позвала его, но Ермаков покачал головой.

Кто-то включил люстру, крикнул:

- Михайлова! Спой!

Выплыли откуда-то гитара, стул.

Она села. Положила ногу на ногу, попробовала звучание струн. Все затихли: то ли в ожидании пения, то ли от вида высоко вздёгнувшейся юбочки.

Кровь бросилась в голову Ермакова: «Это она нарочно!»

Ну, а если и нет, Инга не очень-то смутилась. В глазах у неё зажглись острые, озорные звёздочки, она встала, одёрнула подол и снова села.

«Ещё он не шит, мой наряд подвенечный,

И хор в нашу честь не споёт,

- начала она несильным, но тем замечательным голосом, от которого замирает всякая душа. -

А время торопит, возница беспечный,

И просятся кони в полёт!»

По окончании песни какое-то время держалась тишина, а потом её смёл дружный, как по команде, хлопок множества рук, разлетевшийся на аплодисменты.

Просили Ингу спеть ещё, но она передала гитару молодому человеку в распахнутой на груди рубашке и в тонких, почти невидимых очках. Он запел залихватскую студенческую песенку, припев которой всем надлежало подхватывать хором.

А Инга осталась сидеть. Она только повернулась вполборота к подруге, которая подошла к ней со спины. Та начала что-то нашёптывать ей

на ушко, отчего у Инги появилась полуулыбка, и она стала кого-то искать глазами.

И это был явно не Ермаков, стоявший у неё на виду.

Время от времени у Инги посверкивала серёжка. Тем же блеском вздрагивал и её взгляд, когда ей казалось, что она нашла того, кого искала. Ермаков был уверен, что это мужчина.

Но он всё не находился, и тогда Инга встала и с подружкой направилась к дверям. Выходя, она оглянулась, словно окончательно убеждаясь, что искать нужно не здесь, и пробежала по Ермакову неузнающими, безразличными глазами.

Ермаков почувствовал, как удары сердца проникают в уши, в виски. Он ничего уже не слышал, кроме шума бьющейся крови, когда вышел вслед за Ингой.

Она стояла к нему спиной, и чьи-то руки обнимали её.

Ермаков не заметил, как нож, который он, придя с войны, всегда носил с собой, оказался в руке и как ударил он Ингу в спину - туда, под лопатку...

В Ингином дворе, в её детстве, жил мальчик - инвалид. Она, как и многие из того двора, дружила с ним. Потом он уехал - в интернат. А в тот вечер вернулся, чтобы после многих лет повидать своих старых друзей.

Все долго не могли прийти в себя от этой нелепой смерти, долго горевали, но со временем успокоились, стали о случившемся забывать. Стёрлись и лицо Инги, и голос...

Остался лишь солнечный блик на памяти.

Открытие

Для Зубова новогодние каникулы не тянулись так томительно, как для большинства граждан.

Конечно, развлечения в виде употребления водки, поедания салатов и запуска петард утомляют более любого тяжкого труда, а за упадком сил, как известно, следует депрессия. Именно в ней многие и оказываются к исходу мучительных праздников, которые не были бы мучительными, если бы граждане проводили время с умом - посещали выставки, концерты, занимались спортом и т. д. Тогда они бодро дошагали бы до конца дарованных заботливой властью каникул и не знали бы уныния. Но всё у нас не так... всё через одно место...

Зубов был исключением. Хоть на лыжах и не катался, ЦДХ на Крымской набережной не посещал, в кинотеатр на «Ёлки 1914», как призывала реклама, не ходил, но и «водку не пьянствовал», холодцом не объедался.

Свободное время своё он посвящал хозяйству, то есть дому. Заниматься домом: чинить, вешать, сооружать, ремонтировать было его любимейшим делом. Согласитесь, бесценное качество для мужчины и мужа. Подруги жён таких мужиков уважительно говорят о них: «Додельный...» и в какую-то даль отправляют взгляд и сталкиваются там с чем-то приятным.

Почему же ни с одной из жён ему не повезло?!

Так с грустью думал он иногда о Насте и Зое. Кстати, Зоя была подругой Насти и второй его женой. Вместе они пробыли недолго. Жизнь с «додельным» Зубовым представлялась Зое необычайно уютной, а кончилось всё тем, что на прощанье она бросила ему: «Сдохнуть с тобой впору от тоски!»

Зубов остался в недоумении: чего ей не хватало?!

Ну, а если честно, то и она не слишком-то его устраивала: готовила плохо, дома была неряха... Ну да, поначалу Зоя сильно его возбуждала этим своим «разобраным» видом: то не заметит она свалившуюся с плеча бретельку и вывалит ненароком из сорочки тяжёлую грудь, то, присев, сверкнёт трусиками... А потом ничего этого не стало - дебёлая баба и только! В общем, расстались они без сожаления.

Иное дело - Настя, первая жена. Брак с нею длился пять лет, они нажили дочку, у них был дом, налаженный быт. И вдруг оказалось, что всё это благополучие - лишь иллюзия Зубова! То есть был очаг - крепкий, кирпич к

кирпичу, - и за тем, чтобы он таким оставался, Зубов неустанно следил, но не замечал, что огонь там едва теплится...

«Чем я ей не угодил?! - удивлялся Зубов. - Откуда в людях такая неблагодарность?..»

Но не только неблагодарной оказалась Настя - еще и жестокой. Её вдруг прорвало неприязню к Зубову, о которой он даже не подозревал. Прорвало в одночасье - когда уходила к другому мужчине.

Забрала с собой всё - мебель, посуду... На возражения Зубова лишь презрительно усмехнулась:

- Успокойся, самое ценное - твой инструмент - я не трону...

Ну, положим, не всю мебель и не всю посуду вывезла Настя, возмущало другое: она прихватила люстру, которая была для Зубова памятью детства. А главное, эта люстра давно уже нигде не висела, а лежала на антресоли, ожидая переезда на дачу (впрочем, дача принадлежала Настиным родителям, так что с люстрой всё равно пришлось бы расстаться. И тем не менее...)

В очень далекие 60-тые годы прошлого столетия её подарили на новоселье тётя Соня и тётя Надя матери Зубова, то есть своей сестре. С первого взгляда Серёжа Зубов был потрясен её роскошным видом. От серебряной короны, венчавшей люстру, стекали к пяти матовым шарам-плафонам нити хрустальных бусин, а ниже множество таких же нитей, чуть провисая, разбегалось от центрального стержня к опять же серебряному ободу, который к этому стержню крепился и служил завершающим элементом всей конструкции. О том, что серебро было мельхиором, а хрусталь — обычным стеклом, Серёжа, естественно, не знал.

Тем не менее, выглядела люстра торжественно, а по прошествии многих лет и вовсе оставляла впечатление старинной изысканной вещи, хотя являлась лишь удачным продуктом советской дизайнерской мысли.

Когда 8 января Зубов увидел её на «блошином» рынке, у него от неожиданности и восторга замерло всё внутри. Это была именно та самая, а не такая же люстра! Знакомая до боли царапина на короне являлась тому доказательством.

Переждав, пока ровно не забилося сердце, он произнёс вопрос, минуту назад ставший для него самым важным:

- Сколько стоит?

Продавец, сметливо блеснув глазом, ответил, и у Зубова опять всё за-

мерло внутри - на сей раз от упавшей в сердце тоски - таких денег он не имел...

И дело не в том, что всего 450 рублей находилось в его кошельке (да и зачем ему было брать с собою больше, если он направлялся за саморезами, а на толкучку забрёл случайно, по пути в магазин). Дело в том, что и дома у него не было названной суммы!

Зубов повернулся, пошел прочь, но вспомнил, что рынок - место, где нужно торговаться. На обратном пути к продавцу - бородатому мужику в varejках - он решил действовать без стеснения. Глядя в красное, под клетчатой кепкой лицо спекулянта (а кто же он ещё!), Зубов назвал ополовиненную первоначальную сумму, и мужика даже покачнуло от такой наглости, а выражаясь образно, просто свалило с пьедестала, откуда он правил бал.

- Не... Ты что... - медленно приходил в себя продавец. - Это ваще...

Наконец, он мотнул головой и сказал, как отрезал:

- Нет, не договоримся мы...

Но Зубову было уже ясно: он купит люстру, во что бы то ни стало!

Почему она сделалась ему так необходима? Как если бы, обретя её, он вернулся бы в своё беззаботное прошлое. Но это невозможно, да и зачем? Чтобы снова изведать радость ожидания взрослой жизни? Из детства - этого предбудущего - будущее всегда видится светлым...

Заманчиво, приятно, но только если забыть... Нет, в детство ему не нужно, он уже хорошо знал его продолжение, к чему обманываться? Тогда зачем?

Ответа не было, но была убежденность, что люстру эту ему обязательно нужно выторговать.

- Ладно, - сказал Зубов. - Накину еще тысячу.

- Мужик, ты в своём уме? - возмутился продавец. - Это же девятнадцатый век!

- Всего-навсего 60-тые годы 20-го века, - спокойно возразил Зубов.

Продавец изумлённо уставился на него, а Зубов понял, что попал в самую точку и теперь-то уж дождёт барыгу. А то, что продавец, возможно, вполне искренне заблуждался или просто не ожидал такого быстрого и беспощадного разоблачения, не имело никакого значения.

- Это моя люстра, - продолжил Зубов. - Я её с детства помню, по этой царапине узнал. Бывшая жена при разводе всё себе забрала и люстру тоже.

Выходит, не нужна она ей была, раз продала. Не пойму, - как бы неожиданно в себя окнулся Зубов, - зачем она ей понадобилась? Чтобы мне насолить?

- Значит, и у тебя бывшая всё конфисковала? - обрадовано подхватил продавец. - Из дома-то хоть не выставила?

- Нет, к новому мужу переехала.

- Ну, тебе ещё повезло. Моя меня просто выгнала. Вот так! Как будто ни дома, ни семьи никогда не было. Дети-то есть?

- Дочка. Взрослая уже. Мы с ней дружим... Ну, так люстру продашь?

- Накинь ещё тысячу. А то я совсем в прогаре буду.

- Договорились. Сейчас за деньгами смотаюсь. Я скоро.

Но помедлил идти.

- Где ж ты живёшь? — спросил у продавца.

- У матери.

- У тебя мать жива? Счастливый...

- Я-то да, а вот она, по-моему, не очень... - грустно улыбнулся бородач.

* * *

Зубов поставил принесенную люстру на стол, снял бумагу, в которую она была завернута, попятился к дивану и сел.

На душе сделалось тепло, вспомнились родители, праздничные застолья с родственниками и друзьями семьи, бабушка - иногда строгая и всегда добрая, жалеющая: «Что ж ты у меня молчун такой?» - гладила она его по голове шершавой ладонью; брат её вспомнился - дядя Егор, любивший выпить и побалагурить; вспомнилась девочка, ненадолго появившаяся в их дворе... Как её звали, он забыл, а образ её запечатлелся каким-то размытым рисунком, в котором ясно различались только ореховые глаза, короткая синяя юбочка и белые гольфы. Обычно воспоминания о ней не приходили, как теперь, в общем строе мыслей, а откуда-то подкрадывались и, неожиданно явившись, исчезали.

Впрочем, случалось это крайне редко. И ещё реже она ему снилась. Хотя, может, снилась и не она. Сюжетов снов Зубов не помнил, но помнил, что рядом с кем-то очень похожим на неё было ему неизъяснимо хорошо, как если бы его любили всей душой...

Удивительный мираж! А девочка в нём - только причуда создающего это

видение мозга. Странно, что она вообще осталась в памяти Зубова. Ведь всего несколько дней провели они вместе в обычных детских играх, пока девочка гостила у кого-то из родственников, живших во втором подъезде.

Мозг иногда бывает изумительно нелогичен. Зубов однажды поразился, обнаружив в памяти номер телефона одноклассника, с которым он даже не дружил, а так... звонил узнать уроки, когда болел. Ну, вот зачем ему надо было держать в голове телефон человека, с которым они давным-давно жили в параллельных мирах?! Да и таких-то номеров - Б-7-32-67 - много лет уже не существовало в Москве! А ещё он почему-то отчётливо помнил лицо продавщицы из молочного магазина, бывшего когда-то на улице Чаплыгина, - туда мама посылала его за сметаной. Полноватое, с припухшими веками, комочками туши на ресницах - обычное лицо усталой женщины средних лет...

Мысли от продавщицы логично перетекли к содержимому холодильника.

Зубов встал, открыл его дверцу. Ничего, пару дней протянет, а там и конец этим непогожим каникулам. Можно будет занять на работе денег у Морозова, да и зарплата скоро...

Он совершенно не жалел, что отдал за люстру все имевшиеся в доме деньги. Наоборот, считал большой удачей её покупку и то ещё, что не успел потратиться в магазине, отчего осталось у него 450 рублей. (Дойди он до магазина - и обязательно купил бы не только саморезы для крепежа новых полок, но и ещё что-нибудь - обычное дело...А полки подождут!).

Очень емугодились эти деньги, потому что произошло вовсе не то, на что он рассчитывал, а то, о чём у него и мыслей не было: уволили его! «Сократили» прямо в первый же рабочий день! Правда, не его одного - весь их отдел, но это мало утешало, к тому же занять у Морозова он теперь не мог. Ну да, им всем обещали выплатить выходное пособие, но не раньше, чем через неделю.

* * *

Каникулы продолжались... Несколько дней Зубов провёл в поисках работы. Звонил по объявлениям, рассылал резюме. Всё впустую. Он понял: дело в возрасте. Притом, что ему даже пятидесяти не исполнилось! К этим годам у человека прочные знания, основательный опыт, но для нанимателей главное, чтобы «машина была с малым пробегом»!

И всё же логика в этой, на первый взгляд, несурразице есть: не выжмешь много сока из того, кто немолод. Российский деловой люд, чтобы не отставать от всего капиталистического мира (не дай бог!) твердо следует этому циничному принципу наживы (небось, тоже не лыком шиты!). Однако известная потогонная система хороша для конвейера и бессмысленна там, где работает мозг, а не мускул. Но всё равно - знай наших! Прискорбно, что в российских условиях такая зараза, как глупость, быстро становится эпидемией... И вот уже хозяин фирмочки по продаже надувных лодок воротит нос от кандидата на должность зав. складом (это не Зубов), только потому, что ему сорок девять с половиной лет, а его сверстник сможет устроиться на работу инженером только по большому благу (это Зубов, но у него нет блага). При этом - замечали? - у нас охотно берут в охранники пенсионеров. Забавными парадоксами полна российская жизнь!

Впрочем, Зубов не считал их забавными.

У дверей офиса он столкнулся с выходящим оттуда Морозовым.

- Нет денег, - сурово объявил тот. - Говорят, дней через десять появятся...

Врут, конечно.

- Конечно, - согласился Зубов. - У тебя как с работой?

Морозов махнул рукой и, подняв воротник, зашагал навстречу поднявшейся метели.

Вечером забежала дочка.

- Пап, я где-то наушники посеяла... О! - остановилась она, увидев висящую люстру, - достал с антресоли?

- Её там давно нет. Просто купил. Такую же...

- Погоди, папка, погоди... Я люстру видела, когда ёлочные игрушки доставала.

Лена взяла стремянку и поднесла её к антресоли. Но не к той (их было две), о которой думал Зубов.

- Вон же она! Сам посмотри!

Не стоит передавать слова, пришедшие на ум Зубову, когда среди всевозможных вещей отложенного спроса увидел он матовый плафон.

А ещё стыдно стало и досадно. Стыдно, что думал о Насте плохо, досадно, что деньги зря потратил. Что ж, вот тебе наказание за пустой навет!

- Как там мать? - спросил он, провожая Лену до метро.

- Да нормально...

- Ну, привет ей передавай.

Лена вскинула на него удивлённые глаза:

- Ты чего, пап?

- Ничего. Просто передай привет и всё.

- Ладно, передам.

Некоторое время Лена шла молча, озадаченная переменой в отношении отца к матери. Потом вдруг прыснула:

- Что ж ты будешь теперь делать с двумя люстрами?

Зубов ответил не сразу:

- Странно, а царапина точь-в-точь... Продам одну назад. Ну, верну тому, у кого купил, - и через паузу добавил: если повезет...

* * *

Ему повезло, но не сразу - так бывает...

- Не, за те же деньги назад не приму, - категорично заявил бородач. - Извини, бизнес!

- А за сколько возьмешь?

- Пару тысяч скину.

- Согласен, куда деваться? В кармане всего пятьдесят рублей...

- А что так?

- Уволили меня, а новой работы найти не могу...

- Хреново... - посочувствовал мужик и, подумав, сдвинул кепку назад, снял варежки. - Ладно, скину только тысячу. Держи деньги.

- Спасибо, выручил.

Зубов отошел от бородача уже на довольно приличное расстояние, когда услышал его голос:

- Эй, мужик, стой!

Зубов вернулся.

- Я вот что вспомнил. Тут одному художнику на даче срочно нужно что-то по строительной части сделать, а гастарбайтеры все разъехались. Хорошие деньги платит... У тебя руки как - из плеч растут?

- Из плеч, - улыбнулся Зубов.

- Сейчас, погоди, наберу ему - он тут на вернисаже стоит. Василич, это Николай. Нашел я тебе строителя. Не тебе? Знакомым? Ну, какая разница! Диктуй номер. - Зубов достал мобильник и начал записывать. - Спросить

Ольгу Юрьевну. Сказать от Рябцева Василия Васильевича. Это ты, что ль? Ну, лады, с тебя чекушка!

- А с меня литр, - сказал Зубов.

- Не, мил человек, мне и чекушки нельзя - запойный я, оттого все мои беды...

Этим же вечером Зубов позвонил Ольге Юрьевне, художнице. Выяснилось, что у неё на даче мастерская, куда она часто приезжает работать из Москвы, но от расположенной рядом террасы очень дует и её требуется утеплить. Стройматериал закупили с мужем ещё осенью, а до большего руки не дошли, теперь вот спохватились... В общем, всё как всегда... Поговорили об оплате, которая Зубова полностью устроила.

- Не забудьте взять с собой продукты, - сказала напоследок Ольга Юрьевна. - В доме есть только чай, кофе и сахар. Я там не живу и ночую крайне редко. Приезжайте завтра.

* * *

День выдался солнечный, морозный и совершенно безветренный. Зубов сошел с электрички. Вроде бы от Москвы недалеко, а вокруг чистое поле. Как только поезд исчез в расщелине леса, наступило безмолвие. Такая тишина стоит, наверно, на Луне. Только небосвод там не выстилает синева, а твердь не покрыта океаном снега. Куда идти? Хозяйка сказала, что от платформы дорога проложена прямо до поселка. Зубов увидел её по длинной тени, вмятой в снег. За мыском берёзовой рощи появились дачи, а там дорога перетекла как раз в нужную улицу. Забор был по старинке сделан из штакетин, поэтому за ним открывались глазу заснеженные ели, деревья, кусты и тропинка к одноэтажному дому, широко раскинувшемуся посреди участка.

Зубов нажал на звонок, прикреплённый к калитке. На крыльце появилась женщина в дублёнке. Улыбаясь, она подошла к Зубову... Блондинка, потому что из-под капюшона спускалась по щеке светлая прядка, средних лет, даже моложе, потому что на лице ни единой морщинки, персиковая кожа, гладкий лоб... Только, показалось Зубову, глаза старше, чем должны бы быть — глубокие, почти без блеска...

Впрочем, происходило так, скорее, потому, что были они густого карего цвета, и в этом их медовом сумраке тонуло всё внешнее - и взгляд, и свет...

Холёная, красивая женщина.

«Такие не знают нужды, - подумал Зубов. - И мы для них, как с другой

планеты... А вчера по телефону говорила приветливо и сейчас вот стоит - улыбается».

- Здравствуйте! - сказала она, протягивая руку, - Как доехали, Сергей... Вениаминович?

«Надо же, не исковеркала...»

- Да не мучайтесь вы с моим отчеством. Просто Сергей.

- Ну, а я тогда просто Ольга.

«Нет, хорошая баба! Что это я, в самом деле? И потом: не детей же мне с ней крестить!»

Ольга Юрьевна показала Зубову дом, комнату, где он будет спать, террасу с наваленными на пол вагонкой и утеплителем.

А потом за столиком в мастерской они пили чай. С баранками и вареньем. Было вкусно, а главное, Зубов не испытывал обычного напряжения, которое возникало у него при необходимости поддерживать светскую беседу. Хозяйка, быстро поняв, что он не словоохотлив, говорила одна, деликатно делая паузы, чтобы Зубов мог кивать или качать головой.

Вскоре Ольга Юрьевна засобиралась в Москву.

- Вечером к вам, вероятно, придет Михалыч, - сказала она на прощание. - Он - сосед, присматривает за домом, когда никого нет. Милейший человек, но любит выпить и посплетничать. Хотя, как посплетничать? Всё, о чем он рассказывает, - это обычная нелцеприятная правда...

* * *

Ольга Юрьевна уехала на тёмно-вишнёвой Мазде, стоявшей в гараже, а Зубов отправился на террасу. Его предчувствие относительно неудовлетворительного состояния вагонки подтвердилось: брошенные на пол кое-как, а не сложенные в штабель доски повело и искривило. Работать с такой вагонкой одно мучение. Дело же заключалось ещё и в том, что утепление стен имело смысл лишь в том случае, если на так называемой террасе (которая, на деле, не являлась пристройкой к дому, а была его угловым помещением) стояли бы не деревянные огромные окна с давно рассохшимися рамами, а современные, пластиковые. Причем их нужно заменить прежде, чем приступать к утеплению.

«Позвоню вечером хозяйке, что скажет?»

Так неожиданно выдалось у Зубова свободное время. Он ещё раз про-

шёлся по дому. В нём было комфортно - газовое отопление, горячая вода из крана, уютные комнаты и кухня. Мастерскую Зубов оставил напоследок.

Широкие окна (кстати, пластиковые) давали много света, и всё внутри было залито оранжевым зимним закатом. Эта краска чудесно добавляла летнего тепла картинам, а на них и так было лето. Необрамлённые пейзажи стояли вдоль стен и солнечно сияли. Зубов, изумленный, замер. Никогда в повседневности не встречал он изображённого на картинах, но не потому, что было оно плодом фантазии художницы, а потому, наверно, что открывалось не каждому взгляду. В самом деле, откуда это поле с высокой травой, сквозь которую виднеется деревушка? А колодец в тени разросшейся липы и золотых шаров? А вон та церковка, сереющая после дождя, или ваза с сиренью на белой скатерти? Разве они не из нашего мира? Удивительно, но до сегодняшнего дня Зубов их никогда не видел.

Он был далёк от живописи. Хотя в детстве ему нравилось рисовать. Зубов даже посещал в кружок во Дворце пионеров. Больше всего он любил изображать людей. Но занятия эти длились недолго. Художник Астахов, руководивший кружком, со вздохом спросил, оценивая очередной, смело нарисованный Зубовым портрет:

- Может, тебе, Серёжа, лучше в судомодельный походить?

Зубов и сам понимал, что ничего у него не получается. Но в судомодельный не пошел, выбрал «Умелые руки».

Помнится, Астахов, помимо рисования, учил своих подопечных ещё разбираться в живописи. «Это просто и доступно всем. Если вы смотрите на картину и не можете отвести от неё взгляд, она вас завораживает, - значит перед вами творение истинного художника».

Чтобы убедиться в этом, Зубов пошел в библиотеку и в читальном зале взял несколько художественных альбомов. Однако, листая репродукции картин Васнецова и Шишкина, ничего из того, о чем говорил Астахов, не испытал (очаруешься тут, если «Богатыри» и «Алёнушка» смотрят на тебя со всех стен, а «Мишки косолапые» - ещё и с конфетных оберток!). Когда же дело дошло до художника Кандинского, Серёжа Зубов окончательно решил, что метод Астахова не работает.

И вот теперь Зубов испытал именно то, о чём давным-давно говорил учитель. Получалось, что Астахов все-таки прав, а Ольга Юрьевна - мастер!

С невольным волнением Зубов позвонил художнице.

- Я вас поняла, - сказала Ольга Юрьевна и назвала ближайший к по-

селку городок, в котором по интернету можно заказать замену окон. - Вам несложно будет сделать это?

- Несложно. Вы когда приедете?

- В субботу, если окна не установят раньше.

В девятом часу вечера прозвучал звонок. Зубов не сразу сообразил, что это звонят в калитку.

* * *

Долговязый Михалыч, одетый в пальто с цигейковым воротником, ушанку и валенки, всё равно мёрз, поскольку постукивал ногой о ногу и поёживался, втягивая руки в рукава.

Неудивительно: к ночи мороз усилился, в чём Зубов немедленно убедился, выйдя навстречу визитеру.

- Проходите, дома поговорим, - прервал он Михалыча на фразе «Вот, смотрю, окна горят...»

Михалыч принес бутылку «Журавлей», ну а закусывали съестными припасами Зубова - всё по справедливости.

Широкое лицо, внимательные голубые глаза, мягкий голос, спокойные жесты - облик и манеры Михалыча располагающе действовали на собеседника. Вскоре они с Зубовым были уже на «ты».

- А Ольга-то, бывает, что и пропустит со мной рюмочку... Хотя она, вон, заслуженный художник, а я кто? Простой пенсионер... Душевная женщина... Не то, что Нинка. Живет тут одна через участок... Злыдня! И полкан её такой же, особенно, когда выпьет.

- У неё что, пёс выпивает?

- Нет, - заулыбался Михалыч, - муж! Отставной полковник... А так - все тут хорошие люди. Дом этот Юрьевна у Мамлюковых купила. Так вот те были не очень... Скандальные. Мы все вздохнули, когда они куда-то на ПМЖ отчалили. - Михалыч ухмыльнулся. - Получил же кто-то подарок из России... Друг ещё у меня тут был, Витька, с детства водились... Рехнулся на старости лет...

- В самом деле?

- Сначала овдовел, потом на молодой женился, а Галина быстро всем распорядилась. Главное, дачу продала. Вот как это? А он, Витька, из-за неё на детей своих чуть не с кулаками! Что, не рехнулся, скажешь?

- А чёрт их, пенсов, разберёт, - брякнул Зубов и спохватился: «Да я, кажется, хорош...»

Михалыч, очевидно, не расслышав обидных для пенсионера слов, продолжал:

- Знаешь, как говорят, у каждого есть своя половинка. Витька и с первой-то женой, царство ей небесное, не очень ладил, а эта, теперешняя, и подавно половинка от другого человека.

- Только Витька твой так не думает. Он как раз уверен, что Галина - прямо подарок судьбы! Если он, конечно, вообще о чём-нибудь таком думает...

«А я, оказывается, спьяну говорлив» - отметил Зубов.

- Запутано все... Вон Ольга - красивая, добрая, богатая, а Владлен не ценит своего счастья. Обижает её. Я про мужа. Владлен... Имя-то какое... С вывертом...

- «Владимир Ленин» сокращённо.

- Да? А я не знал... Всё равно дрянь-человек. Тоже художник. Только наша-то заслуженная, выставки у неё, а он всё больше пьянствует. Непризнанный гений. А вот сынок их, Генка, - в мать. Всегда улыбнётся, всегда поможет... Хороший парень. Теперь редко когда приезжает: после военного училища служит где-то у чёрта на рогах.

- Странно: родители художники, а его в армию занесло.

- Ольга - генеральская дочка, вот он дедову линию и продолжил.

- Знаешь, если она этого Владлена терпит, значит любит. Снелюбимыми не живут, это я по собственному опыту знаю, - всё более хмелея, изрёк Зубов.

- Очень даже живут. Сплошь и рядом. Можно сказать, вообще все, за редким исключением, живут.

- Это ты по собственному опыту...

- Ну, положим, сам я не женат. И не был никогда. Мне эта байда ни к чему. А ты оглянись вокруг...

Поймав себя на желании оглянуться, Зубов понял, что пора вдохнуть свежего воздуха, заодно и Михалыча проводить.

- Небо-то какое! - восхитился Зубов, когда они вышли на крыльцо. - Я такого сто лет не видел!

В сущности, это было не небо, а космос - собственной персоной, без всяких там атмосферных прикрас. Он смотрел на землю в упор, чёрно, дыша светом звёзд и совершенно безразлично, позволяя всякому любоваться своим прекрасным ликом.

- Небо как небо. Вы там, в городе совсем одичали, отвыкли от природы! Ты бы застегнулся...

- Ничего, мне и так жарко...

- Ладно, не провожай, я сам дойду!

Зубов ещё долго стоял на крыльце и всё не мог отвести взгляд от этой мерцающей необъятной бездны.

Наконец, он почувствовал, что озяб, и тут же дрожь накинута на него и заиграла зубным перестуком. Ноги сами внесли его в дом. Спешно отыскав свитер, он натянул его и, укутавшись одеялом, плюхнулся в кресло.

* * *

Так и уснул он, свесив голову на грудь, отчего утром болела шея. Ну, а вообще - чувствовал он себя вполне здоровым, только пить все время хотелось. Тоже ясно, отчего...

В полдень приехал замерщик окон. Много времени его работа не заняла, и вскоре Зубов остался один. После обеда пошёл в свою комнату — ещё вчера он заметил там книжную полку. На ней обнаружилось несколько альбомов по искусству (в их числе, между прочим, был и альбом Кандинского, который оказался тем самым — знакомым Зубову по школьной читальне - изданием), но в основном её заполняли детские книги: «Робинзон Крузо», «Таинственный остров», «Последний из могикан»... Хорошие книги читал в своё время сын Ольги Юрьевны.

И вдруг Зубов увидел на корешке одной из них: «Лёлишна из третьего подъезда»... Вот так встреча! Старый друг пожаловал из самого детства! И сразу спросил: а помнишь?

Лето на даче у бабушки, веранда, керосиновая лампа (электричество всё время отключали), чтение вслух с двоюродной сестрой повести, озорной и доброй, которую сочинил писатель Давыдычев, - всё это, конечно же, хранилось в памяти Зубова, но, подобно вещам с антресоли, как невостребованный материал.

Что ж, всему своё время!

Зубов прилег на кровать. Низкое солнце заглядывало с голубого неба прямо в книжку, однако свет его не резал глаза, а был мягким и будто бы даже грел. И навеивал сон.

Поначалу мальчик из повести - Петька - все плевал и плевал с балкона в

одно и то же место, чтобы вырос там гриб, и он вдруг вырос - большой белый гриб, потом промелькнула девочка с ореховыми глазами и как бы унесла лето из сна, а Зубов очутился в сумерках под напором вьюги. Очень холодно, он шагает куда-то по снежному насту, в душе тревога, которая разрастается в предчувствие беды и будит его.

С первой минуты пробуждения Зубов осознал, что болен. Знобило, было трудно глотать. Он собрался с силами, расстелил кровать, позвонил Михалычу:

- Я заболел, принеси, пожалуйста, каких-нибудь таблеток.

И укрывшись одеялом с головой.

Проваливаясь в забытие, успел подумать: «Дверь, кажется, не заперта».

* * *

Несколько дней прошли, как в тумане.

Нет, Зубов, конечно, не был абсолютно беспомощен и при необходимости вставал с постели, но, возвращаясь, испытывал необычайную слабость, а головокружение уносило в какой-то странный мир, пространство которого занимали неподвижные геометрические тела разнообразных цветов, известных и неизвестных Зубову форм (он не сразу, но догадался, что они пожаловали сюда из альбома Кандинского). Мир этот был неживой - там ничего не происходило, во всяком случае, только мёртвые параллелепипеды, да шары оставались в памяти Зубова по возвращению его в реальность.

В реальности же Зубов сначала встречал Михалыча, потом появилась хозяйка. Ольга Юрьевна поила его бульоном, приносила клюквенный морс. Он ещё подумал: наняла, называется, работница, теперь вот возись с ним!

- Извините, - негромко сказал он. - Простудился вот...

- Да уж вижу, - улыбнулась она.

- Я обязательно всё сделаю.

- Конечно, вылечу вас и сделаете. Вчера, между прочим, новые окна поставили.

- Да? А я не слышал...

- Вы же почти всё время спите. Это замечательно! Спите и дальше, тем более что уже поздний вечер.

Эту ночь Зубов проспал без сновидений: закрыл глаза, а открыл - уже

утро... или день: когда за окном серо - этого не разобрать. Сквозь тишину вдруг проступили приглушенные голоса: женский и мужской. В них чувствовалась нервозность. Ольга Юрьевна и кто-то ещё вели неприятный для обоих разговор. Вскоре стали различимы произносимые слова.

- Ольга! Я с таким трудом вырвался за тобой, а ты мне заявляешь, что не можешь ехать. И из-за чего?! Из-за того, что ухаживаешь за каким-то практически незнакомым тебе человеком! Ты в своём уме? Зачем ты его вообще у себя оставила? Вызвала бы скорую, отправила б его в больницу...

- Тебе не кажется, что это как-то не по-людски?

- Нет, не кажется. Любо́й нормальный человек так и поступил бы!

- Значит, я ненормальная. Что дальше?

- Ну, хоть одну ночь он может переночевать без сиделки?

- Не может...

Зубов вскочил и, накинув одеяло, бросился из комнаты, чтобы остановить ссору Ольги Юрьевны с мужем. Он готов был выкрикнуть: «Могу! Я, если надо, вообще могу уехать!» Но, не успев добежать до конца коридора, услышал, как мужчина раздражённо бросил: «Ты, в самом деле, ненормальная!» - и хлопнул дверью.

Зубов на секунду остановился, а потом решительно вошёл в комнату.

- Ольга, вы напрасно поссорились с мужем. Я сейчас же уеду. Верните его.

Ольга Юрьевна стояла к Зубову спиной, у окна. Повернувшись, она странно посмотрела: ни взволнованности, ни обиды или досады Зубов в её глазах не увидел, а вот спокойную усмешку заметил.

- Это не муж. Это любовник, - сказала она. - А с мужем мы развелись. Вас Михалыч не просветил?

Зубов растерянно помотал головой.

- Сдаёт старик, раз не в курсе... Как вы себя чувствуете?

Зубов кивнул.

- И, пожалуйста, не вините себя ни в чем! Мне ужасно не хотелось ехать на юбилей делового партнера Бориса. Очередной слёт важных птиц бизнеса. А мне-то там что делать? В общем, вы меня спасли.

От её признания лицо Зубова на секунду омрачилось, и это Ольга Юрьевна успела заметить:

- Конечно же, я осталась ещё и потому, что вы болеете!

«С чего она решила, что для меня это так важно? Вот ещё! - подумал

Зубов. Потом поправился: «Конечно, я ценю её отношение, но... Стоп! Что за проблемы на ровном месте! Не поехала - и не поехала...»

- Завтра начну, - сказал он. - Все бока уже отлежал! И... за заботу спасибо!

* * *

Разумеется, всё к этому и шло... Да и кто на месте Зубова не влюбился бы в прекрасную хозяйку?!

Хотя, именно Зубов, вполне возможно, и не влюбился бы: жизненная ситуация, в которой он находился, совершенно к тому не располагала. А, с другой стороны, любовь - слишком своеобразное чувство, чтобы считаться с какими бы то ни было обстоятельствами.

И вот - случилось!

Конечно, не сразу. Поначалу возникла неспешная, уютная жизнь - такую можно видеть на полотнах старых мастеров: в освещённой солнцем комнате женщина в белом чепце склоняется над рукоделием, а художник у окна пишет её портрет.

Естественно, эта аналогия очень условна хотя бы потому, что место перед мольбертом занимала Ольга, а полезным домашним делом занимался Зубов. И, тем не менее, можно было утверждать, что в их Пространстве Время попало в русло безмятежно-мирной жизни, отчего повседневность стала походить на идиллию.

Правда, вряд ли кто-то из них давал себе в этом отчёт. Они просто жили.

- Сергей! - звала Ольга. - Перерыв! Иди чай пить! (Они были уже на «ты».)

Зубов переставал стучать молотком, входил в мастерскую.

- Или тебе кофе?

- Чай, - коротко говорил он и садился за столик.

Они мало разговаривали, но это никого из них не тяготило. Считается, если люди вместе молчат - им неинтересно друг с другом. А ещё это - дурной тон. Потому-то от паузы, повисшей за общим столом, всем становится неловко, но когда смотришь на пламя в камине или на чудесный пейзаж, свежо пахнущий красками, когда тебе тепло от чашки с чаем и от того, что рядом твоя половинка, - стоит ли говорить?

Половинка? Да, с некоторых пор Зубову так стало казаться... Он думал, что совсем спятил, но ничего не мог с собой поделать.

Всё в Ольге нравилось ему. И как волосы собирает на затылке, держа во

рту резинку, и как в окно смотрит, пропадая где-то тёмным взглядом, и как с задоринкой улыбается Михальчу...

Зубову она тоже улыбалась, и по душе тогда разбегались солнечные зайчики. Легко с ней! Интересно, легко только ему или вообще всем? Лучше, чтобы только ему: это значило б, что он - её человек... Да... Совсем спятил и поглупел... Её человек... Зачем он ей нужен? Кто она и кто Зубов?! Конченный неудачник, именно конченный! Вряд ли что-то можно изменить в его возрасте. Кстати, вот и ещё одно выплыло: Зубов немолод. Правда, Ольга заметила как-то, будто они сверстники.

- Не может быть! - изумился Зубов.

- Милый Сережа, в наше время любая женщина может в той или иной степени продлить себе молодость. Всё зависит от объема инвестиций в проект. Ты, конечно же, слышал о косметических операциях?

И они подумали об одном и том же.

- Заметил? - усмехнулась Ольга. - С глазами ничего поделаться нельзя. Они предатели.

То, что Ольга и он - ровесники, Зубов воспринял на самом деле вскользь: может так, а может, и нет - какая разница...

Главное заключалось вдругом - в той надежде, маленькой и дерзкой, что объявляется там, где её не должно быть, и заводит свой искусительный шепоток. Отвязаться от неё невозможно. Это она коварно толкнула Зубова на безрассудный, немотивированный поступок.

Хотя, почему «немотивированный»?

В то утро Ольга появилась в белом мягком свитере, с такой же белой лентой в волосах - этот цвет подчеркивает женственность, а Ольга была стройная, большегрудая... К тому же бросалось в глаза, что она в прекрасном настроении. Какой-то весенний дух витал над ней, расточая свежесть и сиянье, и будто бы светлый оттепельный день отражался на её лице.

«Ну не убьёт же она меня такая», - мотивированно решил Зубов.

- Долго же ты собирался, - сказала она потом, когда Зубов освободил её от объятий.

А поначалу своим поцелуем он попал в её смеющийся рот - она засмеялась сразу, как только он к ней подошёл. Ольга его не оттолкнула и даже губы потом сомкнула, и даже вроде бы ответила на поцелуй, но всё равно это было чёрт знает что! Зубов ничего не понимал и уронил руки.

Далее стало и вовсе непонятно: Ольга села за мольберт, озорно оглянулась на Зубова и начала работать.

Совершенно сбивый с толку, он отправился к своим вагонке и гвоздям, благо осталось ему оббить совсем небольшой участок стены. Сказать по правде, он и раньше мог всё завершить, да нарочно тянул время. А теперь решил — хватит!

Через пару часов труд его был закончен.

Как раз тогда Ольга, по обыкновению, позвала пить чай:

- Сергей! Перерыв!

- А всё, хозяйка, - сказал Зубов, входя в мастерскую. - Некогда чаевничать. Иди, принимай работу!

У Ольги сделалось растерянное лицо, оно у неё словно погасло.

- Как «всё»?

- Смотри сама.

Ольга шагнула в сторону террасы, но остановилась и со словами «я сейчас» вышла в другую дверь.

Вскоре она появилась, держа конверт, и Зубов с досадой заметил, что этого короткого времени хватило, чтобы серая тень исчезла с её лица.

- Держи, как и договаривались, - лучезарно улыбнулась она. - И еще, Серёж... В моей комнате письменный стол давно просится, чтобы его починили. Может, удержишься?

Зубов взял конверт.

- Я за стол заплачу, - поспешила сказать Ольга.

- Да не надо ничего... Пойдём, посмотрим.

Стол, и в самом деле, нуждался в ремонте: ящики в обеих тумбах лежали друг на друге, потому что их направляющие были сломаны.

- Ну, это времени много не займёт.

- А ещё нужно проводку в коридоре поменять. Сможешь?

Она посмотрела с наигранной, но очень милой мольбой и до Зубова, наконец-то, дошло, что Ольга просто не хочет его отпускать. А она, не дожидаясь ответа, стала вытаскивать из стола набитые всякой всячиной ящики.

Выпал и раскрылся альбом со старыми фотографиями. С его разворота взглянули на Зубова женщина в жемчужном ожерелье, военный с кавалерийскими эмблемами на петлицах, худой старик в пиджаке и белой рубашке, застегнутой на все пуговицы, и - Зубова бросило в жар! - он сам рядом с девочкой с ореховыми глазами!

Наверно, он так оглушительно затих, что Ольга подняла глаза. Увидев его прикованный к фотографиям взгляд, она стала объяснять:

- Это альбом моей тётки. Я тут не всех людей знаю. Вот этого, например, военного или женщину... А этот старичок — её отец, мой дед, но я его в живых не застала...

- А это?

- А это я. Меня тогда родители на пару дней к тёте Гале привезли, они куда-то уезжали, и меня не с кем было оставить. Не помню уж, кто сделал этот снимок во дворе её дома. Она в Лялином переулке жила.

- А это кто?

- Моя первая любовь, - улыбнулась Ольга. - Разумеется, детская... Но какая-то очень странная. Всего-то два дня знакомы были, а я помню этого мальчика до сих пор... Он мне иногда сни...

Она вдруг осеклась, лицо у неё сделалось серьёзным, а тёмно-карие глаза потускнели и - совсем без блеска — стали бархатными, как упавшие в воду вишни.

Ольга растеряно провела рукою по щеке... и тут совсем близко, из-за двери раздался голос:

- Хозяюшка! Что это у тебя все двери нараспашку?!

Это приехал Борис. Но Зубов его так и не увидел: Ольга поспешила из комнаты ему навстречу.

Ошеломлённый, Зубов никак не мог собраться с мыслями. Наконец, появилась первая из них: в детстве глаза у неё были намного светлей... Затем он подумал: я вообще не помню, чтобы нас кто-то фотографировал! Следующая мысль была о том, что сейчас надо заняться ремонтом стола, а потом, когда Борис уедет, объясниться с Ольгой. Она, конечно, корит себя за излишнюю откровенность с ним, но если б она знала, что рассказывает о том, что он ей снится, ему самому! А ведь и она ему снилась... Почему? Они и в самом деле половинки?

Приятный холодок поднялся к горлу, и тело сделалось ощутимо лёгким - видимо, так обозначило свой приход счастье. Оно не взорвалось, не вспыхнуло, именно пришло, но, тем не менее, Зубов некоторое время был, как контуженный. Оглохший, с пустой головой, он автоматическими движениями выкручивал из внутренностей стола шурупы, державшие остатки направляющих.

Потом Зубов обрёл слух.

- Конечно, Боренька, конечно... - услышал он вдруг голос Ольги, в котором была мягкость...

Осознание того, что мягкость эта предназначена не ему, Зубову, отозвалось в нем тревогой, которая как бы извещала о чём-то плохом. И точно - следом нахлынула горькая, простая правда, приземлившая и душу его, и его самого.

Он сел на пол, отложил отвертку, криво усмехнулся.

«Ну да, они же до того повздорили, теперь мирятся... А я-то... Напридумывал себе всякой ерунды! Половинки... Тебе же сказано было: у неё любовник, значит, между ними всё серьёзно. А тут какая-то детская любовь... Ага, прямо сейчас она Бориса этого бросит и кинется тебе в объятия! Так не бывает... Взрослый ты, Зубов, человек, а глуп, как дитя!»

Надо было уезжать.

Он окинул взглядом ящики, вынутые из стола. Чтобы сделать для них новые направляющие, следовало пройти на террасу, а значит и через комнату, в которой хозяйка принимала гостя. А чтобы уехать домой - стоило только выйти через коридор в другую дверь.

«Что ж, придётся кому-то другому ремонтировать стол, - решил Зубов. - Уж не обессудь, Ольга Юрьевна!»

* * *

Весь путь до дома - и в электричке, и в метро, и пока шёл по улице - Зубов пытался успокоить душу. Стемнело, зажглись фонари, и растекшиеся по воздуху розоватые лужи словно бы затекли и ему вовнутрь, отчего снова стало плохо, мутно. Получалось, что найденная им спасительная формулировка - а ничего особенного не случилось! - никуда не годится.

Случилось! Ещё как случилось!

От отчаяния Зубов попытался прибегнуть к другой, противоположной, по сути, формуле: всё, что произошло, - замечательно! Именно так! Ему выпало прожить, пусть и недолго, в счастье - неведомом доселе состоянии, он встретил девочку с ореховыми глазами, которую любил, оказывается, всегда. Многим ли дано встретить свою половинку? Правда, сама она, как говорил Михалыч, половинка совсем другого человека...

«И значит... - Зубов помрачнел. - Это значит, что тосковать мне теперь по ней всю жизнь!»

Он вошёл в квартиру, зажёг в коридоре свет, который упал на кусочек комнаты, где стоял стол. На нем серебристо и хрустально поблескивала в полумраке люстра, которую Зубов так и не повесил перед отъездом.

«С неё-то всё и началось», - подумал он и, не раздеваясь, сел на диван. Посидев, решил: «Отправлю-ка я её обратно на антресоль, чтоб не напонила...»

Он снимал пальто, когда в кармане зазвонил мобильный телефон.

- Да, - не глядя на дисплей, поднес он к уху трубку.

- Серёжа, - сказала Ольга, - почему ты уехал?

Он молчал, приходя в себя.

- Чтобы вам не мешать...

- Ты не мог помешать... Мне Борис замуж предлагал...

- Поздравляю!

- А я ему ответила, что он, конечно, очень хороший, но я встретила свою первую любовь... Серёжа, ты до сих пор живёшь в Лялином переулке?

Зубов не верил своим ушам. Он вообще не верил, что находится в реальности.

- Почему ты молчишь? - тревожился её голос в трубке.

- Нет, - наконец, вымолвил Зубов, - не в Лялином...

- Тогда называй адрес, я к тебе завтра приеду.

* * *

Именно этой ночью ему приснился сон.

Он - снова в том странном мире, в котором побывал во время болезни. Застывшие разноцветные фигуры, безмолвие...

Вдруг возникла музыка. Невыразимо красивую, её вели за собой звуки виртуозной скрипки - и шары, конусы, параллелепипеды ожили! Они сливались в одно многоцветие, потом разлетались, как осколки от взрыва, кружились в хороводе, как планеты, меняли расцветку, вспыхивали и гасли, как Солнца...

Тайна открылась Зубову сама: это был не мёртвый мир геометрических тел, а целая Вселенная - Вселенная Цвета и Формы!

И это было замечательно!

Трудное счастье Чагина

1

Накануне Николай Михайлович Чагин напился.

Приехал на дачу, поставил автомобиль в гараж, посмотрел на тихий осенний закат - и так ему захотелось выпить, что, не снимая плаща, прошёл он в дом и достал бутылку Хеннеси.

Николай сидел на качелях и потягивал коньяк, любуясь небом. В первом были шоколадные нотки, второе было, как на лаковой шкатулке. Хотя, конечно, это у закатного неба взяли мастера его светящиеся краски.

Прилетел белогрудый дятел в красных штанах, сел на сливу, застучал клювом. Чагин знал - подсмотрел раньше - тот закладывает в расщелину на стволе орех с соседнего орешника и раскалывает его.

Покой плотно, как туман, укрывал душу, пока что-то не толкнулось внутри и туман не качнулся, не поплыл, рассеиваясь...

Это пришли мысли об Агате.

Потом вспомнился Гольба - его начальник...

А ещё вчера звонил хозяин дачи.

А перед этим приходил участковый - искал террористов и почему-то с большим подозрением всматривался в его кареглазое и вполне русское лицо.

Хозяин дачи - Феликс Янович Шефер - объявил, что повышает арендную плату и виноват в этом сам Чагин, который не сообразил представиться полицейскому племянником хозяина, а сказал, как есть, и теперь ему, Феликсу Яновичу, придётся платить налог и лучше бы он с Чагиным вообще не связывался.

«Зачем я уступил Агате?! - думал Николай. - «Давай жить на природе, надоел мне город!» Ну, давай... И что теперь?»

Агата ушла от него после ссоры. А ссорились они всегда, как только Агата уставала ждать наступления светлого будущего. В такие периоды она становилась Фурией, Мегерой и тому подобными олицетворениями женской стервозности.

В остальное же время это, между прочим, красивое существо бывало даже милым.

Родилась она зеленоглазой, почему, собственно, и нарекли её родители Агатой, однако с возрастом цвет глаз радикально изменился. Знаете, есть

такие брюнетки с прозрачно-серыми глазами? Вот такой и стала Агата. Красиво, но не так ярко. Хотя, по сути, эти глаза - хамелеоны: они то голубеют, то темнеют, а у Агаты, когда она злилась, в них появлялся ещё и фиолетовый оттенок.

Впрочем, об этом Агата ничего не знала и досадовала на природу, отнявшую дарованную ей при рождении яркую особенность.

А яркое привлекало её всегда. Оттого и уехала она сразу после школы из своего провинциального городишки покорять Москву.

В сущности, история её не отличается оригинальностью, да и в нашем рассказе почти нет ничего необыкновенного.

Столица ей не покорилась, как не покоряется она девянота девяти из ста завоевателей. Пришлось осесть в подмосковном городке, не слишком, правда, отличавшемся от её родного, но отсюда было всё-таки проще совершать набег на не сдавшуюся столицу.

Поскольку Агата не обладала такими богатствами, как образование или талант, оставалось ей, подобно слаборазвитой стране, рассчитывать только на природные ресурсы, так сказать, на богатства недр. Это, однако, ни в коем случае не предполагало стояние на Ленинградке или что-либо в том же роде. Нет, Агата была девушкой честной.

Несколько раз судьба сводила её с весьма состоятельными мужчинами - тогда расцветала надежда на удачу, но ненадолго, потому что ни один из них даже не подумал уйти от своей жены.

Наивной была Агата. Сериалов не смотрела, иначе знала бы, что все они, эти солидные мужики, - лишь большие любители утех...

Впрочем, опять же сериалы, особенно те, которые показывают по выходным дням на федеральных каналах (обратите внимание, сплошь по «женским» сценариям), учат, что бедная, но порядочная девушка после череды неудач всегда заполучает своего «принца на белом коне».

Вот и Агата, в конце концов, получила. Хоть ещё и не принца, но мужчину с перспективой.

Про Чагина, действительно, можно было сказать, что он молодой человек с перспективой.

Ну, как молодой? Лет уж десять прошло после окончания им вуза. Некоторые за это время больших высот достигают, но тут уж ничего не поделаешь, если родился не в семье олигарха или большого начальника.

Работал Николай в администрации того подмосковного городка, на улице которого они однажды встретились с Агатой. Вскоре Агата согласилась переехать из своей съёмной квартиры в его двушку - скромную, но собственную.

Пост в администрации он занимал невысокий, однако её руководитель - Голыба обещал Николаю серьёзное повышение - чуть ли не на несколько ступеней сразу.

Чагин старательно выполнял поручения Голыбы, даже когда это было сопряжено с нарушением закона, но тот всё чего-то тянул с назначением Николая на новую должность.

То, что Голыба - сволочь, было ясно ему с самого начала.

- Но нельзя же быть сволочью до такой степени!

На самом же деле Чагин понимал, что можно. Поскольку к порядочным людям большие деньги не идут, обходят их стороной. Весь его приобретённый за время работы в администрации опыт говорил именно об этом: основная масса денег находится в обороте у специфической группы людей.

Судя по тому, что средств Николаю достало лишь на покупку автомобиля KIA Рио и сезонную аренду одноэтажного двухкомнатного домика на шести сотках, он не слишком удалился от категории порядочных людей, точнее до настоящей сволочи ему предстоял ещё длинный путь. Но!.. Он был готов этот путь пройти.

Открыто никто себе в таком не признаётся. Однако знание всей правды о себе живёт в каждом человеке, но хоронится, как вор. Иногда лишь этот вор обнаруживается, заглядывая в душу. Люди в такие минуты чаще всего ужасаются, потом начинают гнать его, не давая украсть из души покоя, и тот опять ныряет в своё подполье.

Чагин никого не гнал, голая правда о себе давно уж не таилась от него, а изумление от её вида давно улеглось.

Не утихало только возмущение Голыбой.

- У него и рожа наглая! Большая, красная... А когда Агата ко мне на работу заходит, прямо весь лоснится и глазки масляные чуть не плачут... Постой, постой... Уж не к нему ли она ушла?! Ну да, у него и деньги, и власть, а она же устала ждать лучшей доли! Вполне могла... Глупо обольщаться на её счет! Хотя... Я сегодня заезжал в квартиру, вроде она там живёт... Но почему тогда не застал? Где она пропала?

В голове у него закружилась куча мыслей, а когда они разом куда-то сгнули, словно сама круговерть засосала их, как омут, Николай обнаружил, что бредёт по березовой аллее, которая отделяла дачный посёлок от заброшенного совхозного поля.

Стемнело, и зажглись фонари, но и в полумраке можно было различить тускло-жёлтые дорожки из опавшей листвы, которые тянулись по обеим сторонам аллеи и на которых горели от фонаря к фонарю медно-рыжие пятна.

Николай сообразил, что шатается с бутылкой коньяка по посёлку. Пряча её в плащ, направился в сторону дачи.

2

Утро вернуло его из сна без сновидений в дом.

Тихо, светло.

Голова не болела, но была какая-то недоумённая: оттого, что не помнил, как добрался до постели, что увидел себя лежавшим поверх одеяла, в одежде, правда, без плаща, что на тумбочке сидел вчерашний дятел. Недоумение, к которому не подкрались ещё ни страх, ни паника, сопровождалось мыслью: почему господь посылает всем белку, а мне дятла?

Но потом уж он испугался.

- Выходит, я алкоголик?! — прошептал Чагин.

- Успокойся, ты не алкаш, - ответила птица мужским, с хрипотцой голосом.

Именно с хрипотцой, а не с клёкотом, который, как полагал Николай, должен присутствовать по примеру попугаев в голосах всех говорящих птиц.

Впрочем, он никогда не думал, что дятлы относятся к этой категории. А они, оказывается, относились и были ещё и думающими!

- Ты, Коля, вообще не дрейфь, не пропадёшь со мной!

Чагин тарашил на птицу глаза и никак не решался произнести хоть слово. Ведь заговорить с дятлом - значило признаться себе в сумасшествии...

Тем не менее, говорящий и думающий дятел был совершенной явью.

Явью, только какой? Которую преподносило ему сбежавшее от здравомыслия воображение?

- Но почему так?! - возмутился он злой своей участью.

- Как почему? Не ты, что ли, вчера на судьбу жаловался? Всё у тебя

хреново. Агата - стерва, Гольба - сволочь, Шефер - сквальга... Меня вот и послали - наладить, так сказать, твою жизнь.

- Кто послал? - порывисто спросил Чагин, вступая-таки в разговор с птицей.

- Кто-кто... Послан из высших сфер...

Дятел указал на них, как мог: наклонив голову и приподняв через сторону клюв.

Чагин застонал и накрыл голову подушкой. Думая, что тишина всё растворяет, он замер, но, открывшись через пару минут, снова увидел дятла, который к тому же... улыбался!

Ни одно живое существо, кроме человека, не может улыбаться, а этот...

Он, действительно, улыбался, округляя белые щёки и посверкивая глазками! Этакое весёлого носатого паренька напоминал он.

На Чагина снизошло успокоение в виде безразличия к происходящему.

«Да и чёрт с ним, пусть улыбается. Мне на работу нужно...»

Он встал, но сразу же присел на кровать от сильного головокружения.

- Перебрал ты вчера, Коля, - констатировал дятел. - Лучше побудь дома. А на работу я за тебя сгоняю. Где ключи от машины?

Отчуждённое состояние Чагина опять сменилось изумлением, которое долго не проходило и после того, как дятел подхватил клювом ключи со стола и через несколько минут послышался звук заводящегося мотора.

Николай собрался с силами, чтобы посмотреть в окно.

Да, именно его автомобиль удалялся по дороге в город.

Сколько продолжалось это созерцание, Николай не знал.

А потом он повалился на кровать.

3

Чагин смотрел в потолок и думал: хорошо, что нет никаких мыслей... Эта - единственная - чудесным образом блокировала мозг.

На фоне бездумья развилось острое желание есть.

Николай осторожно встал - больше его не кружило - подошел к холодильнику. Опрокинутое лицо выщербленного яйца, да сыр с окаменевшими ноздрями горестно взглянули на него через открытую дверь.

Потекли мысли: «Агата совсем домом не занималась... Как же мы жили? Надо в магазин идти... Нет, бриться не буду...»

Магазин находился поблизости. Невольно отметив, что располагался он как раз на той дороге, по которой утром укатил на его авто дятел, Чагин испытал прилив чёрной тоски. Однако ему удалось отвлечься на вещи, никак не связанные с чёртовой птицей.

На то, например, что зелёная краска, которой покрашен магазин, совсем облупилась, а само строение возникло, наверно, ещё в эпоху освоения космоса, о чем говорили деревянные силуэты ракеты и спутника, украшавшие крыльцо; на то, какие шумные гражданки в очереди (в суть их разговора он поначалу не вникал, морщась лишь от громких голосов, а потом уяснил: речь шла о том, что на бывшем совхозном поле будут строить торговый центр и что это безобразие. «Голыба уже и откат получил», - вспомнил Чагин); на то, какая интересная заколка в волосах у женщины, стоявшей перед ним, - в виде тонкой змейки с короной; на то, каким большущим ножом режет колбасу маленькая продавщица, про которую так и хотелось сказать «женщина».

Миниатюрная фигурка, небольшая головка, как у той змейки на заколке (только вместо короны её венчала белая шапочка-кокошник), - всё было в ней гармонично, изящно и ненароком наводило на мысль о странном выборе профессии. Но открытый, твёрдый взгляд, а уж таков он у большинства работников торговли, опускал визави с высот гармонии на грешную землю, и тем более невозможно было не заметить, сколь крепка аккуратная её ручка.

- Слушаю вас, - посмотрела она на Чагина.

Глаза смолисто-карие, в каждом - по крупинке блеска.

«Нет, все же ей больше пошло бы быть...» - задумался Николай и вдруг обнаружил, что утреннее потрясение, бывшее таким ярким, как-то померкло и на душе теперь затишье.

- Докторской триста грамм. Порежьте, пожалуйста, - улыбнулся он.

- Как же это вас сюда занесло, товарищ Чагин Николай Михайлович? - в свою очередь улыбнулась продавщица, берясь за нож.

- Мы разве знакомы? - опешил Николай.

- Вы мне знакомы, а я вам - нет.

- Как это?

- А не дошло у нас до взаимного знакомства. У вас времени не хватило.

- Извините... - сказал Чагин, догадавшись, что ей не удалось попасть к нему на приём, и привычно добавил:

- Но вы же понимаете, какая напряженная у нас работа.

- Ну да, понимаем. Вы там единственные, кто работает, а мы так... колбасу нарезаем...

И притворно обеспокоилась:

- А сегодня как же? Без вас там справятся?

- По правде сказать, не знаю. Вместо меня на работу поехал дятел.

- Кто?! - прыснула смехом продавщица; губы обнажили в широком разлёте ровные белые зубки.

«Что я несу?» - и пугаясь себя, и очаровываясь улыбкой женщины, подумал Чагин, но почему-то произнёс уж совсем убийственное:

- Я вчера напился, а сегодня утром мне прислали дятла.

Продавщица настороженно замерла.

- Как вы себя чувствуете?

Николай пожал плечами:

- Никак...

Хлопнула дверь, Чагин обернулся и увидел, что кроме него и вошедшего работника в спецовке, посетителей больше нет.

«Ну да, я же был последним в очереди и за мной никто, кажется, не занимал», - промелькнула мысль, а потом ничего не стало, пока не нависло над ним худое, в щетине лицо того работника.

- Вроде очухался, - сказал он, и Чагин уловил несильный, но чистый - без всяких примесей - запах перегара.

Сразу же перед глазами возникло встревоженное лицо продавщицы.

- Вы сознание потеряли, Николай Михайлович.

Чагин приподнял голову, осмотрелся. Он лежал на кушетке в помещении, заставленном коробками, - видимо, в подсобке. Женщина держала мобильник, из которого шли длинные гудки.

- Никак не могу до «Скорой» дозвониться.

- Спасибо. Не надо «Скорую». Всё нормально.

- Шутите? Вы вон лицом даже изменились, на себя не похожи, - сказала она, поднося к уху трубку.

- Да что они там, вымерли?!

- Не беспокойтесь, со мной, правда, ничего страшного... Мне бы лучше домой...

- Как это? До города двадцать вёрст!

- Да я тут, в посёлке дачу снимаю.

Работяга - явно, абориген - оживился:

- А у кого?

- У Феликса Яновича.

- У Шифера? - заулыбался мужик морщинистой, доброй улыбкой. - Жлоб он, однако.

Ни поправлять, ни возражать Чагин не стал.

- Ладно, - сказала продавщица. - Проводи, Львович, Николая Михайловича домой, раз ему лучше. Дома-то есть кто?

Чагину на секунду подумалось об Агате, дятле, он ухмыльнулся и сказал:

- Я и один управляюсь.

Помедлив, добавил:

- Спасибо вам, Маргарита.

(Только сейчас пришло ему в голову прочитать её имя на бейджике.)

4

По пути к даче Львович был многословен. Помимо других возможных причин, настроение ему определённо поднимала чекушка водки, которую Маргарита сунула в его карман перед отправлением из магазина (а изначально он хотел приобрести лишь бутылку пива, впрочем, и она тоже булькала в другом его кармане).

- Я с Риткиным отцом на комбинате работал - тут при советской власти камвольный комбинат был. И мужа её Витьку знал. Жаль парня, на войне погиб. Ритка с тех пор вдовееет. Баба она хорошая, добрая и всё, как говорится, при ней, а с мужиками не везёт... Погоди малёк.

Львович, наверно, от огорчения решил припасть к бутылке с пивом, которую опустошил в три размашистых движенья кадыка.

Взор Львовича заволокло прозрачной детской слезой, его качнуло, и Чагин испугался, не перейдет ли роль провожающего от Львовича к нему.

Но опасения оказались напрасны: глаз Львовича, как пустыня, мгновенно впитал влагу, и ожесточённо засверкал.

- Мне с бабами тоже не везло... - твёрдой походкой он продолжил путь, - два раза женат был... Вот, скажи...

Общение с нетрезвым напоминает разговор на морозе между раздетым и человеком в шубе - плохо одному, непринужденно другому.

Расставшись с Львовичем, Чагин испытал законное облегчение. А потом...

Уже дома, проходя мимо трюмо, он столкнулся со своим изображением и - застыл: зеркало отражало не его лицо! Хотя, нет, не так... Было оно его, но и чужое одновременно, как если бы Чагин смотрел на лицо близнеца.

Первой, судя по всему, уловила эту перемену Рита, логично связав её с обмороком Чагина.

Он сел на стул, прислушался к себе. Нет, самочувствие тут не при чём: дыхание ровное, голова не кружится, сердце не скачет. Но есть ощущение, что в углу за спиной стоит, нависает тучным облаком случившееся, от которого родится ещё множество метаморфоз... И - странное дело - ему абсолютно спокойно!

За окном остановился автомобиль, хлопнула дверца. Николай остался сидеть. Вскоре женские ножки легко и торопливо зашагали по половицам, задержались перед приоткрытой дверью, и Агата, цокнув каблучком, переступила через порог. Возле её плеча висел в воздухе дятел.

- А это кто? - повернула она голову в его сторону.

- Забыл тебе сказать, - отвечал дятел, - ко мне брат приехал. Тоже Николай. Знакомьтесь.

Агата кивнула.

- Ты мне про него никогда не рассказывал... Близнец, что ли?

- Ну да... А чего про него было рассказывать?

Дятел подлетел к самому уху Агаты и произнес: «лузер», после чего продолжил:

- Он тут поживёт немного, не возражаешь?

- Пусть поживёт. Только в той комнате.

И она, не моргая, уставилась на Чагина посиреневшими глазами. Он хорошо знал этот взгляд. Надо было вставать и уходить.

«Чёрт знает что, - думал он, привалившись к спинке дивана в соседней комнате. - Как я могу быть братом птицы? Или она не видит, что перед ней дятел? А если не видит, то кто же тогда? Человек?.. - Чагин, поражённый неожиданной догадкой, сел. - Господи, уж не я ли?..»

Пожалуй, это предположение только и могло всё объяснить, но тогда получалось, что происходящее - это уж совсем... чёрт знает что!

Чагин не решался дальше думать, перед мыслью лежала terra incognita, и эта неведомая земля пугала.

Вдруг услышал он голос... Маргариты.

- Могу я видеть Николая Михайловича? - прозвучало за дверью.

Он вскочил с дивана.

В коридоре стояли друг напротив друга Агата и Рита. У Агаты глаза были - синеватый лёд, Рита же смотрела с замешательством, которое, однако, быстро таяло, а во взгляде по мере этого появлялась твёрдость.

Дятел, как и прежде, располагался у плеча Агаты.

- Твой братец и баб будет в дом водить? - обратилась она к нему.

- Проходите, Рита, сюда, - не дал полыхнуть пожару Николай.

Переступив порог его комнаты, Маргарита сразу же спросила:

- Это она сейчас с кем разговаривала? С дятлом?

Чагин кивнул.

- С тем самым?

Чагин снова кивнул, отмечая про себя, что Рита, как и он, видит дятла и только дятла!

- Как же это? - села она в оторопи на диван.

- Не знаю... Он сегодня утром появился... Я вам рассказывал...

- А я решила, что вы не в себе...

Рита опустила растерянные глаза, но, скользнув взглядом по свёртку на коленях, встрепенулась:

- Вот, колбасу принесла, вы в магазине забыли...

- Спасибо.

- А может, эта женщина не в себе? Ну, с птицей разговаривает...

- Дело в том, что я тоже с дятлом разговаривал. И он, знаете, отвечал...

Можно, конечно, предположить, что мы оба с Агатой того... Но, чтобы в один день... Маловероятно!

- Я, наверно, пойду, - поднялась Маргарита, - а то обед уже заканчивается.

Да и что могло быть разумнее, чем покинуть сумасшедший дом?

- Ещё раз спасибо, - сказал, провожая её, Николай.

Возникло вдруг какое-то неведомое ему прежде чувство, бывшее горьким, тихим, и тянулось оно к ушедшей Рите. Чагин догадался, что это, наверно, ощущение покинутости, но ведь покинуть может только близкий человек, а тут...

Чагин взглянул в окно.

Увидел Риту, свой автомобиль, Агату с дятлом (они что, уезжают?), Львовича, остановившегося возле них.

Судя по умильной улыбке и размашистым движениям рук, которые то разлетались в стороны, то схлопывались на груди, с чекушкой Львович тоже покончил. Впрочем, он недолго источал душевность: Агата и дятел торопливо погрузились в авто и были таковы.

Рита и Львович некоторое время смотрели им вслед, о чём-то переговариваясь, потом Рита решительно взяла Львовича под руку и направилась с ним назад, к Чагину.

Николай заспешил им навстречу, распахнул дверь.

И на лицо Львовича выплыло изумление.

- Как это? Ты же... Вы же... только что уехал...

Чагин посмотрел на Риту.

- Вот поэтому я и привела его к вам!

Они прошли в комнату. Рита села на диван, Львович встал возле стула и мрачно замер, Чагин заходил из угла в угол.

- Получается, мы с вами видим дятла, а Агата и он... меня? Да, да, мне уже приходило на ум такое, но... Нет, это невозможно!

- Никак невозможно, - согласилась Рита, - но это же есть!.. А Агата - кто?

- Моя девушка, - остановился Николай. - Хотя теперь получается, как бы моя...

- Понятно... Какая-то она... неосмотрительная, чересчур смелая... - ядовито заметила Маргарита, хоть в самой малости утоляя обиду.

- Ритка, выходит, всё? - никого не слушая, Львович переживал потрясение на свой лад. - Конец? Больше мне не пить?

- Да успокойся ты, дядя Ген! Не от водки это!

- А от чего? - посветлел Львович.

- Если бы знать...

У Чагина зазвонил мобильник.

- Привет, Коля! Всё хорошо! - радостно сообщил дятел (впрочем, пора уже писать это слово с большой буквы). - Даже отлично! Жизнь налаживается. С Агатой я тебя помирил, правда, ты её в качестве моего брата выбесил той женщиной, ну да ладно, пришлось её на шопинг отвезти, а в остальном... Включай телевизор! Канал «Подмосковье»...

- Это он звонил, - ответил Чагин на вопросительный взгляд Риты и включил телевизор.

Шёл сюжет об их районе. Мелькнул Голыба...

- Он что, в наручниках?! - воскликнул Чагин.

Голос за кадром пояснил: руководитель района арестован в связи с получением взятки за разрешение строительства торгового центра («Ну да, на совхозном поле...» - непроизвольно кивнул Николай). Исполняющим обязанности руководителя администрации назначен... Чагин Николай Михайлович.

И показали Чагина. Точнее, Дятла в его обличии.

Маргарита сидела, не шелохнувшись, расширив глаза, - затаённые, тёмные, в которых, как звёзды на воде, плескались искринки.

- Никто не видит дятла, - тихо сказала она, - только вы и я...

- Выходит, так... - согласился Николай.

И, помолчав, добавил то, о чем Маргарита подумала раньше его:

- Ну, со мной более-менее понятно, но вы-то почему его видите?

- Вот это и странно... Получается, мне какая-то роль отведена... А я как бы и не хочу совсем...

- Да что происходит-то! - плюхнулся на стул Львович, - Объясни мне, товарищ Чагин, как ты умудрился и в подсобке полежать, и вон - в телевизор попасть, и в город уехать с той фифой... и не уехать ни фиги! Я с ума сойду!

- Дядь Ген, успокойся, - о самой Маргарите нельзя было сказать, что она абсолютно спокойна, - тут чёрт ногу сломит! - Она встала. - А мы с тобой ни при чём...

- Уходите... - с сожалением констатировал Николай.

На секунду наступила неловкая пауза: неловко оставлять человека в сложной ситуации, но и неловко затягивать в неё кого-то постороннего.

Всякое могло бы последовать за этой паузой, но случилось совершенно неожиданное: дверь распахнулась, и в комнате возникла Агата.

От неё веяло грозой. Да что там веяло! Она и была сама гроза!

- Уже и алкаш этот здесь! - сверкнула Агата прекрасными своими глазами. - А ну-ка, быстро выметайтесь отсюда!

- Агата, послушай, - начал Чагин. - Тут происходит что-то невероятное...

- Какая я тебе Агата?! Я Агата Сергеевна! А муж мой - глава района! И нам эта халупа больше не нужна. Мы съезжаем!

- Да я тебе не муж! - не выдержал Чагин, - а тот, кого ты за меня принимаешь - просто дятел! Хотя, конечно, не просто...

Зря он стал уточнять - только сбился с наступательного тона, и Агату сразу же понесло:

- Да вы тут обкуренные! Наркотики употребляете! Всё, звоню в полицию!

Маргариту и так терзала прошлая, неотмщённая обида, а тут... Больше уж молчать она не могла!

Нетрудно представить, какой отпор способен дать работник прилавка, хоть бы и был он миниатюрной, хрупкой, очаровательной женщиной. Её короткой, но яркой речью обидчица была практически сметена с ног.

Агата беспомощно привалилась к стене, а Рита, скомандовав: «Пошли отсюда!», - направилась к выходу. Пока за ней следовали Чагин и Львович, у Агаты оставалось застывшее, растерянное лицо, и, наверно, долго ещё не могла она отмереть...

5

Осенние сумерки - грустные и уютные. Вроде бы совсем недавно в эту пору стоял день, да и теперь ещё стоит, только из белого превратился он в синий, и хоть до ночи ещё далеко, а жизнь уже норovit притихнуть, разбредиться по уголкам, свернуться там по-кошачьи.

Чагин с тоской смотрел на сумеречную дорогу: потеряв только что такой вот уголок, он не знал, куда ему идти.

Рядом молчали Маргарита и Львович.

- Ну и фря! - не выдержал Львович.

Потом ещё сказал:

- Я вот понял только, что у тебя теперь, мил человек, ни кола, ни двора...

Николай развел руками.

- Ну, давай, что ли, ко мне. Заодно расскажешь, как до жизни такой дошёл.

- Правильно - одобрила Рита. - Поживите пока у него. Только вы там, дядь Ген, не злоупотребляйте...

- Что ты, в самом деле, не знаешь меня?!

- Вот-вот, потому и говорю...

Обитал Львович в «хрущёвке», стоявшей вместе с такими же серыми пятиэтажками между дачами и деревушкой Сорокино.

Бог весть, когда и почему появился этот островок. Скорее всего, был

он частью того самого Сорокина, которое лет пятьдесят назад решили застроить по примеру московских Черёмушек, но, как это часто случается в российской жизни, не хватило запала.

Совмещённый санузел, кухня в шесть квадратных метров, низкие потолки - квартира, хоть и двухкомнатная, была тесной, как усохшая перчатка, да и та - не из изящной лайки, а из какого-нибудь кожзаменителя.

Николай спал в комнате, что побольше, где был балкончик и в рамке висела фотография Львовича с его второй женой. Похоже, перед тем как из фотоаппарата «вылетела птичка», оба долго сидели, задержав дыхание. И если у Львовича запас воздуха уже подходил к концу и он еле сдерживался, чтобы не прыснуть смехом, то у его супруги лёгкие были намного вместительней.

Пробуждение под её суровым лицом с выпученными глазами заряжало каждое утро Чагина отменной бодростью. Не залеживаясь, он вскакивал с кровати и бежал в ванную, где благодаря капризам смесителя приходилось то и дело принимать контрастный душ.

А потом... Освежённый, энергичный, Николай словно бы с разбегу наткнулся на преграду: делать ему было нечего...

Однажды он съездил в город, побродил возле своего дома, издали посмотрел на здание администрации и только убедился в правоте Львовича, сказавшего: «Ты теперь вычеркнут из всех списков, жди, когда снова запишут».

Так Львович заключил рассказ Чагина о происшедшем, закрепляя за необъяснимым явлением название «хрень».

В сущности, Львович, если отбросить то, что он предоставил Чагину кров, оказался симпатичен Николаю. В прошлой жизни он не обращал внимания на таких людей. Что в них особенного? А они-то как раз и замечательны: они не заморачиваются! На карьере, деньгах, роскоши, смысле жизни и всякой «хрени». Они спокойно принимают и обыденность, и чудеса, благодать и невзгоды!

Николаю хотелось бы обрести их жизнестойкость, но звонки Дятла всякий раз нарушали с трудом достигаемый внутренний покой.

А Дятел, судя по его отчётам, самым решительным образом наводил порядок в жизни Чагина.

Приставка и.о. была уже отброшена от его должности главы районной администрации, и будущее сулило ему продвижение в губернскую власть.

- А что с Голыбой?

- Сидит, голуба!

- А кто у меня зам.?

- Ну, Шалаев.

- Так он же...

- Не переживай, всё под контролем! - уверял Дятел.

А Агата сделалась практически ручной после переезда в новую, двухуровневую квартиру в элитном доме.

- А старая моя квартира?

- Продана. Зачем она теперь? Агатке вон шубу купили...

- Агатке? - неприятно царапнуло Чагина.

Дятел его хорошо понял.

- Глупо ревновать к самому себе...

«В общем-то, так,» - мысленно согласился Николай. И чтобы удержать воображение от проникновения в подробности совместного проживания Агаты и Дятла, добавил: «Да и что там может быть?.. с птицей!»

Увидеть при желании, сколь уязвима эта позиция, ничего не стоило, но у Чагина к его собственному, тайному удивлению такого желания не было.

Это состояние удивлённости собой стало нередким.

Можно ли было предположить, что Чагин начнёт трудиться... разнорабочим?!

Но именно это и произошло, когда однажды Львович, собираясь на работу, сказал ему:

- Завянешь ты тут совсем... Пойдём-ка со мной, поможешь малёк.

Поздним зимним утром, когда в только что поглубевший воздух уже затекает серинка, Львович вручил Чагину большую оранжевую лопату. Они стояли на территории склада, посреди ангаров.

- Вот отсюда и туда, - указал Львович, в каком направлении Николаю следует расчищать дорожки. - Когда закончишь, вон в тот ангар иди - я там.

Лопата оказалась лёгкой, как и свежий снег. Недавно прилетевший с неба, ещё неоземлённый тяжестью, он лежал пышно и зыбко, отчего и ссыпался иногда с лопаты, но всё равно работалось Чагину в удовольствие. Время от времени он останавливался, оглядывался, радостно смотрел на хребты выросших сугробов, а в голове было пусто и бело, как на той дорожке, которая уходила вперёд.

Николай огорчился, когда работа закончилась. Но и почувствовал, что устал.

А в ангаре у Львовича до конца работы было ещё далеко. Он разгружал поддоны с мешками, которые складывал на полки стеллажей.

Львович подмигнул Чагину, и тот присоединился к нему.

Что уж говорить, таскать мешки на спине - это не лопатой снег кидать, но и задействуется тут совсем другая группа мышц, так что получился у Чагина в некоторой степени отдых.

Впрочем, мышцы спины тоже вскоре устали, и под конец работы Николай управлялся с мешками из последних сил.

- С непривычки всегда так, - сказал Львович, когда они сели на скамейку и Чагин расслабленно откинулся к холодной стене.

Из боковой дверцы вышла толстая женщина в душегрейке и в розовом вязаном берете и каждому вручила деньги.

- Трудовой почин надо бы отметить! - широко улыбнулся Львович. - Как смотришь на это?

Чагин кивнул.

Пока на обратном пути зашли в магазин, пока дождались автобуса, пока доехали до дома - Чагин уж еле волочил ноги, да и к тому же замёрз.

На кухне его разморило. Он сонно наблюдал, как Львович расставляет на столике стаканы, закуску, открывает банку с солёными огурцами.

Запах солёных огурцов, помещённых в глубокую тарелку, заставил очнуться Николая, поманил предвкушением того замечательного удовольствия, которое, будучи неизысканно, грубо, понятно лишь русской душе.

- Проснулся! - радостно воскликнул Львович. - Ну, держи стакашку! С первым тебя трудовым рублём!

Закусывая, Чагин заметил:

- Вообще-то я давно зарабатываю.

Львович не ответил, налил ещё, а когда выпили, сказал:

- Ты, Николай Михалыч, меня не понял. Я тебе про трудовой рубль, а ты мне вообще про деньги... Те, что ты раньше получал, - они не трудом заработаны. Ты, Коля, не обижайся, но вы все - чиновники, менеджеры, администраторы - вы все паразиты! Тех, кто трудится, - единицы, а вас - целая армия!

Налицо был классовый подход к общественно-экономическим отношени-

ям. Никогда прежде Чагину не приходило в голову мерить их пролетарским взглядом, но неожиданно он твёрдо встал на точку зрения человека труда.

- Это ты правильно сказал. Паразиты... За рабочий класс!

На следующий день было позднее и мучительное пробуждение: голова гудела, в глазах всё слоилось, плыло. Львович напоил Николая рассолом. Это позволило Чагину встать с постели, умыться. Но далее дело не пошло: он плюхнулся на кухонную кушетку, ссутулился и уронил голову на грудь.

- Видать, тут без опохмела не обойтись, - понял опытный Львович.-
Пойдем в магазин, заодно продышишься...

К концу пути сообразив, что его увидит Маргарита, Чагин остановился:

- Я тебя, Львович, на улице подожду.

- Ритку испугался? - спросил Львович с ухмылкой, какой обычно подначивают на поступки тех, кто эти поступки явно совершать не хочет.

- Нет, - ответил Чагин бодрым тоном, каким обычно и отвечают на такое подстрекательство.

- Ну и пошли тогда. Она, кстати, на днях о тебе спрашивала, собиралась зайти.

В магазине была очередь из трёх человек, так что лицом к лицу оказались они с Маргаритой очень скоро.

- Дядь Ген, ну я же тебя просила...

- Не начинай, Ритка. Вчера у Михалыча был, можно сказать, первый трудовой день. Мы теперь напарники.

Маргарита вздохнула.

- Чего вам давать?

- Пол-литру и два пива.

- Нет, только пиво, - вмешался Чагин.

Всё это время он неотрывно смотрел на Риту - с первого же взгляда ему стало радостно смотреть на неё. И дело заключалось не в том, что она красива - это не было для Чагина открытием. Пожалуй, ему виделось явление природы. Помимо того, что и любой человек - явление природы, Рита, наверно, радовала его, как если б была солнечным днём.

Маргарита в свою очередь пару раз недоуменно взглянула на Чагина и покраснела.

Львович заметил, когда они уже шли к автобусной остановке:

- Ты бы, Николай Михалыч, перестал...

- Что перестал?
 - Улыбаться!.. Пиво-то будешь?
 - Нет, Львович. Меня вроде бы и так отпустило.
 - Да уж вижу! Ладно, а я приму, чего тяжесть таскать...
- Опорожнив обе бутылки, объявил:
- Сегодня халтурим в Сорокино.

6

Сначала разгружали с машины дрова и укладывали их под навес, потом прибежала хозяйка, испуганная запахом гари из подвала.

Львович первым делом обесточил дом. Выяснилось, что с насоса на скважине сорвало отводящий шланг и вода стала заливать подвал, ну а там, - когда насос сам себя затопил, - короткое замыкание, запах подгоревшей проводки... В общем, подоспела ещё одна работа - откачивать воду из подвала. Трудились допоздна, но на последний автобус ещё успевали, поэтому пришлось отказаться от угощения хозяйки, щедро к тому же расплатившейся.

Они наверняка успели бы на автобус, если б не ботинок Чагина, полный подвальной воды, в котором нога произвольно всё ёрзала в поисках уюта, да и подвернулась.

Львович и Чагин стояли на остановке, печально смотрели вслед автобусу, заметному по совсем уже маленьким габаритным огонькам, и утешало лишь то, что уехал он не перед самым их носом.

А вот встречный автобус только отъезжал от противоположной остановки. За его отплывающим в сторону корпусом возникла одинокая белая фигурка.

Чагин сразу узнал Риту, хоть было темно и он никогда не видел её покрытой шалью и в полушубке. Сапожки у неё тоже были белые.

- А не боишься, Снегурка, по ночам одна ездить? - сказал Львович, когда Рита перешла на их сторону.

- Кого мне тут бояться? Здесь все свои.

- Так уж и все? - усмехнулся Львович.

- А вот, - кивнул он на Чагина, - молодец залётный...

- Этот тоже свой...

Бывает, явится что-то хорошее, о существовании которого ты и знать не знал, и потеплеет в груди, закружится на секунду голова...

Похожее произошло и с Чагиным, хоть ничего особенного, по здравому размышлению, в словах Риты и не было.

- А вы на автобус опоздали?

- Ну да. Придётся теперь пешком...

- Переночуйте у меня, - сразу же предложила Маргарита, - куда вы на ночь глядя?

- Спасибо, конечно, но у меня на твоего Бориса... как это... аллергия...

- А нет никакого Бориса, - в её тёмных глазах мелькнул тусклый свет, как серый листок перевернули, - выгнала я его.

- Вот это ты правильно, вот это ты молодец! Пошли тогда!

Дому Маргариты было, наверно, лет сто, но стоял он твёрдо и степенно - в тяжёлых резных наличниках на окнах, при высоком, со ступеньками крыльце. Внутри - бревенчатые, ничем не обшитые стены, просторные сени, две комнаты, печь между ними, про которую можно было также сказать, что она делила одно большое помещение пополам.

- Вы её топите? - поинтересовался Николай, у которого преодоление тягот деревенского быта вызывало искреннее уважение.

- Нет, тут давно газовое отопление, а без печки неуютно, вот и не сношу... Чай будете? С земляничным вареньем.

... Львович давно уже спал после ужина, а Николай и Маргарита всё сидели за столом.

Рита только что зажгла керосиновую лампу, потому что отключили электричество.

- И так по несколько раз в сутки!

- Это Чевылёв со своими Энергосетями... Может, когда-нибудь доберусь до него...

В сегодняшнем общении они избегали всего, что касалось неопределённого положения Чагина и вообще случившегося с ним, а тут Рита не выдержала, спросила:

- Николай, что же дальше?

Чагин помрачнел.

- Не знаю. По логике, когда утрясутся мои дела, я должен стать самим собой. Ничего другого не остаётся, как ждать...

- Я хотела к вам зайти, да как-то с духом не собралась. Страшно от необъяснимого, особенно, если оно на чертовщину похоже. Я до сегодняшнего

дня так и не могла свыкнуться с тем, что ЭТО есть... Как же тогда жить, если ОНО существует?! А утром, когда увиделись, страх прошел. Чертовщина эта прямо на вас свалилась, а вы живёте себе, водку пьёте с Львовичем...

- Да не пью я, - попытался оправдаться Чагин, - случайно так вышло...

- Я совсем не осуждаю. Я... восхищаюсь!

Чагин горько усмехнулся.

- Человек, наверно, ко всему привыкает, даже к самому необыкновенному. Потому что оно необыкновенно только поначалу... И почему ты говоришь «чертовщина»? Может, эта птица послана силами добра? Дятел же хочет мне помочь, а не навредить!

- Посмотрим... Я вообще-то не против перейти на «ты».

Рита улыбнулась. Чагин тоже - виновато приложив ладонь к губам.

- Сегодня сначала дрова разгружали, потом воду из подвала откачивали - кто бы мог подумать, что день так романтично закончится! Старый дом, керосиновая лампа, земляничное варенье, красивая женщина...

- Николай Михальч! - засмеялась Маргарита, - не забыл? У тебя Агата есть!

- Да, да, - с угасающим восторгом подтвердил Чагин, - Агата...

- Ну всё, пора спать, я тебе за печкой рядом с Львовичем постелила.

7

На следующий день работы у напарников было только до обеда.

Львович завалился спать, а Чагина ноги сами принесли к магазину.

Увидев за прилавком большую, широкой кости женщину со жгуче-медными волосами под кокошником, Николай опешил до потери здравого смысла: Риту нагло подменили, полагая, что если оставить этой даме Ритину шапочку, подмена будет незаметна...

Через мгновение, правда, он очнулся и спросил:

- Простите, а можно позвать Маргариту?

Продавщица весело взглянула, усмехнулась:

- Я бы позвала, да выходной у неё!

И блеснула золотой коронкой. Чагин с удовлетворением отметил этот блеск, без которого было бы, как без точки в конце предложения.

То, что у Риты выходной, совсем не значило, что он застанет её в Сорокино, но Чагин всё же направился к автобусной остановке.

Ему повезло: Рита никуда не уехала.

Подходя к её дому, в окошке, в обрамлении белых наличников увидел он царственную её головку - только не хватало короны, но она осталась у той тётки. «Терем, царевна - прямо картинка из сказки», - подумалось Николаю.

Рита наблюдала за чем-то тихим взглядом. Заметив его, она обрадовано взмахнула рукой, и от этого жеста беспокойство Чагина смирно улеглось.

- Привет! - распахнула она дверь. - Проходи!

- Ничего, что без приглашения?

- Я рада.

Николай разделся в сенях, прошел в дом.

- Что там такого интересного? - кивнул Николай на окно.

- А вот. Пожар...

Не медля, Чагин выглянул в окно и...

Да, был пожар!

На небе!

Это закатывалось зимнее солнце. Лимонные языки с багряными наплы-вами поднимались по склону неба, точно весь он был в пламени пожара.

- А я и не заметил. Смотри-ка, вон, сколько пешеходов, и все, наверно, как я... Исключительно под ноги смотрят. А ты молодец!

- Нет, я бы тоже не увидела, если б не этот... Чевылёв. Электричество отключили, а из окна, видишь, что?

По полу, стенам и потолку стелился золотисто-малиновый отсвет заката.

- Только это всё быстро пройдет, - сказала Рита, - зимой закаты корот-кие...

- Всё равно спасибо Чевылёву, иначе красоты такой не увидели бы.

- Да уж, - улыбнулась Рита.

- Одно плохо, - продолжил Николай, - телевизор не посмотришь.

- Я его и так почти не смотрю.

- А что же тут делать без телевизора? - удивлённо воскликнул Чагин и тут же осёкся, поскольку в вопросе содержалось утверждение некого пре-восходства города над деревней. - Ну, конечно, можно ещё читать... Но сей-час мало кто читает...

- А я читаю. - Рита направилась к столу. - Нашла вот в кладовке. - И про-тянула сложенные в стопку несколько цветных журналов. - Там ещё много.

С обложки верхнего из них улыбался веснушчатый мальчишка с пшенич-ными волосами на фоне пшеничных же колосьев. Его лицо сняли крупным

планом и немного снизу вверх. Снимок был, конечно же, постановочный, но от него так и веяло летом, полем, безмятежной жизнью.

- Солнечный мальчик, - сказала Рита.

В красном прямоугольнике у края обложки Николай прочитал:

- «Огонёк», июль 1958 года.

- Почти шестьдесят лет тому назад, - сказала Рита. - Интересно, что с ним стало?

Чагин пожал плечами:

- А со Львовичем что стало? Они с ним, наверно, ровесники... Их поколению не дано было стать счастливыми.

- Почему?

- Не та страна, не те возможности...

- По-твоему, наши родители не были счастливы?

- Не знаю... Отец у меня инженер, мать - бухгалтер, всё, что они нажили - так это двушку в панельном доме... Я понимаю, счастье не богатством измеряется, но в достатке всё-таки живется... веселей.

- Это так и не так, ведь, как говорится, «богатые тоже плачут».

- Ещё как плачут! - подтвердил, вспомнив Голыбу, Чагин.

- А всё же листаешь эти журналы и чувствуешь, что хорошо они жили...

Как-то светло у них там было...

- Это иллюзия. Просто о плохом тогда не писали.

- Зато теперь ни о чём другом не пишут...

После длинной паузы Чагин спросил:

- Рита, а ты счастлива?

- Хочешь спросить, может ли быть счастливой продавщица магазина, живущая в деревне?

- Нет, я спросил именно о том, о чём спросил, я не хотел тебя обидеть.

- А ты часто встречал людей, которые о себе могут сказать, что они счастливы? Я вот живу себе, и всё меня устраивает, а счастьем это называется или нет - мне всё равно...

- Ну, а мечта какая-нибудь у тебя есть?

- Есть. Я, как и любая женщина, хочу семью, детей. Ведь моё время ещё не ушло...

- Конечно! - с готовностью согласился Николай.

- А ты, похоже, очень хорошо знаешь, в чём твоё счастье! Достаток, по-

ложение, красавица-жена... Потерпи, Николай Михалыч, недаром же дятла этого прислали! - Чагину показалось, что последние фразы были произнесены Ритой с холодным сердцем.

- Ты меня осуждаешь?

- Да нет, - что-то дрогнуло в её лице, которое до этого внезапно застыло, - давай чай пить, тебе же земляничное варенье понравилось?

С тех пор и приохотился Чагин пить у Риты чай с вареньем. Днём напарничал он с Львовичем на разных работах, а к закрытию магазина шёл встречать Риту.

Она безумно нравилась ему, может, он даже любил её... Во всяком случае, он имел право так предполагать, потому что возникшее чувство к ней совершенно не походило ни на какое другое, ранее испытанное.

Ни Агата, ни Дятел больше не занимали его мыслей, он жил теперь сегодняшним днём, и в этом дне ему необходимо было видеть Риту, а что будет завтра - его не интересовало.

Как и не обижало то, что Рита никогда не оставляла его после чаепития ночевать.

Да и зачем ей мужчина, готовый исчезнуть из её жизни, как только придет срок?!

И вообще вызывало удивление, отчего она до сих пор не послала этого любителя земляничного варенья куда подальше?!

Неопределённости, подобно любому неустойчивому равновесию, всегда приходит конец, и это — как сход лавины.

Из очередного звонка Дятла следовало: старательно выписанная им картина благополучия оказалась облита чёрной краской!

Проще говоря, он, как и Голыба, попался на взятке...

- Как же тебя угораздило?! - изумлялся Чагин. - Ты же вроде ангела-хранителя! Разве ангелы взятки берут?

- Да у вас здесь такое!.. Сам Создатель соблазнился бы! —горячо оправдывался Дятел. - Но ты, Коля, не дрейфь, ты, главное, хорошенько спрячься!

- Как это? Зачем?

- Ну, я же удрал. А тебя, думаю, в розыск объявят... Мы с Агатой в аэропорту, уже пограничный контроль прошли... Когда обоснуемся, я тебе перелёт организую, ты только до этого не попадись. Всё передам из рук в руки: Агату, ценности, номера счетов... Ты же понимаешь: мне это ни к чему. Для меня теперь главное — не провалить до конца задание! И не лишиться перьев и хвоста!

Такой вот поворот!

Николай положил трубку в карман, не раздеваясь, прошёл через сени в дом.

Был вечер выходного дня. Рита сидела за столом, занимаясь очередным коллажем: наклеивала на светло-голубую бархатистую бумагу осенние, тёмного золота листья.

- Рита, представь: Дятел стал взяточником, - сообщил Николай. - Он с Агатой за границу улетел, потому что здесь его будут искать.

- Как взяточником?! - у Риты выпал из рук берёзовый лист.

Впрочем, недоумение её длилось недолго.

- Ну да, будут искать его, а найдут тебя! - в самую точку попала она.

Помолчав, взглянула мягко и спокойно:

- Что ж, оставайся у меня, кто тебя здесь найдёт?

И вдруг засмеялась - Чагину показалось, как-то не по-доброму...

- Но я же ни в чём не виноват...

- Конечно, не виноват! Я про твою Агату подумала... Податься в бега, с преступником... Не об этом она мечтала! Верно, Николай Михальч?

- Ошибаешься. Ей всё равно, где и с кем быть, лишь бы ни в чём себе не отказывать.

- Ну, тогда ей повезло! А ты звони Львовичу, предупреди, что совместной вашей работе конец.

- Почему же конец? Мы с ним завтра на склады едем. Это у чёрта на рогах, кто там меня искать будет?

- Коля, пока всё не уляжется, тебе нигде появляться нельзя. Сейчас опаснее всего!

8

В небе - голубая пустыня: ни туч, ни облаков, - ничего, кроме белесой дымки, прибившейся к его краю, - и только полыхание света из разлившегося солнечного шара. Там, вверху, свет играл оттенками голубого, а внизу, выжигая снежную белизну, с особым тщанием чертил тени от деревьев и домов. Редко в зиму выдается такой сияющий денёк!

Вчера Чагин смотрел бы в окно на этот день с удовольствием, но сегодня, когда подкралась близко беда, душа сжалась и не хочет радости...

Господи, чего же ещё ждать?!

Вскоре всё и случилось.

Маргарита, отвесив восемь килограммов сахара старухе Бачуриной (баб Клав, донесешь? куда тебе столько? а беленькую варить, для личного употребления не возбраняется!), подняла глаза на только что вошедшего немолодого, тучного мужчину и почувствовала безотчётную тревогу. Лицо у него было по-бульдожьи круглоглазое, щекастое и подбородистое. Он терпеливо ждал, когда Рита рассчитается с самогонщицей. Когда же они остались одни, заговорил тихим, тусклым голосом:

- Я Феликс Янович Шефер. До недавнего времени у меня снимал дачу гражданин Чагин Николай Михайлович, ныне разыскиваемый правоохранительными органами. Сегодня утром ко мне на дачу приезжал наряд полиции с целью задержания данного гражданина. На вопрос, где он может находиться, я ответил, что не знаю, но это не так... На протяжении последних двух недель я неоднократно видел его в вашем обществе. Хочу добавить, что мне известно место вашего проживания.

Рита опустила глаза:

- Что вам надо?

- Сейчас объясню. В моей руке сотовый телефон. В случае если мы не договариваемся, я при вас звоню следователю, он тут же выезжает с бригадой к вам домой и с вероятностью девяноста девяти процентов задерживает гражданина Чагина. Даже если вы его предупредите, он далеко не уйдёт. Однако для нас всех предпочтительней второй вариант. Я никуда не звоню, но вы мне за это даете некоторую сумму. Я понимаю, что извлечь пользу из своего знания я смогу только сегодня, сейчас, ибо, разумеется, в ближайшее время Чагин переберётся в другое место. Вследствие этого я прошу относительно небольшую сумму. Вам, видимо, будет странно это слышать, но я человек порядочный.

- Порядочный! - нервно засмеялась Рита. - Сколько?

Шефер сказал, и это была вся сегодняшняя выручка.

- Черт с тобой, порядочный человек. А где гарантии, что ты деньги возьмешь и не позвонишь?

- А вы, прежде чем первую половину денег мне отдать, сообщите вашему приятелю, чтобы он, не задерживаясь, покидал убежище, ну а я вам свой телефончик отдам и у вас на глазах побуду - сколько хотите, хоть до самого закрытия магазина! Вторую половину отдадите в минуту расставания. Всё по-честному. Я вам доверяю.

Вот сволочь!

У Чагина зазвонил мобильник.

- Твой напарник поехал, куда вы собирались? — приглушённым, тревожным голосом спросила Рита, и Николай сразу понял: недаром его мучили опасения, что будет ещё хуже...

- Да.

- Срочно поезжай туда. У меня оставаться нельзя. Когда будешь на месте, позвони.

И началась у Чагина жизнь на складе.

Ирина Николаевна - женщина в розовом берете, местная начальница и, как оказалось, сердечная подруга Львовича - отвела ему место в подсобке одного из ангаров.

Теперь до работы было рукой подать. Львович всё также напарничал с ним, еду приносил; у Николая даже маленький телевизор был, правда, не всегда спасали по ночам два масляных радиатора, но на этот случай был овчинный тулуп.

А вот Рита не приезжала. И в последний раз общались они в тот день, когда Чагин звонил ей со склада. А потом - «абонент в настоящее время недоступен».

Николай тосковал, но, мучаясь, понимал, что и так она проявила к нему достаточно сострадания, а желать чего-то большего никаких оснований у него нет.

Позвонил как-то Дятел. Сообщил, что всё прекрасно. Устроились они с Агатой на одном из райских атлантических островов, Чагину он готовит перелёт, а заодно пытается решить вопрос о прекращении против него дела.

- Это как? - поинтересовался Чагин.

- А у вас одним только способом всё решается.

Голос Дятла наполнился возмущением.

- Следак совсем обнаглел! Просто немерено денег запросил!

- Что, жалко?

- Конечно! Не с неба же они упали, заработаны как-никак...

- Ты, похоже, совсем очеловечился. Смотри, не видать тебе своих хвоста и перьев!

- Это да, - смутился Дятел. - Вообще-то я для твоей пользы стараюсь.

Чагин помолчал.

- Знаешь, куда я не полечу... Сделай так, чтобы власть меня оставила в покое. И всё, считай, что миссия твоя выполнена.

- Вот те на! - изумился Дятел.

В то утро Чагин работал один: Львович накануне потянул спину и остался дома. Предстояло разгрузить машину с рулонами утеплителя и уложить их на верхние стеллажи. Для Николая такая работа стала уже привычной.

Минувшая ночь была особенно морозной. Стоило Чагину ненароком нарушить герметичность кокона из двух одеял и овчинного тулупа, как стужа тут же пробиралась в сон, заставляя судорожно искать и затыкать брешь. Утро он встретил разбитый, измотанный противоборством с холодом.

Горячий растворимый кофе, пара варёных яиц - еда согрела, и застывшая кровь ожила, ну а когда от работы она бодро побежала по жилам, Николай повеселел.

В небольшие окна под самым потолком заглянуло солнце, проложило по воздуху пыльные дорожки света, и в один из лучей вошла... Рита.

Чагин сначала не узнал её, потому что у Риты волосы всегда были собраны вокруг головы на затылке, а у стройной маленькой женщины в белом полубубке лежали они распущенные. И были - сама нежность, каштановая нежность, позолоченная солнцем - эта роскошь не сразу отпускала глаз.

Наконец, Николай узнал Риту и радостно заторопился спуститься с лестницы, но промахнулся мимо предпоследней ступеньки. Как-то совсем не мужественно повиснув на руках и прижавшись животом к лестнице, он нащупал следующую ступеньку, сопя, сошел на пол и увидел, что у Риты на лице улыбка, какой улыбаются детям.

«Пожалела пентюха...»

И совсем уж, как ребёнку, сказала:

- Пойдем, Коля, домой...

- Как домой? - оторопел Чагин. - К тебе ведь нельзя...

- Теперь можно. Я же всё время была, как раньше говорилось, под надзором полиции. Следовательно почти каждый день к себе вызывал, допытывался, где ты скрываешься... А вчера сказал, что дело против тебя закрыто. Я не поверила, но в вечерних новостях был сюжет о том, как тебя твой зам. подставил. Ты теперь оправдан, а он под следствием.

- Вообще-то да, Шалаев тот ещё фрукт... Но меня это больше не интересует! Получается, я свободен и могу жить под своим именем - так ведь?

Рита кивнула.

- Всё-таки устроил Дятел моё счастье! - усмехнулся Чагин.

Рита тихо вздохнула и взяла его под руку:

- Ну, тогда пошли...

И в ту же секунду в кармане у Чагина вздрогнул мобильник.

- Всё в порядке? — спросил Дятел.

- Да.

- Слушай, тут Агата познакомилась с одним банкиром... Немолод, правда, но у них явно взаимный интерес. Что делать-то?

- А оставь Агату ему! Пусть она тоже найдёт свое счастье... Кстати, тебе это, может, зачтётся...

Императив

1. Лиза

Этот памятный для всех день - 8 апреля 19... года — для меня памятен вдвойне.

Мы сидели с Лизой у неё дома и слушали радиопостановку «Сказка о потерянном времени». Предназначалась она для детей младшего и среднего школьного возраста, но нас это совершенно не смущало. Наверно, потому что в восемнадцать лет ещё не слишком далеко отшагал от детства.

Впрочем, слушал я радиопостановку вполуха. Лиза же - вся внимание - сидела, не шелохнувшись и порозовев лицом. Прямо дитя, ей-богу!

Хотя, конечно, ничего детского в ней нет. И не было уже тогда, когда мы познакомились (в институте, где учились на одном курсе, но в разных группах). Наоборот, Лиза красива почти «взрослой» красотой. Если мне требовалось, чтобы мысли не сбивались с толку, я старался на неё не смотреть.

А она, по-моему, не замечала, что красивая. Во всяком случае, держалась Лиза так, словно у неё нет того тайного знания о себе, которое сокрыто в головке у каждой красавицы и которое побуждает её быть на высоте своего положения.

Волосы у неё каштановые и слегка вьются, но собирает она их небрежно и получается какая-то рассыпающаяся толстая коса. Отчего-то эта небрежность волнует, как будто щедро что-то обещает - я её подсознательно связывал именно со щедростью, которой в Лизе много. Широкая коса её лежит на высокой груди, в крупных яблоках светло-карих глаз — большие, будто бы замасленные радужки, а её губы, похожие цветом на неяркий тюльпан, так греховно припухлы, что хочется, чтобы они всей своей розовой плотью упруго толкнулись ... ну, хотя бы тебе в щёку!

На самом деле, губы у неё мягкие и горячие, в чём мне время от времени доводилось убеждаться. Как, например, сегодня, когда я по окончании радиопостановки полез к Лизе целоваться.

Вообще-то я постоянно подвергал её подобным нападениям, и она уже не сердилась на меня, а только выставляла перед собой руки. Правда, иногда, как вот сейчас, Лиза этого не делала. Знать наперёд, как она поступит, было невозможно. Совершенно.

Через минуту Лиза отстранилась от меня, встала, подошла к двери и... повернула ключ, вставленный в замочную скважину.

«Правильно, - мысленно поддержал я её, - а то ещё Марья Фёдоровна из своей комнаты пожалует».

Всякое могло случиться. Нежданно-негаданно.

Да, да, именно так!

Закрыв дверь, Лиза абсолютно спокойно расстегнула блузку и выставила груди, которые без привычной тесноты тут же разошлись в стороны... А недавно между ними в вырезе блузки темнела ложбинка.

Я стоял, заворожённый. Она опустила руку и потянула меня за брючный ремень...

«Ну, легче тебе теперь?» - спросила Лиза потом.

Легче... Разве может стать легче после глубокого потрясения?

Только что сказку слушали и вдруг... Ко всему ещё примешивалось недоумение оттого, что Лиза совершенно не казалась взволнованной или смущённой.

«Ну и что. Это делают все женщины и мужчины. Всегда. Рано или поздно», — такой, мне показалось, был у неё взгляд на случившееся.

Я и не ошибся.

- Ты меня пожалела?

- Нет, я тебя люблю. Это всегда происходит между любящими людьми. Рано или поздно. И какая разница, когда бы это случилось?

Я несколько успокоился, но в мозгу снова вспыхнуло:

- Ты ведь меня не первого... любишь?

Лиза осталась спокойной:

- С чего ты взял?

- Ну как...

- Глупый, мне природа подсказала...

Лиза особенно и не скрывала, что врёт, но именно этим как бы говорила правду. А действительно, каким ещё мог быть ответ на idiotский вопрос? Если спрашивает совсем уж дурак, то поверит, а если не совсем — тогда догадается, что дурак.

Я догадался, замолчал.

Лиза улыбнулась:

- Я тебя, правда, люблю.

- Спасибо, конечно...

Я помедлил.

- А знаешь, я тоже тебя люблю.

- Да? — Лиза вскинула на меня смеющийся взгляд. — И женишься на мне?

- Вот не пойму, Лизка, а ты-то чего глупости спрашиваешь?

- Что, не женишься? - шутливо насупилась она.

И я честно ответил:

- Не сомневайся. Обязательно женюсь.

- Ну, тогда выпущу тебя, - сказала Лиза, отпирая дверь, в которую через секунду постучала Марья Фёдоровна.

Лизина бабушка относилась к числу тех пожилых людей, глядя на которых начинаешь думать, что старость не страшна. Всегда в прекрасном настроении, добродушная, - потому, наверно, она и дожила до глубоких седин, а с её лица не ушла бесследно бывшая красота.

Волосы у неё, действительно, сплошь седые. И ещё - немного волнистые, как у Лизы. Хотя, конечно, наоборот. И вообще, в Лизе многое — цвет глаз, овал лица, даже носик — замечалось от бабушки, но это совсем не огорчало, если представить себе, какой она может быть в старости (полновата, правда, но это не беда).

Лиза жила с бабушкой, без родителей, которые работали за границей. Удивительно, но у меня было всё тоже самое: и попечение бабушки, и длительная командировка родителей.

- Геночка, я к тебе за помощью, — заулыбалась Марья Фёдоровна. В руках она держала деревянную шкатулку. — Посмотри, пожалуйста, это можно починить?

Я посмотрел: отсутствовала пара шурупов, которыми крепилась миниатюрная петля к крышке шкатулки, почему и открывалась крышка с перекосом. Из-за этого, между прочим, уже и вторую петлю собралась покинуть своя пара шурупов. Дело, конечно, поправимое: просто нужно укрепить гнезда и ввернуть в них шурупы потолще. Вот только откуда их взять?

«Надо дома поискать — у отца в инструментах есть коробка с разными винтиками и гайками. А пока можно посадить петлю хотя бы на один шуруп — любой из пары «дезертиров».

Вставив заточенную ножом спичку в отверстие для шурупа, я обломил её над поверхностью гнезда, постучал по застрявшему там обломку, забывая древесиной полость, взял «дезертира» и... Когда я намечал ему путь, он выскочил из пальцев и исчез.

С Лизой мы обползали всю комнату. В конце поисков к нам присоединилась Марья Федоровна. Она очень надеялась на свои очки для чтения, которые сильно укрупняли объекты. Не помогло. Шурупа и след простыл. А главное, мало, что он и в самом деле дезертировал, так ещё и меня в каком свете выставил!

Интересно, поговорка «Дело мастера боится» — она про кого? Ведь не теряет же она смысл, если слово «мастер» заключить в кавычки...

Конечно, тогда я об этом не думал. Я готов был провалиться сквозь землю и, если б не Лиза, которая старалась меня ободрить, обязательно провалился бы.

- Тоже мне, нашёл из-за чего расстраиваться! Этой шкатулке сто лет в обед. Сколько помню себя, она всегда такая была.

- Лиз, я завтра новые шурупы принесу и всё сделаю. Честное слово!

Мы стояли в прихожей, я уходил. Лиза поцеловала меня в щеку, и мы одновременно почувствовали, что получилось это как-то по-сестрински. Тогда она поцеловала меня в губы. Стало вкусно и радостно, хоть и продолжал ныть один беспокойный нерв, напоминая про чёртов шуруп.

Когда я вышел из подъезда, уже синели сумерки. На минуту мысли отвлеклись от Лизы, и мне показалось, что улица, полная звуков и движения, жила как-то сама по себе, без окружающей природы, которая, замерев, затаив дыхание, ждала близкого начала той благодатной поры, когда больше невозможно ненастье. Это было чем-то сродни ожиданию праздника.

И хотя иногда ещё подмораживало, да и снег кое-где лежал, всё говорило об одном: зиме пришел конец. Большинство шуб уже отправилось в гардеробы. То и дело встречались модницы в ярких демисезонных пальто, в толпе мелькали мужские кепки и шляпы. А если вдуматься, то до наступления Первой - то есть почти лета - оставалось меньше месяца!

И вот в эту замечательную пору со мной ещё и чудо случилось... Разве можно забыть сегодняшний день?

На самом деле, память именно о таких, нечаянно-счастливых, днях и ожидание дней, на них похожих, тихо и неотлучно живут в каждом человеке. Но сколько их бывает в жизни? - по пальцам перечесть!

Вот если б можно было бы отлистать время назад, как книжку до любимейшей страницы! И тогда — пожалуйста: снова радуйся, заново переживай! Илиего неразрывную нить потянуть на себя, до того самого — счастли-

ливого — узелка, и тогда окажется, что один из лучших дней был только вчера!

Понятно, ни о чём таком я тогда думать не мог — в силу возраста и того, что других мыслей, кроме как о Лизе, у меня не было.

Занятый ими, я не сразу услышал, что над улицей звучит песня: мятущийся голос Ободзинского пел про «эти глаза напротив».

Вдруг на небо вышла огромная луна, как красноватый желток. Люди даже приостановились, примолкли от неожиданности...

Такой вот был удивительный вечер...

Бабушка сидела в большой комнате (некоторые граждане, ставшие москвичами сравнительно недавно, называли такие комнаты залами) и дремала перед телевизором, который демонстрировал программу «Время». Леонид Ильич Брежнев порадовал население очередной яркой речью, историческое значение которой трудно было переоценить. Убеждаемая в этом строгой дикторшей, моя старушка прикорнула.

- Сейчас ужин согрею, - встрепенулась она.

- Потом, ба, — бросил я на ходу, устремляясь к отцовскому чемодану с инструментом.

Коробка нашлась быстро, и мне страшно захотелось, чтобы, когда я её открою, нужные шурупы сразу же попались на глаза.

Увы, на сегодня чудеса закончились, пришлось опрокидывать коробку на пол и перебирать её содержимое.

В этой россыпи винтиков, гаек и шайб встречались, между прочим, и предметы, мне принадлежавшие, но оставленные в детстве, а потому позабытые: плексигласовый мутноватый шар — однажды, будучи совсем маленьким, я его чуть не проглотил, часовая шестерня, которая казалась мне золотой, прозрачный кругляш с надписью «Выставка чехословацкого стекла. Москва. 1957 год».

Наконец, промелькнуло кое-что обнадёживающее. Через пять минут передо мной лежал необходимый шуруп, а ещё через полчаса - его собрат.

- Так греть тебе ужин или нет? — донесся голос бабушки.

- Грей! Сейчас приду!

Перед тем, как лечь в кровать, я завернул шурупы в бумажку и положил их на тумбочку.

Бездумно-счастливнонаглядевшись в потолок, я крепко уснул.

2. Катаклизм

Утром было очень тихо — не так, как всегда, когда из кухни долетали звуки от бабушкиного приготовления завтрака. Это я почувствовал, ещё не открывая глаза. А когда открыл...

«Где я?!» - ошалело кинулось в голову.

Я лежал не в своей кровати и не в своей комнате! Я вскочил, бросился за дверь... Квартира была чужая, и никого из людей!

Но ожидало меня и ещё одно ужасное открытие: пробегая мимо зеркала и заглянув в него, я обратился в соляной столб: там был не я!

Уж сколько простоял я так, не знаю. Из оцепенения вывел меня протяжный стон, который донёсся откуда-то сверху. И почти сразу же за стеной, в соседней квартире раздался крик, точнее, вскрик — прежде ничего столь отчаянно-горестного мне не приходилось слышать.

Но я продолжал стоять перед зеркалом и, невольно начав всматриваться в него, стал узнавать у глядевшего оттуда мужчины ... свои черты! Да, это был я, только старый!

А звуки продолжали прибывать. Разные, они все, несомненно, были отголосками беды.

Я выглянул в окно. В уютном дворике, в центре песочницы рыдала расстрёпанная женщина, которая, поднося руки к исцарапанному лицу, произносила одну и ту же фразу: «Что со мной?!»

Потом нам всем объяснили: случился катаклизм. Всем нам — это жителям Земли. А катаклизм - объяснили, разобравшись, учёные - случился временной. Что-то там, в мироздании, не так пошло-поехало, и время сдвинулось, просело, как если б два узелка - помните про нить? - соединились, а отрезок между ними провис. Вот и проснулись мы тридцать семь лет спустя, а канун катастрофы — день 8 апреля 19... года — сделался памятным для всего человечества.

Но утром 9 апреля о случившемся разрыве времени не знала ни одна живая душа. Ученые потом установят, что это было вовсе не 9 апреля, а 18 мая 20... года.

Тем, кого утром 18 мая застигло подле близких или хотя бы знакомых людей, конечно, повезло, потому что в одиночестве можно было легко сойти с ума. К сожалению, это со многими и случилось, но у большинства инстинкт выживания одолел и панику, и страх.

Мне тоже очень хотелось жить: ещё бы, только вчера я был щедро одарён и обнадёжен судьбой! Я позвонил Лизе — её телефон не отвечал, как не отвечали и по другим, известным мне наизусть номерам, а если на том конце и брали трубку, то это были незнакомые люди, в возбуждении восклицавшие: вы кто? что происходит? почему вы сюда звоните?

В тяжёлом раздумье я опустился на стул. Обрывки фраз, долетавшие до моего слуха через окна и стены (а всё кругом бурлило и стонало), наводили на мысль, что не только я постарел, переместившись к тому же в пространстве. А если это так, то похоже, многих, в том числе и моей бабушки, просто нет на белом свете... А мои родители? Нет, лучше об этом не думать...

Почему же я так ни до кого не дозвонился? Неужели все, как и я, прогнулись в чужих квартирах?

Внезапно в голове всплыл ещё один телефон — дачного приятеля Антона Крутлова. Я понял: это память посылает мне последний не набранный номер.

«И наверно, неспроста» - подумал я.

Во всяком случае, если Антони постарел, то, будучи старше меня года на четыре, точно уж не умер! Да и куда ему умирать: человек недавно женился...

«Вот дурак! Что несусь?» - спохватился я.

- Ген, ты что ли? — с удивлением и надеждой прозвучал голос Антона. — Хоть кто-то из знакомых нашёлся... Скажи, что происходит? Или у тебя там всё спокойно...

- Ты в зеркало смотрелся?

В трубке замерла тишина.

- Значит, и у тебя тоже самое, - ответил, наконец, Антон. — Представляешь, каково моей Татьяне?

- Представляю... Я сам чуть не рехнулся, когда себя увидел... А ещё я сегодня проснулся не в своей квартире. Ты-то, как я понимаю, дома?

- Дома, но тут всё не так... И соседи незнакомые. Причём, они и друг с другом незнакомы. Вон, высыпали на улицу... Некоторые вообще неменяемые... Может, это эпидемия?

- Чтобы все сразу постарели и переселились кто куда?.. Нет, это не эпидемия! Это напасть какая-то!

- Знаешь, мне Татьяна сказала, что у нас двое детей. Они, говорит, уже взрослые и живут не с нами... Бедная, неужели она так и не придёт в себя?

Напрасно Антон думал, что его жена не в себе. Это вскоре подтвердилось, когда к нему с Татьяной приехали... их дети.

Дело в том, что через некоторое время людей начала беспокоить странная память — память о непрожитом прошлом. Хотя ничего странного тут не было, потому что нить только провисла, а не оборвалась, и то, что люди восприняли как выпавший отрезок длиной почти в сорок лет, являлось лишь иллюзией разрыва времени.

Каждый прожил этот срок за ночь, и, кому было суждено, увидел мир в созданных его личной судьбой обстоятельствах.

Многие мужья впервые встречали своих жен, дети — родителей, но память оживала — и наступало узнавание...

Через пару дней и меня настигла моя память. Раньше я был женат, но не на Лизе. Мою жену звали Зинаидой. Сразу после заключения брака мы путём слияния наших жилплощадей приобрели большую квартиру в центре Москвы. А счастья в ней так и не нажили. И детей тоже (честно говоря, я не знаю, стоило ли этому огорчаться). В своём же нынешнем жилище я оказался в результате обратных действий: развода и размена семейного гнезда на две жилплощади.

Вот я сказал, счастья не нажили. Но я сказал так не потому, что помню, как жили мы без счастья, а потому что развелись, то есть исходя из логики. Да и вообще, раз я женился на Зине — значит, любил её, но я не помню этого чувства в себе. Получалось, что в моём уме удерживались все свершившиеся события, а в сердце, в его памяти, была пустота.

Удивительно, но то же ощущали и другие.

- Дети — это хорошо... - говорил Антон. - Это замечательно! Почему же радости никакой? Помню, как они росли, а как любил — нет... Чужие! И с Татьяной у нас неладно. Понимаешь, не старели мы с ней вместе. Вчера ещё молоденькая невеста была, а сегодня... Да и я для неё — тот ещё подарок...

Я убеждался больше и больше: катаклизм изменил всё внешнее, а человеческие души остались от него в стороне.

А ещё я совершенно не помнил, какими были наши с Лизой дальнейшие отношения, хотя то, что я женился на Зинаиде, наводило на невесёлые мысли. Но и сегодня я продолжал любить Лизу, как в тот апрельский вечер. Да и что могло случиться с моей любовью за ночь?! Ведь, по сути, тот вечер был всего лишь вчера.

3. Встреча

Прежде чем пойти к ней домой, я набрал её номер. В трубке щёлкнуло - кто-то подошел к телефону. Но я не стал слушать, кто: пусть побудет со мной надежда. А чтоб она не выпустила мою руку, придумал сказать себе: «Тогда, в первый раз, Лиза просто не слышала моего звонка».

Хотя на что я мог надеяться?! Увидеть постаревшую Лизу? А вдруг я испытаю то же, что и Антонк своей Татьяне, ведь и мы с Лизой не старели вместе. На самом деле, я боялся совершенно другого: вообще не увидеть Лизу.

На всём пути встречались мне люди с печалью в глубине глаз, со скорбным изломом губ, с лицами, которые, казалось, никогда не умели улыбаться. Да, счастливых людей не стало, все жили в опустошении.

Но когда дверь квартиры открылась, в мире всё же появился один счастливый человек. Это был я, который увидел на пороге Лизу!

Падавший сбоку свет ложился только на половину лица, но этого было достаточно, чтобы сразу же узнать её и с секундным опозданием изумиться: она совершенно не постарела!

Кожа - по-прежнему гладкая и смугловатая, радужка глаза, словно золотистый масляный шар, ничуть не полиняла, губы всё того же розово-тюльпанного цвета. (Раньше я время от времени пытал Лизу, чем она красит губы? Она их облизывала и говорила: «Видишь, ничем!».) Даже её фигура - всё то же очертание молодого женского тела!

Несомненно, передо мной стояла вчерашняя Лиза... Но разве такое возможно?!

Вдруг вздрогнула память, и мозг наполнился позабытым знанием о наших отношениях: у них не было продолжения, потому что Лиза уехала к родителям за границу, неожиданно для всех, сразу после того вечера, вот и всё.

Она пытливо смотрела на меня.

- Вам кого?

В этот момент в квартире послышался какой-то шорох. Лиза повернула голову, и тогда осветилась другая половина её лица.

Она была обезображена! Нет нужды описывать рваный разрез глаза, щёку, висок, на которых, казалось, не было кожи...

Я почувствовал, как слабею от необычайной жалости к этому любимому,

родному человеку. Неправду говорят, что жалость — постыдное чувство. Она, как и ревность, неотлучная спутница любви.

А Лиза, спохватившись, быстро отвернула лицо.

- Так вам кого? — досадуя на свою оплошность, жёстко сказала она.

- Лиза, я Гена, ты не узнала меня?

На лестничной площадке не горела лампочка, я был на тридцать семь лет старше — ничего удивительного. К тому же, вспомнилось мне, у Лизы какие-то проблемы со зрением.

Её глаза сузились в прищуре, но хорошо было видно, что они занялись радостью.

- Узнала! - вспыхнула она счастливой улыбкой.

Лиза сделала шаг мне навстречу, и... я едва успел подхватить её.

Я отнес её в комнату, положил на кровать. Рядом вился серый кот.

Вскоре Лиза очнулась, но я не дал ей подняться.

- Седой... - провела она рукою по моему виску. - А я тебя искала, ходила к тебе домой...

- Я давно там не живу.

- Давно? Как все перепуталось...

- Раньше у тебя кота не было.

- Ну да, а когда я проснулась, он уже был... А бабушки не было...

- Да... Выпала же нам доля...

Мы сидели в Лизиной комнате и тихо переговаривались. Я вполне мог бы себе представить, что сейчас тот самый апрельский вечер... Но было открыто окно, в него светило солнце, вливался запах сирени и по-ночному самозабвенно изливал душу какой-то и днём неприкаянный соловей.

Жизнь продолжалась, и мир продолжал быть, и в нём мы неожиданно нашли друг друга. Интересно, стал ли ещё кто-нибудь счастлив после катаклизма?

- Зачем ты тогда уехала?

Лиза рассказала об этом без волнения, обыденным тоном — она свылась с происшедшим 8 апреля.

Тогда, после моего ухода, Лиза отправилась в булочную: за ужином обнаружилось, что в доме закончился хлеб. До закрытия магазина оставалось четверть часа, Лиза очень торопилась и на перекрестке попала под автомобиль — спешка часто навлекает беду... Когда в больнице она пришла в себя,

доктор не стал скрывать того, что случилось с её лицом. «Сейчас мы сделаем вам операцию, но я ничего не гарантирую...»

Видимо, потому что в течение ночи Лиза находилась, по её выражению, «между небом и землей», то есть под наркозом, катаклизм подействовал на неё особым образом: она не постарела.

- А почему же ещё, ты думаешь?

Я пожал плечами. (Впоследствии мне приходилось встречать и других людей, которые также не постарели).

Ну, а потом Лиза попросила бабушку сказать мне и всем остальным, будто она уехала к родителям: не хотела, чтоб кто-нибудь видел её такой.

- Но почему же сейчас ты этого не боишься? Вон, даже искала меня.

- Всё стало по-другому, люди постарели. Теперь, мне кажется, ты не будешь стесняться меня... Ведь я молодая, а некрасива только половиной лица...

Я усмехнулся:

- Конечно, я-то и старый, и некрасивый...

- Старый? Некрасивый? Я этого не вижу.

Протяжный взгляд её, показалось, мягко погрузился мне в душу, и та восторженно замерла, как в детстве на качелях.

Переведя дыханье, я улыбнулся:

- Как будем дальше жить?

- Как будто ничего и не было. Да у нас с тобой тридцать семь лет ничего и не было...

4. Новая напасть

А между тем, не только отдельные индивидуумы, но и человечество в целом пришло к пониманию того, как существовать дальше: перестать изумляться и жить сообразно новым обстоятельствам. Оно и понятно: приспособляемость видов к внешним факторам - главное условие их выживания.

А вообще-то, данная проблема была временная и уже не стояла перед поколением, которое, например, только рождалось или находилось в незнательном возрасте. Что уж говорить о последующих поколениях!

Ну, а пока основу деятельного населения сплошь составляли жертвы катаклизма, главной задачей каждого государства стала скорейшая адаптация граждан к последствиям этого самого катаклизма.

Между прочим, государства на карте мира остались прежние. Вот только не было больше моей страны: она распалась.

Огромными тиражами, на множестве языков издавались брошюры серии «Как начать новую жизнь». Ученые всех стран совместно работали в самых разных областях науки, чтобы сделать доступными свалившиеся всем на головы дары прогресса, то есть быстрее восстановить общую память о том, как правильно ими пользоваться. Ведь поначалу не каждый, находя у себя в кармане мобильный телефон, мог вспомнить, что это такое. А ещё были ноутбуки, айподы, плазменные панели, автоматические коробки передач, Интернет, навигаторы и многое другое. Даже обращение с «одноруким» краном-смесителем на кухне требовало некоторых навыков.

Благодаря предпринятым усилиям общество сравнительно быстро оправилось от потрясения. Во всяком случае, внешняя сторона жизни выглядела теперь вполне благополучно: функционировали государственные органы и учреждения, открылись даже театры и музеи, люди ходили на работу - те, конечно, кто её имел (потому что в России сменился общественный строй и появилась безработица), ну а что у кого на душе - было делом сугубо личным.

Однако что-то там, в мироздании, здорово повредилось, и случилась новая напасть: один из параллельных нам миров потерял свою параллельность!

Первым проявлением этого стало событие, которое произошло в Москве, 12 июля, на Чистопрудном бульваре, именно в тот час, когда мы с Лизой сидели на скамеечке неподалеку от памятника Абаю.

Лиза зачитывала вслух помещенный в газете перечень международных праздников, установленных ООН или Юнеско.

- 14 марта — Всемирный день сна, 29 мая - Всемирный день здорового пищеварения, - Лиза еле держалась, чтоб не рассмеяться, - 14 июня — Всемирный день вязания на публике, - прыснула она, - 15 октября — Всемирный день мытья рук, - она откинулась к спинке скамьи в безудержном смехе.

- А ты раньше не слышала, что существуют такие праздники?

- Раньше? — Лиза перестала смеяться, посерьезнела. - Раньше мне было не до чего, жила в своей скорлупе... Библиотекариша... Знала только дорогу до работы и обратно...

- А мы в нашем КБ частенько развлекались этим перечнем...

Тогда же, помнится, я подумал, что у людей с высоким положением, как только они его достигают (в ЮНЕСКО ли, в министерстве ли — не важно), определённо что-то щёлкает в мозгах, и они начинают поступать вопреки здравому смыслу. И ведь хуже всего то, что делается это, якобы, во благо. Хотя, почему «якобы»? Такие люди всегда и всё делают для всеобщей пользы! А результат — хоть плачь, хоть смейся — сплошное недо-разумение!

Можно, конечно, говорить и об иных мотивах их поступков. Ну, например, человек терзается: что бы ему значительного свершить на своём посту? Знаний нет, талантами обделён, зато полно кипучей дури (она, как правило, всегда сестра льстивой преданности начальству) — и вот, получите, граждане, очередное нововведение. Главное, чтобы оно соответствовало духу и букве основного закона: «тащить и не пущать» (не путать с Конституцией)!

Понятно, о совсем уж больших начальниках, над которыми нет никого, кроме Бога, — особая речь. У них дури не бывает, а бывает мудрость, однако она такого свойства, что простой обыватель не в состоянии её постичь и даже как бы назло не желает жить лучше, хотя о нём неустанно радуют — вон, и пенсии щедро увеличиваются на 50 рублей в год, и количество миллиардеров растёт... Живи и радуйся! Но... Никакой благодарности...

А иногда их мудрость воплощается в памятники. У подножия одного из таких мы с Лизой и сидели.

Вообще-то я ничего не имею против Абая Кунанбаева, поэта и философа XIX века, к тому же, в известной степени, нашего соотечественника, поскольку родился он в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве Российской империи. Но тут вот какое дело: впоследствии это генерал-губернаторство стало независимым государством, посольские окна которого выходят на Чистопрудный бульвар. И всё было, как было, до тех пор, пока не наметилась особо тёплая дружба между нашими народами — боже упаси кого-то подумать, будто я против этой дружбы! Ну, а для того, видимо, чтоб она скрепилась навечно, наша верховная власть решила установить на бульваре скульптуру Абая. (Только это и можно предположить, следуя логике, — и получим редкий случай, когда логика и здравый смысл не идут рука об руку.)

Однако сложилось так, что достойнейшая личность Кунанбаева, увы, не слишком была популярна у москвичей, а в русской столице не стоял и до сих

пор не стоит памятник, ну, например, Куприну... Словом, москвичи долго ещё не могли опомниться от полученного подарка...

А дедушка Абай что ж, прижился... Сидит себе в тенёчке под деревом, смотрит с добрым прищуром на детишек и их мам, на бронзового журавля, пьющего воду из фонтана...

Однажды он даже собрал под своей сенью протестующих против власти того, над которым только Бог, но об этом уже мало кто помнит...

- Похоже, перечень здесь неполный, - сказал я, - например, есть ещё День поджелудочной железы... - и осёкся, так как метрах в пяти от нашей скамейки буквально из воздуха возникли два солдата... На них были зелёные кафтаны с красными обшлагами, и в руках они держали длинные ружья.

Конечно, можно было бы предположить, что это какое-нибудь театральное действие - вон и «Современник» через дорогу, - если бы не их лица. Они выражали какое-то грозное недоумение, недоумение с вызовом, не оставлявшее сомнения в том, что это - отважные, решительные люди, готовые при малейшей опасности вступить в сражение, и нет здесь никакой игры!

Напряженно озираясь, они почти прошли по нашим ногам, обдав душным запахом чеснока. Похоже, на мирное население они привычно не обращали никакого внимания. Один из них засмотрелся на Абая и приотстал, второй обернулся и гортанно крикнул что-то - не разобрать. Оба пошли рядом, чуть пригибаясь и держа ружья наперевес. Они были очень похожи друг на друга: одинаково поджарые, усатые, с худыми, прокопченными лицами.

Когда в конце аллеи показался патрульный полицейский автомобиль, сначала один из них, а потом и второй, видимо, по команде первого, припал на колени и взял ружье наизготовку. Публика на бульваре замерла, не веря глазам своим. Опять послышался гортанный возглас, а следом раздался сдвоенный залп.

Патрульная машина остановилась, но из неё никто не вышел. Пока она продолжала стоять, солдаты сноровисто перезарядили ружья и повторили залп. От капота машины завился блёклый дымок: видно, пуля попала в радиатор.

Тогда только из обеих передних дверей выскочили полицейские и кинулись в разные стороны под укрытие деревьев. Публика, тоже сообразив, что дело тут нешуточное, массово, и с левой, и с правой стороны бульвара начала перепрыгивать через ограду, ссыпаясь на трамвайные пути. Движение встало.

Вскоре к полицейским прибыло подкрепление.

Мы с Лизой после бегства стояли на чётной стороне улицы, возле дома номер 10 со странной вывеской «Деревяшка» (ресторан, что ли, такой?) и видели, как солдаты, примкнув штыки, бросились на окружающих их полицейских в атаку. Прозвучала автоматная очередь, смельчаки упали.

Утром следующего дня появилось информационное сообщение Министерства внутренних дел, где говорилось, что напавшие на полицейский патруль живы, но легко ранены, при этом личности их до сих пор установить не удастся, так как сами они называют себя солдатами лейб-гвардии Измайловского полка, утверждая, что шефом у них «сама государыня Екатерина Алексеевна», а командиром генерал - фельдмаршал князь Репнин. Всё это соответствует исторической правде, но ставит под сомнение душевное здоровье задержанных неизвестных, которые в связи с этим направлены на обследование в психиатрическую клинику.

Данное заявление должно было успокоить общество, да так оно и вышло бы, если б случившееся на Чистопрудным бульваре не стало происходить в разнообразных вариантах и на других территориях Москвы.

Согласитесь, при данных обстоятельствах было бы нелепо утверждать, что Москва всего-навсего подверглась нашествию сумасшедших, однако именно такую мысль чиновники попытались внедрить в головы населению (точно так же они всегда первым делом говорят о взрыве бытового газа, когда происходит террористический акт).

Бесславную попытку властей спрятать по-страусиному голову в песок окончательно сорвало появление самого князя Репнина, который, возникнув на Лобном месте напротив Кремля с десятком гвардейцев, объявил требование об освобождении солдат его полка. Наличие множества свидетелей из числа москвичей и гостей столицы лишило власти всякой возможности оставить ситуацию без последствий, то есть спустить всё на тормозах - авось само рассосется!

К тому же фельдмаршал был настроен решительно: в случае неисполнения его требования у него имелся приказ государыни о введении войска.

Присутствующие поёжились: уже никто не сомневался, что это смелые и воинственные люди, которые, судя по всему, не очень-то обескуражены открытием нового для себя мира.

К вечеру того же дня всех задержанных отпустили, но солдаты во главе

со своим командиром, вопреки ожиданиям, никуда не исчезли (все думали, что они вернутся домой), а встали лагерем в Измайловском парке недалеко от Главной аллеи.

К тому времени «параллельные» люди уже стали появляться не только в России, что вызвало незамедлительную реакцию заграницы - там началось всестороннее изучение данного явления. Тогда уж и отечественным учёным последовало указание заняться проблемой (не рассосалась-таки!).

Вскоре усилиями мирового научного сообщества было установлено, что произошла распараллелизация одного из миров.

Хуже всего довелось французам, к которым повадились являться кровожадные якобинцы.

Приходилось искать с пришельцами общий язык.

Наши власти тоже согласились на встречные шаги. Да и как тут было не согласиться, если сама императрица Екатерина Вторая изволила вступить в переговоры! (Подозреваю, многие там, наверху, не раз перекрестились: она хоть и Великая, а всё же, слава тебе, Господи, не товарищ Сталин!).

Спору нет - переговоры лучшее средство избежать конфликта, а власть на то и власть, чтобы быть умной и искать приемлемый компромисс. В общем случае это так, но наша власть весьма своеобразна: она крайне неуступчива по отношению к своим подданным, но безмерно податлива со всеми остальными.

Словом, сам собою вырисовывался обоснованный вопрос: а не учудит ли она что-нибудь и сейчас, тем более что граждане ещё помнили недавние переговоры с одним из соседних государств, в результате которых Россия по доброй воле осталась в дураках, то есть в дурах.

Хотя, не исключено, что народ по обыкновению просто не постиг всей глубины государственной мудрости: ему-то, наивному, всегда кажется правильным только то, что разумно.

Как бы то ни было, очень многие опасались неблагоприятного для населения исхода переговоров.

И что же? Правильно опасались!

Подданным Екатерины Алексеевны разрешено было объявляться в любое время на любой российской территории, беспрепятственно селиться среди граждан и вести трудовую деятельность. Нет, конечно, ограничения существовали: деятельность должна была быть законной, то есть грабить и

убивать запрещалось, а для поселения требовалась справка с предыдущего места жительства. Однако там, откуда были подданные императрицы, не существовало паспортных столов, поэтому положение о справках тут же и похерили.

По мнению отечественных государственных мужей полагалось считать большой победой то, что и нам разрешалось всё то же самое в чужой земле, пути проникновения куда торжественно обещали показать «наши уважаемые партнёры» (так изящно называли они екатерининских послов, хотя партнёрство было явно навязанным).

Только вот сограждан, пожелавших воспользоваться таким правом, можно было по пальцам пересчитать (в основном, командированные научные работники), чего не скажешь о представителях распараллеленного мира.

Они стали массово появляться среди нас, причём это были не самые лучшие люди своего времени. Сталкиваясь с той грубой жизнью, которая бурлила вокруг них, приходилось всякий раз убеждаться, что процесс эволюции человека нельзя считать законченным, пока жестоки нравы и обычаи. (Правда, глядя на себя и сограждан, понимаешь, что процессу этому ещё далеко до конца. Но всё же...)

Ермилыч поселился на первом этаже нашего дома (мы жили в Лизиной квартире), и вскоре исчез наш кот (впрочем, я не утверждаю, что эти события взаимосвязаны). Чем зарабатывал он на пропитание и как вообще оказался нашим соседом — никто не знал. Была у него жена, пожилая, печальная женщина, которая выливали из ведра зловонное содержимое прямо у подъезда. Ходил Ермилыч, невзирая на лето, в овчинном тулупе и всегда у него из-за пояса торчал топор. Борода, глаз цепкий и холодный, шрам через всё лицо дополняли его разбойнический вид. По-видимому, был он из отставных солдат, во всяком случае, Ермилыч водил тесную дружбу с теми гвардейцами, что расположились в Измайловском парке. Они частенько навещали к нему в гости. Из всех благ цивилизации особенно пришлись им по душе сигареты «Прима» - красная и водка «Испанский лётчик» (водка, конечно, была известна этим людям, но в качестве не столь крепкого хлебного вина, а сигарет они не знали вовсе).

Гости Ермилыча гуляли яростно, безудержно - горе тем, кто попробовал бы помешать их буйству. Включая, между прочим, полицейских, которые однажды всё-таки увезли свирепых товарищей Ермилыча и его самого в

«кутузку». Кончилось всё позором: поступила команда выпустить дебоширов из полицейского участка, осаждённого к тому времени их соплеменниками (в очередной раз проявилась недоступная пониманию простых граждан мудрость наших властей).

С тех пор никто больше не пытался умерить пыл измайловской братии, а мы с Лизой переехали жить в мою квартиру.

5. Нежданно — негаданно...

Мы возвращались из гостей, от Кругловых.

Незадолго до этого, повстречавшись с нами на улице, они познакомились с Лизой и пригласили нас к себе на ближайшую субботу.

У Кругловых мы провели два часа и уходили с облегчением: слишком тяжело было смотреть на их нелюбовь друг к другу.

Эта нелюбовь была ещё спокойна и терпелива («ну расскажи, расскажи, если тебе так хочется, эту дурацкую историю» - с усталой улыбкой говорила мужу Татьяна) и больше напоминала скуку («только половина восьмого, на улице дождь!», - удерживали они гостей, неподдельно огорчаясь оттого, что останутся вдвоём: «опять весь вечер в телевизор пялиться!»). Но порой в ней уже посверкивала маленькая обоюдная неприязнь («снова ты зонт на место не убрал!» — «не я, а ты!.. вечно с больной головы на здоровую сваливаешь!»).

Одолженный зонт нам так и не понадобился, потому что дождь закончился почти сразу, как мы вышли на улицу.

Лиза с грустью сказала:

- Говорят, любовь делает людей лучше. Получается, что нелюбовь...

Не договорив, она посмотрела на меня:

- Наверно, порознь они хорошие люди...

- Хорошие, - согласился я. — Но их женитьба — ошибка.

И не удержался от горькой усмешки:

- Как показало время... Знаешь, всё-таки есть один несомненный плюс в этом чертовом катаклизме. Благодаря ему каждый имеет шанс оценить свои недавние поступки. Понимаешь? Не через десятки лет, а прямо сейчас. Имеющий уши, да услышит, имеющий глаза, да увидит! Теперь очень многие не сделали бы того, что они сделали буквально вчера. А Кругловы... Кругловы, мне кажется, ещё не знают о своей нелюбви.

- Как же всё запутано. Мне почему-то тревожно за нас.

- Ну, мы-то как раз сделали то, что нужно было сделать раньше. Всё будет хорошо.

С окончанием этой фразы мне на голову обрушился тяжёлый удар.

«Переселенцы» напали на нас, когда мы шли по чахлой аллейке, ведущей к подъезду нашего дома.

Собственно, целью нападения была Лиза, а я получил свой удар, потому что мешал их делу добычи самки.

Однако нам повезло. Во-первых, удар, хоть и сильный, не лишил меня сознания, во-вторых, нападавшие оказались явно не из числа «измайловцев». Я разглядел двух тщедушных, бродяжьего вида мужичков, вооружённых палками. Они зло, по-волчьи щерились, сбитые с толку тем, что я не упал, и потому не решались накинуться вновь.

А, в третьих, Лиза не растерялась и повернулась к ним той, другой стороной лица.

Нетрудно представить, какой холодный дождь окатил их. Оружие выпадало из рук, мужички развернулись, чтобы бежать. Но не побежали... Видимо, смекнули в последнюю секунду: а баба всё же хороша, чёрт с ним, с лицом, зато всё остальное...

Только я уже успел завладеть их палками. С той, что поувесистей, я кинулся на несостоявшихся насильников. Хватило удара по спине одному и по шее другому, чтобы они, тихо подвывая, пустились наутёк.

А мне впору было воскликнуть: «Ура! Виктория!»

Я обернулся и увидел: внезапно поникнув духом, Лиза тихо и горько плакала.

Я подошел, обнял её:

- Ну, что ты... всё обошлось...

- Ничего не обошлось, - с отчаянием, заикаясь от всхлипов, отвечала Лиза, - и никогда не обойдётся, пока они будут жить рядом с нами...

- Но мы не в силах что-либо изменить!

Она подняла на меня умоляющее лицо:

- Давай уедем отсюда!

- Но здесь наш дом, это наш город, мы в нём родились...

- Я же не прошу уехать насовсем... Может, со временем что-то изменится... Должно измениться...

- Куда же мы уедем? Разве они не повсюду?

Лиза перестала плакать. Блестящая мокрыми глазами, она заговорила собранно, по-деловому:

- Я на форуме в Интернете читала: такие места есть. Например, Куршская коса в Калининградской области. Там они, в этой области, вообще не объявлялись. На Куршской косе тихо, уютно. Море, дюны... Я там в позапрошлом году с родителями...

Лиза осеклась, и печаль пробежала по её лицу. И по моему, наверно, тоже — куда же ещё она могла направиться от сердца?

Мы уже были на пороге нашей квартиры. Когда дверь закрылась, Лиза прислонила голову к моей груди:

- Ну, пожалуйста, поедem... Купим там домик и будем спокойно жить. Ведь мы можем себе это позволить?!

Дело в том, что недавно я стал богатейшим человеком!

Нет, я, конечно, никогда не верил приходящим на мою электронную почту сообщениям о скончавшемся за границей состоятельном родственнике - подобные письма-уловки с целью выуживания денег у доверчивых адресатов регулярно рассылаются по Интернету, но, когда такое письмо оказалось написано не корявым, а абсолютно грамотным русским языком и подписано нотариусом Инюрколлегии, я не отправил его в спам. Ну, а после встречи с тем нотариусом осталось лишь порадоваться своему неожиданному счастью.

Правда, некоторое время мне казалось, что я сошёл с ума, потом я начал думать, что с ума сошел некий французский гражданин Александр Дор, - однако вскоре выяснилось, что никто с ума не сходил, а завещатель - мой родной дядя.

Вообще-то, в нашей семье было принято считать, что брат моей матери Александр Петрович Дорошин пал смертью храбрых на полях Великой Отечественной войны. На самом же деле он попал в плен, оказался в лагере во Франции, из которого бежал к партизанам.

Похожие истории случались, но нечасто, и уже поэтому они необычны. История же моего дяди необычна ещё и потому, что, в отличие от других героев, которые либо погибали в рядах Сопротивления, либо по возвращению на родину снова оказывались в лагерях, он остался после победы над фашистами во Франции.

Всё это, а так же то, что Александр Дор владел крупным бизнесом, был холост и бездетен, установил энергичный нотариус Иньюрколлегии, с которым я щедро расплатился.

И ещё с грустью в сердце я догадался: моя мать всё-таки знала, как сложилась судьба её брата, но поделиться этим могла, наверно, только с моим отцом. Разумеется, и Александр Дор не упускал из виду свою оставленную на родине сестру.

Дядюшкино наследство полностью освобождало нас от забот о хлебе насущном, но мы с Лизой почему-то продолжали ходить на работу - наверно, по привычке и потому ещё, что в нашем мире, невероятно искажённом разрывом времени, как-то само собою умалялось значение всего, не связанного с катаклизмом. А потому факт получения мною целого состояния казался не столь уж и важным и оставался в стороне от течения жизни — загорал, так сказать, на берегу. Но вот его смыло, поглотило этим течением, и я отчётливо понял, что обладаю возможностями, которых нет у других, и пришло время ими воспользоваться!

6. Куршская коса

Собирались мы недолго и уже через неделю были в старинном Кёнигсберге, нелепо переименованном в 1946 году в Калининград. Нет, конечно же, ему не оставили бы прежнего имени, как и всем городам и сёлам той части Восточной Пруссии, которая после второй мировой войны отошла Советскому Союзу. Но, возможно, он стал бы тем же Светлогорском, Янтарным или Зеленоградском. Однако случилась смерть «советского президента» и «всесоюзного старосты». Ничего удивительного: от дикой большевистской традиции переименовывать города в честь своих видных деятелей пострадал не один Кёнигсберг. Удивительно другое: впоследствии даже Ленинграду вернули его историческое имя... А между тем, Калинина никогда ничто не связывало с Кёнигсбергом. Как, кстати, и Ногина с Богородском или Загорского с Сергиевым Посадом.

Из Калининграда такси домчало нас по прекрасному шоссе до посёлка Лесной - первого после узкого перешейка на Куршской косе. Там мы и остановились в гостинице.

Судя по всему, посёлок недавно пережил строительный бум, а до того выглядел он довольно бедно. И сейчас ещё то и дело встречались постройки

в стиле советского аскетизма, когда жилищу полагался минимум бытовых удобств и не полагалось никакого украшения.

По тому же принципу строились и наши подмосковные дачи, точнее, садовые домики. В моей прошлой жизни у родителей был такой домик: деревянные половицы, печь-голландка, два небольших окна - одно напротив другого, из мебели - кровати и стол. Снаружи тоже всё сурово: оштукатуренные серые стены, крашеная зелёной краской железная крыша, а из излишеств - разве что наличники на окнах.

И всё-таки было в этих домах и солнечно, и уютно. Помню, запах вымытого пола, ромашки в вазе на столе и сноп золотого света через открытую дверь. Помню... А ведь было это почти вчера!

Иногда в посёлке на одном и том же участке стояли новый дом и старый, который ещё не успели снести, - яркое свидетельство того, как жили отцы и как живут дети. Дети теперь жили в недружелюбных домах — предметах, полных излишеств.

Наше внимание привлек участок — тоже с двумя домами, но они, судя по мутным оконным стеклам и буйно заросшему саду, давно были покинуты людьми.

Тот, что ближе к изгороди, старинной постройки. Его возвели в свой век добропорядочные немецкие бюргеры, и был он с черепичной крышей, кирпичными стенами грубой кладки - так строили здесь люди и двести, и сто лет назад, пока не оставили этих земель - не по своей воле, но в расплату за веру своему кумиру.

Другой дом напоминал милый моему сердцу домик на нашей даче. Он, конечно, был больше и выше, но тоже без изысков, по-деловому прост и напрашивался на сравнение с коренастым грибом.

Чтобы узнать, как приобрести эту недвижимость, мы отправились в поселковую администрацию, которая размещалась в торце неуклюже приземлившегося здания, возведённого безо всякого архитектурного замысла.

К порогу через заброшенный угол, поросший кустарником и высокой травой, вела узкая тропинка.

На двери был замок. Пахло дерьмом и цветущим репейником, над которым летали красивые бабочки.

Несколько дней кряду приходили мы сюда, но замок, как висел криво-боко в дверных ушках, так и продолжал висеть, словно приросший к ним.

И всё-таки однажды дверь оказалась не заперта. Мы вздохнули с облегчением.

А напрасно: главный начальник отсутствовал, и вообще - единственной живой душой в администрации была уборщица.

Поднявшись над половым ведром и отерев концами платка широкое рыхлое лицо, она сказала:

- Не знаю, когда будет. У него запой.

И поторопились рассеять недоумение с наших лиц:

- Скажите спасибо, что он из этих запоев ещё выходит! А как вы думали? Вчера вон - секретарем обкома был, а сегодня - сказать без обид - старший по посёлку. Тут запьёшь! Как не запить! Я сама вчера только с танцулек прибежала. Проснулась - а жизнь-то прожита: вдова, трое детей и оба сына в тюрьме! Ничего хорошего не помню!

Все мы тяжело вздохнули.

- А вам зачем Петрович понадобился? - недолго горяя, поинтересовалась женщина.

- Хотим тут у вас поселиться, купить участок.

- Вы ж откуда будете?

- Из Москвы. Меня зовут Геннадий, это моя жена Лиза, а вас как зовут?

- Галина я. Видать, совсем доняли вас эти... «гости»? У нас-то здесь хорошо, почти никого нет.

- Почти? - встревожились мы.

- Ну, приходил тут старикашка один, так он не в счёт. А какой участок вы приглядели?

Мы объяснили.

- Там Серовы раньше жили. Николай Алексеевич главным инженером в нашем совхозе был. Это с его племянничком у меня все случилось, чтоб ему... Паразит, оставил вдовой... Если бы сейчас - я б ни в жизнь, даже на шаг не подпустила бы! Вообще б на те танцульки не пошла! - в голосе Галины звучал плач.

- И где же теперь Серовы? - прервал я новые горевания женщины, зная уже, как просто перенастраивает она мысли.

Галина улынулась.

- Так они отщепенцами оказались, уехали в свой Израиль!

- Это Серовы-то?!

- Ну да... Конечно, сам Серов еврей никакой, а вот Ирина его... Потом, правда, говорили, будто они вместо Израиля в США очутились, а как на самом деле... - она пожала плечами.

- Кто же владеет оставленным имуществом?

- Да никто. Перед отъездом продали они всё совхозу, а совхоз что... Нужны ему были эти дома... А теперь и вовсе совхоза того нет...

- И как же нам быть?

- Идти к Петровичу. Думаю, через пару деньков появится. Да, в пятницу наверняка появится. Только вы его ловите утром, а то, сами понимаете: пятница... С неё всё и начинается - как бы он опять... того...

Застигнутый нами на рабочем месте Петрович, точнее, Виктор Петрович Миронов, имел, как и положено после запоя, угрюмый вид. От высказанного нами намерения приобрести недвижимость у него заострились черты, что показалось мне следствием возникшего раздражения. Однако вскоре, заметив, сколь хищно стало выглядеть его лицо, я догадался: это проснулся в нем старый добрый российский коррупционер.

Я перестал ходить вокруг да около и назвал солидную сумму.

Петрович потупился:

- А девушка, извините, она кто?

Тут-то до меня дошло, что я нарушаю главное правило взяточдачи: процесс не должен происходить при свидетелях.

Лиза это тоже поняла и молча направилась из кабинета.

В общем, свершилось преступление, и не отсохла рука Петровича, да и моя не оскудела. А что мне оставалось делать? Не знаю... Хотя хорошо знаю, что надо было делать Петровичу: без проволочек дать согласие на продажу недвижимости.

Берущий всегда виноватее дающего. Но в нашем отечестве всё едино, тогда как ставить их на одну доску можно только по глупости или из глумления над здравым смыслом.

Итак, мы стали владельцами участка и двух домов.

С самого начала было ясно, что жить мы станем в «новом» доме.

Несколько дней наводили мы в нём порядок, да так и не закончив, устроили новоселье. Накупили вина, еды, вкусной и вредной (по-другому же не бывает), Лиза ещё и картошки нажарила, вынесли столик на площадку перед крыльцом...

Было солнечно и тепло, над головой стояло высокое ясное небо - такая небесная чистота редкость на море. А его было много: слева - Балтийское, справа - Куршский залив. Мы - посередине, в тени запущенного сада, под стенами забытого людьми дома. Но мы уже во многом чувствовали их приязнь к себе — ну, например, в тишине, которую они наслади на наши души.

Да, наверно, впервые за последнее время было так покойно.

«Это от выпитого вина», - скажет какой-нибудь поборник правильного образа жизни.

Взглянув в кислое лицо любителя овсянки и пеших прогулок, не захочется спорить, а захочется разлить по бокалам вина и, сделав пару глотков, положить в рот кусочек копчёного угря. И вот так неправильно провести время до самого вечера, а потом пойти к морю и искупаться.

Именно это мы и сделали с Лизой.

«Какая же она красавица!» - любовался я Лизой, которая только что вышла из воды и теперь, подставив солнцу лицо, отжимала волосы. Эти закинутые руки, приподнявшаяся грудь, стройные расставленные ноги - казалось, будто сейчас унесется она куда-то ввысь, оттого что природа решила забрать однажды приготовленный себе самой подарок.

Я давно уже не замечал того, другого её лица.

В прошлом, глядя на фотографию поэта-классика и его женщины, я думал: ведь она откровенно некрасива! А когда узнал отклики о ней современников, задался вопросом: что нашёл он в этой женщине?

Откуда посторонним людям знать, что видят чьи-то любящие глаза? А они, действительно, различают никем не замеченное, но слепы к очевидному.

Лиза в первое время старалась располагаться ко мне одним только боком, а потом всё-таки поверила: я совершенно не боюсь её второй, стёртой, половины лица. Похоже, это придало ей силы, она сделалась спокойной, уверенной в отношениях с окружающими, да и со мной совсем стала прежней.

Недаром говорится: нет худа без добра. Благодаря наступлению нового времени появилась возможность вернуть Лизе потерянное.

Она же на это отвечала:

- После того, как мы нашли, мне ничего не надо.

Может и так. Даже, скорее всего, так и было бы в случае нашей бедности. Однако мы многое могли себе позволить, и ей, несомненно, хотелось об-

рести свой прошлый облик - какой человек отказался бы от этого, тем более, женщина! Но... Но требовалось исполнить определенный ритуал.

И вот по его завершению Лиза уступила; была найдена немецкая клиника, и уже через месяц мы вылетали в Германию.

А пока...

Во второй раз я не рискнул искупаться: всё-таки вода в Балтийском море даже в жаркую погоду прогревается недостаточно. Да и вообще... Всякое может случиться... Жёлчный от болезней муж - не хотел бы я такого для Лизы.

Господи! Уму непостижимо! О ком это я?

Иногда, в первые секунды после пробуждения я бываю уверен, что мне восемнадцать лет, что возле кровати - тумбочка с завёрнутыми в бумажку шурупами, и что скоро я увижу Лизу.

Я её, действительно, вижу - рядом, такую, какой и ожидал увидеть, но вижу и свое тело, сухо обтянутое кожей. Я ли это? Со мной ли это происходит?!

Однако непроснувшаяся вместе со всем организмом память спохватывается, распаивает глаза, и я вступаю в реальность...

Итак, окунаться в море второй раз мне не хотелось.

- Ну, тогда и я не буду, - сказала Лиза. - Домой? Только давай сначала немного пройдемся.

Мы шли по песчаной золотистой полоске, которая скатывалась с зыбких дюн и тонула в море долгим мелководьем.

Какой-то мужчина, возвышаясь солидной фигурой вдали от берега, стоял при этом по колено в воде и задумчиво курил.

Тихое море млело под солнцем.

Ветерок едва заметно касался кожи.

Мы добрали до местной набережной - недлинной и неширокой, с ресторанчиком и киосками по продаже пива и вод. На набережной было оживлённо. К ней только что подъехал свадебный кортеж.

В голове пронеслась фраза из незабвенных «Двенадцати стульев»: молодая была немолода. То же самое относилось и к новоиспечённому мужу.

Всё-таки мозг ещё до конца не перенастроился, иначе не родилась бы эта усмешка, свойственная поре глупой уверенности, что ты никогда не постареешь.

А между тем, и новобрачные, и гости были явно моими сверстниками, и бог знает, какими непростыми путями сошлись их судьбы.

Вдруг из толпы появился старик в чёрном, точнее, он её прорезал своим стремительным движением вдоль набережной. На нём были надеты шляпа и камзол, из-под которого виднелись тонкие ноги в чулках и башмаки с круглыми носами - всё его обличие свидетельствовало, что он из числа «пришельцев». Похоже, это именно о нём говорила Галина.

Мы направились домой. Удивительно, но старик ни на минуту не исчезал из виду: его маршрут полностью совпадал с нашим. Более того, достигнув нашего дома, он остановился и стал изучающе смотреть за изгородь.

- Вас что-то интересует? - спросил я, поравнявшись со стариком.

Тот улыбнулся и пробормотал несколько слов, скорее всего, по-немецки. Затем сказал, демонстрируя слабое владение русским языком:

- Ви есть хозяева этих жилища?

- Да, мы.

- У меня имеется поручение. Разрешите представляться: Эммануил Кант, профессор Кёнигсбергского университета...

Большинству современных молодых людей это имя ничего не говорит, однако для нас, выращенных советской высшей школой, где преподавание социально-экономических дисциплин находилось на особом счету, Эммануил Кант был, как родственник, не очень, правда, любимый, но близкий.

Критике его философского наследия отводилось немало учебных часов, но действительно постичь философию Канта, а потом ещё и усвоить её критику, удавалось... нет, таких я не встречал. Вытащить на экзамене билет «с Кантом» означало крупную неудачу...

В том, что нам повстречался человек из далёкого восемнадцатого века, уже не было ничего необычного, но это был особенный, выдающийся человек не только своего времени, но и последующих веков!

И не имело никакого значения, что я ничего не смыслил в философии. В конце концов, я не люблю балет, но он от этого не перестаёт быть великим искусством.

У меня пересохло в горле.

- Прошу вас пройти в дом.

- Благодарю, - учтиво кивнул Кант.

В голове пронеслось всё, что я помнил из наследия философа: «Критика чистого разума», «человек как вещь в себе» и что-то насчет «звёздного неба

надо мной и морального закона во мне». В других обстоятельствах я вполне мог бы собой гордиться, но меня явно не хватило бы на беседу с родоначальником немецкой классической философии.

«Да этого и не потребуется! — всё-таки опомнился я от излишнего волнения. - Не для разговоров же о философии он явился!»

Проходя мимо столика с остатками яств, я захватил бутылку вина, а умница Лиза ещё раньше меня взяла вазу с фруктами и тарелку с клубникой.

У Канта было вытянутое лицо, казавшееся таким из-за огромного лба, выкатывавшегося из-под завитого парика, круглые глаза, большой нос, мясистые губы.

- Найн, найн, - запротестовал гость, когда я хотел наполнить его бокал. - Я уже пил с Петрович ваш сидр. Я потом хворал, как это Петрович сказать, дристался...

Лиза хихикнула. Кант повернулся к ней с добродушной улыбкой.

- Это не сидр, - заставил я оставаться неподвижным свое лицо. - Попробуйте, это замечательное итальянское вино.

Кант сделал опасливо полуглоток, после которого воскликнул:

- О, гут! Это не сидр!

И допил весь бокал.

- А вы с Петровичем знакомы? - спросил я, подливая ему вина.

- Конечно. Я должен был посетить бургомистра.

- И он узнал в вас великого философа? - без обиняков спросила Лиза.

- О, мои друзья! - польщёно заулыбался Кант. - Я не ждате от вас тако-го. Данке...

Далее гость поведал, что глава администрации не понял, кто перед ним, но заметил, что имя это он раньше слышал. Ещё он упомянул неизвестные Канту имена Маркса, Ленина и Фейербаха.

«Ну да, - подумалось мне, - что-то же должно было остаться в голове у Петровича после Университета марксизма - ленинизма, в котором он, наверняка, учился в годы строительства своей партийной карьеры».

Затем Петрович предложил гостю выпить за знакомство, в результате чего философ познакомился с сидром и нужником во дворе администрации, который произвёл на него особенное впечатление.

Кант был счастлив оказаться у себя дома. Он ни за что не появился бы здесь опять, но чувство долга требовало его возвращения.

- Это дело чрезвычайной важности! — поднял указательный палец Кант.
— Чрезвычайной важности для всех!

Думаю, читатель не станет возражать, если в дальнейшем ломанной русской речи философа будет придана необходимая правильность.

- И вы, - окинул он строгим взглядом хозяев, - не должны оставаться в стороне!

7. Кант и узник

Никогда бы он по своей воле не поехал на Куршскую косу, к этим странным людям, которые ловят ворон и прокусывают им головы. Варварский обычай! Они этих бедных птиц потом ещё и в бочках солят!

Да что там Куршская коса! Он вообще никуда дальше Кёнигсберга не ездил!

Свойственной многим людям страсти к путешествиям у него не было. Он не любил суеты и перемен, потому что они мешали созерцать и думать.

Вселенная, возникшая, по его мнению, из хаотического облака частиц, Бог, о котором ему постоянно напоминали две вещи: звёздное небо над головой и моральный закон в сердце, человек — «высшая ценность» в мире - лишь на разгадку этих тайн стоило тратить силы.

К сожалению, Канту выпало родиться со слабым здоровьем - и чтобы сохранить как можно дольше работоспособность, он установил для себя строгий режим: подъём в пять часов утра, два часа работы, во время которой он выпивал несколько чашек чая (и выкуривал трубку, но об этом сейчас лучше не упоминать), в семь часов - завтрак, потом до обеда лекции в Университете, обед - непременно дома, в шесть часов вечера обязательная прогулка, отход ко сну ровно в девять.

Обычно, оказавшись в постели, он сразу же и засыпал, однако с недавних пор сон то и дело застревал где-то по пути к философу, и приходилось его «вылѣживать» в мучительно горячих подушках.

Причиной тому было пение, которое доносилось из тюрьмы, расположенной напротив профессорского дома. Пели заключенные, коротая томительно текущее время.

Через несколько дней терпение Канта закончилось, и он направился к директору тюрьмы с жалобой.

Объяснение с ним происходило на виду заключенных, которые, отделѣн-

ные решеткой, содержались в огромном помещении с грубо сколоченными столами и лавками.

- Разумеется, господин Кант, - сказал директор, улыбаясь проваленным с одной стороны ртом и плутовски посверкивая быстрыми глазками.

- Слышите, вы! - крикнул он своим подопечным. - Из-за вашего пения один из самых уважаемых граждан нашего города лишен возможности отдышаться! Чтобы больше от вас не исходило ни звука!

Кант поторопился смягчить директорский приговор:

- Однако я вовсе не возражаю, если господа заключенные будут петь в часы моих занятий в университете.

- Ничего с ними не сделается! - остался непреклонен начальник.

Кант, почувствовав себя виноватым, остановился перед дверью и вдруг услышал:

- Господин Кант! Умоляю! Поговорите со мной!

Это вскочил со скамьи мужчина в необычной одежде: очень коротком чёрном камзоле с вырезом на груди, в котором серела грязная сорочка, и чёрных же штанах прямого кроя.

- Весьма странный тип, - приблизился к профессорскому уху директор тюрьмы. - Его задержали, когда он пытался расплатиться фальшивыми деньгами.

- Я готов вас внимательно выслушать, - ответил узнику Кант.

- Благодарю! Только наш разговор должен быть с глазу на глаз. Это очень важно!

По просьбе профессора директор распорядился отвести заключённого в отдельное помещение.

- Я вас слушаю, - Кант внемлуще остановился на мужчине взглядом.

- Профессор, - начал тот. - Я прекрасно знаю, что разговариваю сейчас с одним из величайших философов, одним из мировых гениев...

- Ну, будет вам, будет, - смутился Кант. - С чего вы взяли?

- Я знаю это наверняка, потому что... - он не договорил, и спросил после паузы:

- Слышали ли вы о том, что существует такой же мир, как этот, только он по отношению к нашей реальности - будущее?

- Да, да, я слышал об этом. Ещё мне говорили, что теперь можно легко проникать из одного мира в другой. Но я не верю в небылицы, - мягко улыбнулся Кант.

- Но всё это правда! И я как раз и появился из того мира! Более того, я сделал так, что наши реальности пересеклись. А до этого из-за моих экспериментов произошел разрыв времени...

Человек, виновный во множестве человеческих бед, имел самую заурядную внешность. Это был невыдающегося телосложения мужчина со светлыми волосами, серыми глазами, шишковатым носом. Таким лицам не идут ни усы, ни борода, а потому светлая щетина, которой он оброс, придавала ему неопрятный вид. Впрочем, не по своей же воле не брился он.

И никакой это был не камзол, его одежда состояла из пиджака, брюк и некогда белоснежной сорочки, отчего и выглядел он так необычно для окружающих.

Звали его Андрей Шувалов. Узнав о том, что он русский, Кант предложил перейти на его родной язык.

Кант немного знал русский: всё-таки Кёнигсберг в течение семилетней войны находился под юрисдикцией России, и ему довелось изучать этот язык. Он даже попытался в своё время составить на нём прошение на имя императрицы Елизаветы (о месте ординарного профессора Кёнигсбергского университета). Однако вскоре передумал и подал документ на немецком.

Шувалов согласился, но после нескольких произнесённых профессором фраз попросил вернуться на немецкий язык, тем более что владел он им безупречно.

8. Злоключения ученого

У него было достаточно времени хорошо изучить этот язык, поскольку в Германии Шувалов жил без малого двадцать лет, с тех самых пор, как прямо с научной конференции заявился в ближайший полицейский участок Мюнхена и попросил у властей убежища. Получить его оказалось довольно просто, поскольку талантливый ученый, несмотря на молодость, был уже хорошо известен в научных кругах. А какому же государству не нужны великолепные мозги? (Я знаю, о чём Вы подумали!).

Узнав о случившемся, приставленный к советской делегации гебешник прибыл следом за Шуваловым в полицейский участок и... тоже попросил убежища. С тех пор жизни их протекали рядом: Шувалов работал в лаборатории научным руководителем, а Синельников охранником при ней.

В ту злополучную ночь, когда в результате вышедшего из-под контроля опыта произошел разрыв времени, в лаборатории их было только двое, и им непостижимым образом повезло — они не постарели! А вот вследствие этого раз им повезло меньше.

Пытаясь вернуть время в докатаклизменную точку, Шувалов снова просчитался и «распараллелил» один из миров. Случаются и у гениев промахи...

А хуже всего было то, что они с Синельниковым (опять с ним!) чёрт знает почему угодили в поселок Заркау на Куршской косе.

Вот так — в чём были! Бац! - и они на какой-то узкой улочке, перед высоким домом с черепичной крышей!

Синельников быстро смекнул, что Шувалову не стоит оставаться в белом халате: их появление и без того привлекло к себе внимание нескольких человек, которые, кивая на них, стали переговариваться. Это были курсениеки, чье куршское наречие, близкое к латышскому языку, не смог бы понять ни немец, ни русский.

А хотя, что тут понимать? Аборигенам явно не понравились чужаки, и лучше всего было срочно исчезнуть.

Синельников потянул Шувалова в дом, дверь которого оказалась не заперта.

От порога дохнуло горьковатым запахом высушенных трав и ещё чем-то съестным. Посреди комнаты за столом сидел старик с закрытыми глазами. Судя по хлебу и остаткам пищи на тарелке, он только что закончил трапезу.

- Добрый день! — поприветствовал его Шувалов, но тот даже не открыл глаз. У него были — и только на висках - короткие седые волосы, крупное лицо, огромные руки, тяжело лежавшие на столе, и большая странность в поведении. Ни на один из заданных вопросов он не ответил и даже не открыл глаз.

А гостям важно было узнать многое, и главное — где они и какой теперь год?

Ещё только начиная свой второй эксперимент, Шувалов допускал, что теоретически такой исход, как частичное обрушение одного параллельного мира в другой, возможен, но даже теоретически он маловероятен. И вот!

Собственно, уже с первых секунд нахождения в этом незнакомом месте

он понял, что случилась роковая ошибка. Требовалось задать совершенно другие параметры процесса, и он даже знал теперь какие! Да что толку?!

Наказан... Наказан за гордыню! Не давала ему покоя слава Николы Тесла! Хотелось превзойти его по масштабности замыслов, по смелости их воплощения! Кем он себя возомнил? Богом?

Какая горькая ирония, но сейчас он для человечества, как Бог: только он может всё исправить!

Однако для начала нужно выбраться отсюда. А этот «истукан» молчит. Или языка не понимает, или глухой, или не в себе...

От отчаяния Шувалов даже перестал думать.

И тогда старик, не открывая глаз, сказал на чистом немецком:

- Вы - в поселке Заркау, что в десяти верстах от города Кранц, здесь живут курсениеки, а год у нас одна тысяча семьсот девяносто третий от рождества Христова. Хотите ворону?

- Что? — опешил Шувалов.

- Если вы голодны, могу предложить солёную ворону.

Старик вдруг открыл вылинявшие до прозрачности глаза и указал ими на тарелку перед собой.

- Нет, благодарим... - поспешил отказать Шувалов.

- Дело ваше, - сказал старик. — Идите спать, туда.

Он указал куда-то в конце комнаты, а сам, опираясь на стол, поднялся и, грузно ступая, направился к двери в другую комнату.

Там, куда указал хозяин, стояла деревянная кровать, на которой ученый и охранник уместились с трудом — «валетом».

«И на том спасибо старику!» - подумал Шувалов. Потом удивился: «Неужели они едят солёных ворон?» - и тут же заснул.

А пробуждение было кошмарным! Они с Синельниковым обнаружили себя... на какой-то площади, перед готической аркой, за которой высились костёл. Что произошло, почему они перенеслись в пространстве? — Шувалов не мог понять. Да и не время было ломать над этим голову!

Люди вокруг настороженно поглядывали на двух странных мужчин, и чувство опасности заставило Шувалова и Синельникова побыстрее убраться. Они затерялись в переулках и улочках и бродили долго, пока остро не захотелось есть.

На перекрестке стоял торговец хлебом — большой, полный мужчина с

красным лицом. Он разговаривал, видимо, с приятелем, и голос его звучал неожиданно высоко, почти по-женски, в то время как собеседника его было почти не слышно. Шувалов давно уже с удовлетворением отметил, что все горожане — а это был город Кёнигсберг - говорят на немецком языке.

- Две булки, пожалуйста, - сказал Шувалов и, сунув руку в карман, протянул продавцу первую попавшуюся монету — два евро!

Быстро соображающий Синельников попытался перехватить руку Шувалова, но опоздал: толстый продавец уже вцепился в никогда не виданные им деньги. Через секунду он возмущенно вскрикнул, а потом завизжал о том, что с ним попытались расплатиться фальшивой монетой. Продавец ухватил Шувалова за одну руку, его знакомый — за другую, подбежали прохожие...

Когда Шувалова вели в тюрьму, ни подле себя, ни в толпе Синельникова он не видел.

9. Скитания Синельникова

Характеристика капитана госбезопасности Евгения Васильевича Синельникова содержала такие строки: «хорошо ориентируется в сложной обстановке». Начальники, написавшие их, снова смогли убедиться в собственной правоте, когда Синельников «ушёл» вслед за своим подопечным «на запад».

Нет, ему не пришлось там «сдавать» агентуру и явки, поскольку он не владел никакой важной информацией, отчего и был совершенно бесполезен для принявшей его стороны. И вообще, ещё неизвестно, стали бы немецкие власти принимать перебежчика, не попроси за него Шувалов.

Почему он это сделал? Просто пожалел, представив, какое по его милости будущее ожидает Синельникова дома. И только. За короткий период знакомства у них не возникло ни взаимной симпатии, ни обоюдной неприязни (на каком общем поле могли бы они возникнуть?).

И вот тогда, когда один должен был возненавидеть другого, тот протянул ему руку. От этого жеста их знакомство не переросло в дружбу или хотя бы в přátельство, но между ними установились приветливые отношения.

Так и существовали они рядом, не слишком интересуясь друг другом, но неизменно перекидываясь парой слов при встрече.

И вдруг их мир растворился, а они оказались единственными неисчезнувшими его частицами!

Тогда, когда Шувалова схватили, Синельников вовсе не трусил, а сообразил, что, последуй он с ним за компанию в тюрьму, и Шувалову уже никто не поможет (да и ему тоже). Благоразумно исчезнув из толпы, Синельников направился на поиски поселка Заркау, решив, что называется, плясать от печки.

Целый день добирался он до Заркау на телегах, да подводах попутчиком добрых людей.

Была уже ночь, когда Синельников постучал в дом старика. Незапертая дверь отошла внутрь, и в уши Синельникова хлынул храп. Вдох и выдох старика одинаково мощно содрогали тишину. Он наощупь направился к кровати, приютившей их с Шуваловым минувшей ночью. Синельников натолкнулся на стол, и ему тут же захотелось есть - вся его пища со вчерашнего дня состояла из ломтя хлеба, которым поделился с ним один крестьянин на телеге в пути до Кранца. Пошарив по пустому столу и сообразив, что ему даже примерно неизвестно, где у старика могут храниться съестные припасы, Синельников злобно сглотнул голодную слюну. А потом... Конечно, такая мысль могла возникнуть только от отчаяния, но ей предшествовало, как бы готовя почву, появление в глазах Синельникова миски с груздями. В общем, когда возникла мысль о солёной вороне, она уже не казалась ему неприемлемой. Более того, она тут же нашла развитие: раз ворон солят, значит надо искать бочку!

Синельников уже достаточно хорошо освоился в темноте. Следуя вдоль стены, он набрел на закуток, завешенный тряпицей, из-за которой доносился искомый тяжёлый дух. Он отдернул её с одновременным шагом вперёд и... зажмурился от ударившего потока света. У него закружилась голова, словно этот поток подхватил его, а, когда всё остановилось, он увидел себя в том же закутке, перед пузатой, разошедшейся бочкой и узкой застеклённой дверью. Синельников осторожно выглянул в светившейся в ней день.

По общему виду знакомой улицы он определил, что это Заркау - и, тем не менее, получалось, что дом старика - какое-то вместилище колдовства, из которого раз от раза чёрт знает куда попадаетшь!

Дело было в том, что улица казалась ему знакомой лишь отчасти. Она насылала ощущение «дежа вю» своим изгибом, домами через дорогу, но

и выглядела совершенно чужой из-за высившихся над ними несуразно-больших, чопорных зданий. Очень уж они не соответствовали сельским постройкам, да и вообще своему времени.

Своему? А может, этот закуток или, точнее, жилище старика и есть переход из одного мира в другой?! Старик знает об этом и ничему уже не удивляется, вон, даже дверь не запирает...

У изгороди Синельников увидел мужчину и женщину, которые что-то обсуждали, поглядывая за забор. Мужчина был уже в возрасте, но сухощав, подтянут и не лыс, а только сед, женщина же - напротив, была молода. Из-за того, что стояла она боком, Синельников хорошо видел её стройную фигуру и мягкий профиль лица, как бы осенённый волной каштановых волос.

Надо сказать, Синельников никогда не упускал случая оценить женскую красоту. Но сейчас сделал он это вскользь, потому что внимание невольно сосредоточилось на одежде странной пары. А она была у них, как у современных людей, ну, то есть, как у людей из его мира!

Так и есть! Вот он - переход! Теперь только остается вызволить Шувалова из тюрьмы, а там уж пусть исправляет, что натворил!

Синельников дождался, пока мужчина и женщина уйдут, и через застеклённую дверь вышел из дома. Обернулся. За старым домом стоял другой, явно помоложе. Видимо, это он интересовал пару.

Продвигаясь по улице, Синельников увидел трехэтажное здание с вывеской: Отель «Куршская коса». Буквы были русские, и в мозг бросилась заполoshная мысль: если арестуют, то за измену родине лет двадцать дадут... Но через секунду Синельников опомнился: Советского Союза давно нет! Куршская коса - это Россия!

Чуть дальше он набрел на киоск с сувенирами из янтаря. За боковым стеклом киоска висела карта Калининградской области, оказавшаяся для Синельникова как нельзя кстати. На ней под названием каждого населенного пункта указывалось в скобках его прежнее немецкое имя. Таким образом, он узнал, что находится сейчас в посёлке Лесной, бывшем Заркау, а близлежащий городок Кранц зовётся теперь Зеленоградском.

Синельников полез в карман. На свет появилось несколько сложенных пополам банкнот евро, однако он и не думал предлагать их продавщице:

- Скажите, есть тут поблизости обменный пункт?

(Синельников был прекрасно осведомлен, что валюту в России можно свободно обменять на рубли, и в отличие от СССР, её хранение ненакадуемо).

- А вон там, за углом, - махнула киоскёрша и снова уткнулась в кроссворд.

Денег в кармане у Синельникова оказалось шестьдесят евро - три бумажки по двадцать - сущая ерунда. Получив за них причитающиеся по курсу рубли, он озадачился: много у него теперь денег или мало?

Вернувшись к киоску, купил карту, приценился к янтарным сувенирам - выходило, что немало, во всяком случае, он мог на них приобрести достаточное количество весьма изящных ювелирных вещей. Да только зачем они ему?!

В первом попавшемся ресторанчике попросил себе отбивную и пиво. Мгновенно поглотив заказанное и расплачиваясь, подумал, что денег всё-таки мало.

А ещё у него почему-то не шли из головы те янтарные сувениры.

Вскоре он понял, почему. Это пытался прорваться из глубин памяти - и неспроста! — сюжет когда-то виденного им русского фильма (как и все европейцы, он редко употреблял слово российский), главный герой которого, подобно самому Синельникову, обнаружил ход из настоящего в прошлое - в то самое прошлое, когда в советских магазинах можно было задёшево купить золотые и серебряные изделия (но народ по бедности не мог себе этого позволить). В общем, смекалистый герой, у которого в настоящем всё ехало вкривь и вкось, наладился таскать из прошлого ложки, вилки и колечки, успешно поправляя покосившуюся свою жизнь.

Как только этот сюжет выплеснулся в мозг, Синельников подставил вместо золота янтарь, и всё сложилось!

Потому что там, где теперь Шувалов, янтарь ещё не обесценен его промышленным производством! На нем можно сделать состояние... или с его помощью выкупить узника из заключения. Почему бы и нет? Конечно, если «там» в тюрьмычки идут исключительно высоко нравственные люди, то тогда «нет», но... Синельникову, побывавшему в том мире, он не казался сказочным.

Что ж, нужно начинать действовать прямо сейчас!

Синельников вернулся к киоску и на все оставшиеся деньги купил не-

сколько вещей - именно таких, чтобы было в них много янтаря и почти ничего от сувенира. Отдельно он предусмотрительно приобрел ещё янтарные «капельки» (продавались такие для подвесок) - себе на жизнь.

Всё верно рассчитал Синельников! В параллельной реальности янтарь стоил дорого. В этом он убедился, добравшись до Кранца, где на рынке предложил на продажу одну из «капелек». И директор тюрьмы не оказался человеком, болеющим совестью. А вот жадным - оказался. Того янтаря, что принес Синельников, было ему мало.

- Еще три раза по столько, - объявил хапуга.

Спасибо, хоть разрешил повидаться с Шуваловым.

Учёный находился в ужасном состоянии. Ожидание суда было настоящей мукой. Во-первых, он понимал, что суд ничем хорошим для него не закончится, во-вторых, он догадывался, что «ничем хорошим» - это тюрьма или каторга.

Ему было отлично известно: во все времена фальшивомонетчиков наказывали самым строгим образом, пытали и даже предавали смерти. Правда, он никогда не успевал додумывать эту мысль до конца, так как раньше застывала кровь и немел мозг.

День, когда он снова увидел Синельникова, показался ему одним из счастливейших в жизни, хотя с приходом последнего появилась всего лишь надежда на избавление от беды, но не само избавление. Впрочем, надежда выглядела вполне сбыточной, потому что в плане Синельникова не содержалось ничего невозможного.

Директор тюрьмы обещал отложить передачу дела Шувалова в суд - и это было хорошо, а нехорошо было то, как суетливо бегали его глазки, отчего напрашивался вопрос: является ли окончательной заявленная сегодня цена?

Однако сосредотачиваться на сомнениях, когда требовалось действовать, было глупо.

Шувалов предложил Синельникову поставлять отсюда для нумизматов прусские талеры, но Синельников не очень-то верил, что будет спрос на эти монеты - все-таки не древнегреческие драхмы. И вообще, насколько он понимал, у коллекционеров ценятся исключительно штучные экземпляры, а тут целая партия... Нет, не годилось, нужно было придумывать что-то другое.

С тем они и расстались: Синельников обещал найти способ раздобыть денег, купить янтарь и вызволить учёного из заточения, а Шувалов... Что ж, ему оставалось только ждать и не поддаваться унынию.

10. Кант и другие

Но как это было сделать, если прошли все приемлемые сроки, а Синельников так и не появился?

Снова в муки погрузился учёный, и тогда в его аду возник Кант.

Не всегда отчаяние обессиливает рассудок, случается, оно его обостряет в самую нужную минуту. Именно это и произошло с Шуваловым, когда он отважился обратиться к великому философу.

Рассказав о катаклизме и сдвиге миров, о своих с Синельниковым злоключениях, он взмолился перед Кантом - как перед единственным здесь просвещённым человеком - о помощи.

- Я прошу вас ради всего святого, - с жаром говорил Шувалов, - съездите в этот посёлок Заркау, отыщите там Синельникова, узнайте, что с ним?!

- Позвольте, но он же ведь отправился в ваш мир - добыть денег и купить янтаря. Это значит, что побывать мне надлежит не в Заркау, а в посёлке Лесной. Так ведь?

- Да, разумеется, простите, я не очень хорошо соображаю.

- А это значит, что мне для начала предстоит найти переход между нашими реальностями. Согласитесь, нелёгкая задача, если учесть, что в Кёнигсберге, сколько мне известно, никто это не практикует. Впрочем, есть у меня на примете один студент... любознательный... Надо бы с ним поговорить.

Студент, действительно, много знал, но, к великому огорчению Канта, не из области преподаваемых им наук. Профессор давно подозревал, что он числится в студентах, как говорится, для отвода глаз, а так занимается весьма тёмными делами. Впрочем, Кант предпочитал не вмешиваться в чужие дела, потому и был уважаем, в том числе студентом, который любезно передал профессору свои эксклюзивные знания, не взыскав с него ни талера.

И вот, добравшись до Заркау и выйдя на его окраине к морю в том месте, где растёт кривая сосна, он был охвачен порывом ветра и брызгами

дождя. Смахнув влагу с лица, Кант увидел перед собой каменную набережную и понял, что он в Лесном.

Войдя в поселок, философ растерялся: ему явно не хватало сведений о расположении нужного дома. Тогда он решил: ему поможет бургомистр. Кто лучше его знает всё о посёлке?

Что ж, читателю известно, чем закончилось знакомство Канта с главой поселковой администрации.

Восстановив силы, он навестил Шувалова, который сумел-таки припомнить некоторые облегчающие поиски детали, благо, сам профессор, побывав в Лесном, уже имел об этом месте некоторое представление. Но опять же, Шувалов Лесного не видел и называл ориентиры в Заркау, а много ли их сохранилось за триста лет? Словом, перед Кантом стояла задача, которую ни за что не решить, если не повезёт!

Но ведь повезло же!

Он сидел у нас дома, мы смотрели на его поднятый кверху палец и очень понимали, о чём он говорит:

- Это дело чрезвычайной важности, и вы не должны оставаться в стороне! - Кант опустил палец, помолчал. - Думаю, вам известно, что императив - это правило, которое содержит принуждение к поступку. Также полагаю, вы знаете, что бывают императивы гипотетический и категорический. Человек как явление подчиняется в своём поведении гипотетическому императиву, или принудительному велению получать удовольствия, материальные блага и тому подобное...

Мы с Лизой многозначительно переглянулись: нам читал лекцию сам великий Кант!

- Поведение же человека нравственного, достойного - человека как вещи в себе - подчиняется категорическому императиву, высшему моральному принципу, предписывающему совершать поступки, которые хороши сами по себе, безотносительно к какой-либо иной, кроме самой нравственности, цели. Поступай так, как ты бы мог пожелать, чтобы поступали все. Только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством. А теперь я хочу спросить: разве нравственно из-за того, что вы повстречали прекрасную женщину, обзавелись уютным домом, - словом, из обыкновенного стремления к счастью - забыть о долге?! Ответьте мне, господин Синельников!

Я опешил, Лиза застыла в недоумении.

- Вы ошибаетесь, - опомнился я, наконец. - Я не Синельников.

- Это правда, - подтвердила Лиза.

- Как же так?! - поразился в свою очередь философ. - Но эта улица и тот дом напротив, и этот, что стоит у изгороди, идеально соответствуют приметам, названным господином Шуваловым!

Кант вскочил и в волнении прошелся по комнате, потом вернулся на место.

- Я понял: вот где находится Синельников! - он указал на наш второй, старинный, дом. - Вы ведь там не живёте?

- Нет. И даже не бываем.

- Что вполне устраивает господина Синельникова, потому что он вовсе не ищет с вами встречи. Но нам-то будет интересно его послушать! Идёмте!

- Да кто такой Синельников? И Шувалов?

Сколь ни был возбуждён старик, всё же он отдавал себе отчёт, что необходимо ввести в курс дела. Вынужденный потратить на это время, он в процессе рассказа успокоился и больше уж ни в чём Синельникова заведомо не обвинял.

- Мало ли что могло с человеком случиться? В таких-то обстоятельствах! - посочувствовала Лиза Синельникову.

- Конечно, - согласился я. - И вообще, он, как может, пытается изменить ситуацию, у него, следуя вашему учению, с категорическим императивом всё в порядке. А вот Шувалов!.. Занесла его нелёгкая в тайны мироздания! Потешил свою гордыню!

- Он раскаивается, - примирительно сказал Кант. - Ему следует помочь...

- Не уверен! - сам того не ожидая, возразил я.

- Как?! - вскричал Кант. - Вы не хотите, чтобы всё вернулось в первоначальное состояние?!

Я взглянул на Лизу. Она сидела притихшая, опустив глаза, как бы поощряя меня, но и боясь помешать мне высказаться.

- Конечно, было бы хорошо вернуть мирам параллельность. Но у нас, в нашем мире, останется ещё одна проблема - люди уже приняли новую жизнь: смирились с утратами, освоились с приобретениями... И что теперь? Назад в прошлое? Тогда неплохо бы ещё лишить их памяти.

- Но каждый, - зазвучал Лизин голос, - должен был прожить, а не миновать во сне свою жизнь. Всю - от начала до конца. Так задумано Природой, и никто не смеет нарушать этот замысел. А гений, который смог изменить естественный порядок вещей, обязан его восстановить. И другого не дано.

Оказывается, Лиза не согласна со мной!

- Ну а память... - продолжила она. - Зачем же её отнимать у людей? Многие, когда вернутся к началу, уже не повторят сделанных ошибок.

- Вы великолепно сказали, сударыня! - восхищенно воскликнул Кант. - Надеюсь, теперь нет никаких возражений?

Я не ответил. У меня было плохо на душе, ведь я понимал: вернись всё назад - и Лизина беда никуда не исчезнет, потому что случилась она до катаклизма. Таков был ход событий, который уже не изменить! А что будет потом? Ну да, мы знаем, что будет после, но станем ли мы менять это «после»? Впрочем, в себе я не сомневался, а вот Лиза, скорее всего, поступит так, как поступила... И хотя в моих словах о новой жизни человечества была доля истины, на самом деле я не хотел возвращаться в прошлое, потому что мне было хорошо в настоящем. Да, надо мной довлел гипотетический императив, и я был сволочью!

- Что ж, как говорится, молчание - знак согласия, - заключил Кант. - Тогда на правах хозяев проводите меня к господину Синельникову.

- Да, конечно, - сказал я, и мы втроём отправились через сад в начало участка, где из опустившейся ночи проступал тёмный силуэт старого дома.

Кант очень внимательно посмотрел на фонарик, когда я его включил, но не стал тратить время на удовлетворение любопытства. Я вообще заметил, что старик особенно не отвлекался ни на какие необычные для него вещи, такие, например, как электрическое освещение или кофеварка (Лиза приготовила всем кофе, который Кант выпил с большим удовольствием). Кому как не ему было знать: каждому веку - свои открытия, вот и относился он к увиденному с истинно философским пониманием: занятно и только, потому что невозможно забрать с собой достижения будущего или распространить их в своём «несозревшем» времени.

Дом был пуст. Он давно уже спал, не просыпаясь, и, похоже, совсем забыл людей. В своем сне он смахнул карниз с окна, уронил пару венских стульев, придавил дверь в проеме, так что она едва открывалась, и ничья рука

не огладила его пыльных седин, не прибрала разметавшиеся повсюду нити паутины. Позаброшенный был старик... С удивлением я обнаружил на столе подшивку журнала «Работница» за 1957 год - интересно, сколько лет назад отсюда ушли люди? Хотя, с другой стороны, как-то нелепо интересоваться этим, когда за спиной у тебя стоит человек из восемнадцатого века.

Мы решили обойти дом снаружи. Лиза первой увидела узкую стеклянную дверь и взялась за ручку.

- Подожди нас, - сказал я, и через дверь мы прошли друг за другом.

В носдри тут же бросился какой-то тяжёлый солёный запах с примесью чего-то горького, лекарственного. Стало ясно: там, дальше, - жизнь.

И, действительно, стоило пройти несколько шагов, как мы увидели человека на кровати, обнажённого по пояс. Кожа его темнела множеством ссадин и кровоподтеков, над которыми склонялся старик, делавший примочки.

Невольно мы отпрянули назад, но человек с кровати сказал спокойно, по-русски:

- Не бойтесь. Вам ничего не угрожает.

У него были сильные плечи и широкая грудь, русая голова и очень светлые глаза, светлевшие на лице даже в тусклом пламене свечи.

Не мигая, они тянулись к Лизе.

- Что с вами? - наконец, спросил он. - Я видел вас с этим человеком, и вы не были такой.

- Была, - улыбнулась без смущения Лиза. - Наверно, я стояла к вам боком. Вот так.

- Простите, - скользнул он взглядом в сторону от Лизы.

- Ничего страшного. Каждому хочется задать этот вопрос. Но вы спросили меня первый. Когда-то я попала под машину.

- Нет, я просто решил, что вы тоже пострадали от рук этих грабителей, подумал о совпадении, простите... Хотя какое тут может быть совпадение? Когда это со мной случилось, вы находились в другом мире.

- В другом?

- Ну да. Здесь переход между мирами. Сейчас вы находитесь в Пруссии, в посёлке Заркау, а видел я вас в посёлке Лесном. Это одно и то же место с разницей во времени в триста лет. Вот почему я обратился к вам на русском.

- А вы, наверно, Синельников?

- Он самый.

Я едва переводил дух. Как-то неожиданно шагнули мы в восемнадцатый век, сразу же нашли того, кого искали, и теперь вот обыденно с ним общаемся.

А между тем старик, ухаживавший за Синельниковым, был молчалив и совершенно безучастен к нам. Так и удалился он, закончив процедуру, не произнеся ни слова.

Синельников же обратил взгляд на великого философа (из всех нас я был ему наименее интересен).

- Кант. Эммануил Кант, - представился ученый.

В ожидании реакции Синельникова мы с Лизой замерли.

На симпатичном его лице отразилось волнение памяти, а потом появилась приветливость от встречи с полузабытым именем.

- Однофамилец что ли? Мы в военном училище на марксистско-ленинской философии проходили Канта, тоже Эммануила. Только я уже ничего не помню.

- Это не однофамилец, - вступил я, наконец, в разговор. - Вам, Синельников, очень повезло.

- Да? - опешил он на секунду. - Хотя, конечно. Что угодно может быть... Я рад, - улыбнулся Синельников мягкой улыбкой.

Кант ответил наклоном головы и спросил:

- Итак, молодой человек, когда вы сможете встать на ноги? Ваш товарищ Андрей Шувалов очень озабочен вашим исчезновением. В силу обстоятельств я оказался единственным человеком, к которому он мог обратиться с просьбой разыскать вас, что я и сделал с помощью этих вот замечательных людей.

- Да я и сам извёлся. Представляю, какие мысли Шувалову лезут в голову. Но слишком уж сильно они меня помяли, рёбра до сих пор болят... Тут вот, недалеко, на окраине посёлка навалились. И поживились-то всего двумя бусинами янтаря... Я им тоже зубы пересчитал, но разве ж одному пятерых осилить? Еле живой сюда дополз. Спасибо Йохану - спас! Думаю, через пару деньков буду на ногах. Ну, а там найду работу, куплю янтарь...

- Послушайте, - перебил я его. - Вам незачем зарабатывать деньги. Я их просто дам. Так вы намного быстрее решите проблему.

- Просто дадите? — удивился Синельников. - Почему?

- Да хотя бы потому, что каждый должен жить в своём времени!

- Думаю, вам, господин Синельников, следует деньги взять, - поддерживал меня Кант. - Ведь они, в конечном счёте, принесут благо всем и, значит, даются не вам!

- Логично, - согласился Синельников и просиял.

У меня в кармане лежало несколько банкнот - я это помнил и был почти уверен, что денег хватит на покупку нужного количества искусственного янтаря, стоившего не слишком дорого. Я совсем успокоился, когда вынул деньги и из-под сложенных купюр выглянула, оранжево лизнув ладонь, купюра самого большого номинала.

- Должно хватить с лихвой, - протянул я её Синельникову.

- Ну что ж, - сказал Кант. - Я выполнил поручение господина Шувалова. Завтра же наведаюсь к нему, и мне будет, чем его обнадёжить. Благодарю, друзья мои, за понимание и содействие. Счастливы были познакомиться с вами.

- Вы уже покидаете нас? - обеспокоено спросила Лиза. - В такой поздний час, не опасно?

А кроме всего прочего, просто хотелось побыть ещё с этим замечательным стариком, оказавшимся добрым, благородным и обаятельным человеком.

- Не стоит, господин Кант, - также предупредил Синельников. - Вон тут как лютуют, дождитесь утра.

- Чего же ждать? Ведь мы сейчас в моём времени, не так ли? А умереть мне суждено в своей постели.

Кант улыбнулся:

- У меня была возможность заглянуть в вашу энциклопедию.

Он окинул нас всех взглядом и, повернувшись, позвал:

- Герр Йохан!

Прощайте, дорогой профессор!

11. Неожиданный поворот

Миновало несколько дней. В течение этого времени почему-то ни разу не приходило то ощущение, когда вдруг становится радостно, как на лугу, и, будто это не над цветками колышутся бабочки, а летают они в самой душе. Не знаю, летали ли бабочки у Лизы, а у меня точно - лимонницы.

Наверно, так накатывало счастье. А теперь какого счастья ждать? Только перемен. Которые редко бывают к лучшему...

Всё-таки хорошо жилось нам в нашем неведении! Воистину, прав Екклесиаст: многие знания умножают печали! Хотя мудрец более позднего времени сформулировал проще: меньше знаешь - крепче спишь!

Синельников появился вечером. Просто вышел из застеклённой двери старого дома и прошёл к столу, за которым мы с Лизой пили чай. Он был осунувшийся, серый.

«Ну да, - подумал я, - человек ещё до конца не оправился, а тут такое путешествие...»

Зачем я хотел спрятаться от мысли, которая возникла первой и которая как плод интуиции, а не разума, была единственно верной? Миссия его провалилась!

Проходимец-тюремщик потребовал другой выкуп. Причиной тому стал подслушанный им разговор, состоявшийся между Шуваловым и Кантом после возвращения последнего из Лесного. Негодяй хотел теперь жить в новом времени и иметь много денег. Когда Синельников назвал сумму, я даже присвистнул: примерно столько было у меня всего! Непостижимо, откуда взялась эта цифра?! А впрочем, - она же круглая, красивая... И всё-таки непомерно большая...

- Куда ему столько денег? - недоуменно посмотрел я на Синельникова.
- Он же просто не сможет ими распорядиться!

Синельников пожал плечами:

- Жадность... Да это не так уж и важно - денег всё равно нет...

- Ну а меньшая сумма его не устроит? - спросил я, замечая на себе Лизин неотступный взгляд.

- Я пытался торговаться. Без толку. «Ни гроша не уступлю», - говорит... Убить его, что ли? - после паузы тихо промолвил Синельников.

- Евгений Васильевич, что вы! — встревожилась Лиза. - Не берите грех на душу!

Он промолчал, но посмотрел на Лизу благодарными глазами.

- И что же дальше?

- Он сказал, что через двое суток Шувалов предстанет перед судом.

- Значит, ещё есть немного времени, - словно бы сама себя успокоила Лиза и улыбнулась гостю:

- Садитесь ужинать, переночуете у нас, а там видно будет...

Когда мы остались с Лизой наедине, я спросил:

- Хочешь, чтобы я заплатил этому негодяю? Понимаешь, что у нас не останется денег на твою операцию? У нас вообще ничего не останется!

- Да, понимаю, - Лизин взгляд - прямой, без обычной мягкости - пугал меня, потому что под ним моя надежда переубедить её неумолимо рушилась.

- Лиза, ради чего?

- Ты знаешь...

- Ну да, тебя ещё старик Кант поддержал... Лиза, милая, категоричский императив, гипотетический императив - это всё философия, а жизнь - далёкая от теории реальность...

- Да причём тут императивы! - воскликнула Лиза. - Просто нельзя по-другому!

Бескомпромиссность, неуступчивость, упрямство — в слишком крепкую стену я упирался, и мне впору было разозлиться на Лизу.

А я вдруг вспомнил, как она сказала после нашей первой близости: «Ну и что? Рано или поздно это всегда происходит между любящими людьми», и меня озарило: если Лиза считает что-то естественным, она этому следует безоглядно, не осторожничая, до конца отдаваясь всем своим щедрым, искренним сердцем!

Во мне будто что-то перевернулось. Ещё минуту назад её желание представлялось блажью, нелепицей, и я знал: немало найдется тех, кто за глаза назовет её дурой... Но, если тогда я бы им это спустил, то сейчас нашёл бы и дал в морду, потому что Лиза - необыкновенная, замечательная, единственная на миллион!

Впрочем, они и меня посчитали бы законченным дураком...

Лиза поняла, какое я принял решение.

- Знаешь, почему ещё это нужно сделать? - обняла она меня. - Я не хочу, чтобы ты умер, а я потом долго жила без тебя. Я хочу состариться вместе с тобой...

- Так ты не исчезнешь из моей жизни? Ну, после...

- Нет, конечно. Всё будет по-другому...

В эту ночь мы почти не спали, а утром я объявил Синельникову, что выкуп состоится. Тот чуть не присел мимо стула.

- Гена, ты в своем уме?!

- Давай лучше обсудим техническую сторону вопроса.

Но только через несколько минут Синельников смог прийти в себя и начать логически рассуждать.

Решено было доставить тюремщика сюда и открыть ему счёт на требуемую сумму: не тащить же два чемодана современных денег из Заркау в Кёнигсберг! Хотя пройдоха, скорее всего, виртуальные деньги не возьмёт, а потребует наличность. Тогда придется всё-таки покупать два чемодана и заявлять банку о получении огромной суммы, что, конечно, не противозаконно, но подозрительно, а привлекать к себе внимание нам было ни к чему.

- Может, выдать ему часть наличными - пусть купит что-нибудь, убедится, что они не фальшивые, а часть перевести на счёт - и пусть тоже убедится, что со счёта выдаются такие же деньги.

- Дельно, - согласился я с Синельниковым. - Ты, главное, его убеди, что он здесь необходим в любом случае. И чёрт с ним, пусть десять раз перестрашует, никто его обманывать не станет.

- Точно не станет? - блеснули у Синельникова глаза. - Я бы...

- Нет, Женья, слишком многим мы рискуем... И ещё. Как я понимаю, при благополучном исходе дела вы с Шуваловым окажетесь здесь?

- Да. Другой переход нам неизвестен.

- Отлично! Очень уж мне хочется посмотреть на этого... экспериментатора...

- Он не нарочно...

- Всё равно хочется... Ты не волнуйся, я просто с ним поговорю.

- Ладно, мне пора. Ждите завтра. Надеюсь, с пройдохой. Его, между прочим, Иоахим Вебер зовут.

12. Верный расчет

Роста небольшого, упитанный, лысый, криворотый, с голым лицом - именно голым, то есть когда неприятно от неприкрытости, а у него ни усов, ни бороды, - таким был Иоахим Вебер.

Синельников сказал, что по-немецки «вебер» - это ткач.

Так вот «ткач» решительно оборвал нить интриги, потребовав наличных денег в самый короткий срок. Он не может больше ждать. И чтоб ни-

каких уловок! А каторга герру Шувалову уже обеспечена. Туда же может последовать и герр Синельников.

Тем не менее, как всякий прохвост, Вебер оказался человеком рациональным и сообразил, что за деньгами ему придётся явиться лично и в том нет никакой уловки.

В результате он стоял перед нами, а Шувалов под охраной двух головорезов находился в доме Йохана, ожидая своей участи: или его выпустят через застеклённую дверь на свободу, или... Мы знали, что директор тюрьмы уже внёс его в списки умерших от болезни, так что путь назад в тюрьму ему был заказан.

На то, чтобы реализовать план Синельникова по виртуально-наличной передаче денег ушёл целый день. Вебер, оказавшись в новом для себя мире, останавливался на каждом углу с изумлёнными глазами, но со временем он всё же сумел сосредоточиться на деле. В конце концов, негодяй остался доволен - его не провели!

- Теперь, как бы он нас не провёл, - сказал Синельников, - Собирайся, Гена, к Йохану пойдём. Он нам на всякий случай топоры приготовил: может, отбивать придётся Шувалова!

Я изумлённо посмотрел на Синельникова.

- Ладно, пошутил я... Насчёт топоров. Пока мы заняты были, Лиза купила по моей просьбе вот это, - он показал два газовых баллончика. - Держи. И будь, как пионер, готов!

Негодились, слава богу, баллончики! С саквояжем в руке и пластиковой картой в кармане Вебер отбыл восвояси. Ни он, ни его головорезы даже не взглянули на Шувалова.

Но мне Вебер что-то сказал напоследок.

- До встречи, - перевёл Синельников.

Лизу, как и меня, не впечатлил облик Шувалова - «злого гения». Совсем ничего демонического...

Нелепые стереотипы живучи даже в разумной среде. Вот и мы ожидали обнаружить у этого, несомненно, великого ученого какую-то необычную внешность. В Наполеоне и Ленине не было ничего мефистофельского, а товарищ Сталин и вовсе выглядел таким приятным усатым мужичком. Всё это всем давно известно, а вот, поди ж ты...

Ко всему ещё Шувалов казался заторможенным, как бы слегка не в

себе. Оно и понятно, сколько человеку выпало существовать между надеждой и отчаянием, а напоследок ещё и побывать между жизнью и смертью! Разговаривать с ним сейчас не имело смысла.

Однако ночи ему хватило, чтобы прийти в себя. Утром он был бодр и радостен, то есть, как и следовало ожидать, - счастлив. Он даже, чёрт возьми, поглядывал на Лизу горящим взглядом - ну да, как же молодую женщину не втянуть в сферу своего счастья!

Сфера эта несколько сузилась после разъяснения, что Лиза - моя жена. Затем я решил перейти к разговору о главном.

Поначалу мне было никак не пробиться к цели через поток благодарностей в мой адрес, однако на фразе Шувалова «я навеки ваш должник» мне удалось перехватить инициативу.

- Ловлю вас, Андрей, на слове! Я хочу вас кое о чём просить... Вы можете вернуть человечество не в девятое апреля, а на день раньше?

- В принципе это возможно, но я не хотел бы этого делать. Получается, что я не исправляю своё ошибочное вмешательство в течение времени, но снова в него вмешиваюсь!

- Но вы же мой должник! Или такой перенос — ну, на день — может быть чем-то чреват?

Из ответа Шувалова я усвоил лишь то, что люди вначале ничего не поймут, не вспомнят, откуда они, и проживут этот прожитый когда-то день заново. Память начнет возвращаться после, начиная с девятого апреля и не ко всем сразу - как это мы уже «проходили»... Но если тогда шок поразил каждого, кто взглянул в зеркало и увидел там незнакомого себя, то теперь... Кто же не знал самого себя в молодости? В общем, будут люди, словно бы в явственном сне о прошлом... Как-то так, если я ничего не напутал.

- Но зачем вам это нужно?

- Вы же видели, что у Лизы с лицом. Так вот, всё произошло вечером восьмого апреля: она побежала в булочную и попала под автомобиль. За несколько часов до этого мы были вместе, у неё дома... Слушали радио - «Сказку о потерянном времени». Помните, радиопостановки для детей делали? Потом я ушёл, а с ней вот что случилось...

- Так вы детьми тогда были?

- Почти, - ответил я (не рассказывать же ему обо всем, что происходило в тот вечер!).

- Мне очень жаль. Правда! Но чтобы отвести беду, нужно знать, что она случится, а вы, как и все, не будете помнить будущего.

- И никто не сможет меня, ну, как бы разбудить, предупредить? Вы, например?

- Я? - Шувалов задумался. - Действительно, в прошлый раз я не подвергся никакому воздействию. Видимо, и теперь будет так же, но что это даст? Вы - в Москве, я - в Мюнхене. Телеграмму мне вам высылать, что ли? Так она, боюсь, опоздает. А иначе как? Ни Интернета, ни мобильной связи...

- А вы позвоните! Лизе позвоните! Телефон К-7... - и я запнулся, с ужасом осознав, что не помню номер её телефона!

Каково же было мое отчаяние, когда выяснилось, что и Лиза его тоже не помнит.

- Да зачем тебе? - удивлялась, не будучи в курсе дела, она.

(Я специально, чтобы не вселять понапрасну надежду, оставил её в неведении насчет своих усилий изъять из прошлого коварный, нелепый случай).

- Лизонька, умница, ну вспомни!.. К-7...

- Не К-7, а К-4...

Нет, все было зря - выпал номер из памяти в пустоту!

Наверно, каждому приходилось сталкиваться с усмешкой Бога (или капризом судьбы), когда что-то очень важное не происходило из-за мелочи, ерунды!

Подобно тому, как полководец проиграл битву, съев накануне пару немых вишен, отчего полем брани стало для него отхожее место, так и я из-за сущего пустяка проиграл важнейшее в своей жизни сражение. Полководца подвела севшая на вишню муха, меня - зазубрина в памяти (моей и Лизиной).

Вечером у нас был прощальный ужин - мы провожали Шувалова и Синельникова домой (уму непостижимо, как успел Синельников оформить все необходимые документы!) Вспоминали Канта. Нам, действительно, очень повезло: встретиться с таким замечательным человеком - большая редкость! Особенно был благодарен ему Шувалов, но, в принципе, ему должно было быть благодарно всё человечество. Ещё Шувалов говорил о том, что, оказавшись в своей мюнхенской лаборатории, он сразу же возьмётся за работу, и в самое ближайшее время миры снова станут парал-

леньными и исчезнет разрыв времени, а далее он обратится к совершенно другой области науки, где ошибки не приводят к глобальным катастрофам.

«И не дай всем нам бог, чтобы его место занял какой-нибудь более тщеславный гений» - подумал я и предложил выпить за счастливое человечество. Потом пили за мир во всём мире, за дружбу народов, - в общем, в ход пошли лозунги из нашего советского прошлого.

Лиза рассмеялась:

- Так вы и до «Слава КПСС!» дойдёте, - и оба гостя на минуту погрустнели.

Когда настала пора расставаться, Шувалов приобнял меня:

- Ген, я тебе главного не сказал: таких как ты, наверно, больше не сыскать...

- Что ты, Андрей?! Это не про меня, это про Лизу... А таких, как я, - полно! Мы всегда свой интерес блюдём. Над нами довлеет, как учит старик Кант, гипотетический императив. Я вон даже из предстоящих событий пользу пытался извлечь.

- А ты не отчаивайся, может, я что-нибудь и придумаю...

«Ага... Что-нибудь... Тут даже твой гений бессилен!» - беспощадно констатировал я, а вслух сказал:

- Ну, придумай...

13. Ожидание

Всё. Они уехали. Нам осталось ждать. Без сроков, без вестей, но с роем самых разных мыслей.

Однажды мне подумалось, что ничего не произойдёт... Почему-нибудь не случится. И значит, всё было зря. У нас с Лизой закончатся деньги, - нет, не так, конечно, скоро, потому что у меня кое-что всё-таки осталось, но ведь закончатся - и придётся возвращаться в Москву...

- Ну и что? - бодро спрашивала Лиза. - Пойдем работать, будем жить... Ведь нас никто не разлучает! Что же тебе ещё нужно?

Я веселел, когда Лиза так со мной разговаривала. И какого же счастья мне ещё желать, когда оно и так рядом!

Со временем я догадался заглядывать за ту самую стеклянную дверь: ведь даже по воздуху - горячему, если там дальше жизнь, или затхлому, если дальше пустота, можно было понять, закрылся переход или нет.

Однажды мы встретили на улице богача Иоахима Вебера. В сопровождении своих головорезов он чинно нёс на лысине завитой парик, и глаза его живейшим образом выражали расчёт поразить своими великолепными одеждами этот не пойми какой народец, существующий, по его убеждению, без ума и смысла. Невероятно, они отказывают себе в удовольствии надевать расшитый бархатный камзол, жабо тончайшего шелка, белоснежные чулки, и вместо всей этой роскоши носят какие-то легкомысленные, неблагородного вида платья.

Народ, и в самом деле, глазел на Вебера, но не с восхищением, а сожалая, что в их мире появился ещё один глупый богач.

Увидев меня, он подчеркнуто небрежно, но всё же первый приветственно кивнул, отлично сознавая, что иначе - с чего бы вздумалось мне с ним здороваться.

А я в ответ рассмеялся громким смехом, так что с Вебера вмиг слетела его величавость. Мой смех подхватили другие прохожие, и, ставший жалким, бывший тюремщик поспешил скрыться за углом. А он так желал этой встречи!

В тот же день я приоткрыл дверь, и на меня не дохнуло жилищем старика Йохана, на меня знакомо взглянуло запустенье, царившее в нашем старом доме.

Шувалов развел миры! Теперь они были снова параллельны! Значит, не напрасны ожидания, и главное событие всё-таки произойдёт!

Я долго не мог уснуть, а Лиза, напротив, спокойно подрёмывала под боком, изредка отзываясь на мои вопросы.

Мне вдруг пришла мысль о Вебере.

- Лиз, так он, получается, здесь застрял?

- Получается...

- А что же с ним будет, когда мы вернёмся в наше прошлое? Его-то там не было! Исчезнет?

- Не злорадствуй... Что будет, то и будет... Давай уж, милый, спать!

14. Эпилог

Мы сидели у Лизы дома и слушали радиопостановку «Сказка о потерянном времени». Известная сказка для детей младшего и среднего возраста. Чего ж Лизка так заслушалась? Не шелохнётся!

Хотя, вот - только что губы облизнула. Язык спрятала и на секунду их поджала, а потом они, и без того пухлые, выпятились ещё больше и покраснели.

И снова сидит, не шелохнётся!

Лицо немного порозовело. Оно у нее красивое, уже по-женски красивое, то есть не по-девчоночьи, не по-девичьи. И грудь тоже уже потяжелела, налилась, вон, как блузку распирает, не то, что «фиги» её подружек. Эх, так бы Лизку всю и съел! Когда же эта сказка кончится?

Всё, дождался! Добро торжествует, зло наказано!

- А теперь, дорогие радиослушатели, перед вами выступит доцент кафедры... - зазвучало из репродуктора.

Я обнял Лизу сзади, неожиданно. Обнял, пока она ещё сидела, чтобы мне было легче добраться до её губ, а ей труднее защититься от меня. Хотя всё могло обойтись и без сопротивления. Тут не угадаешь... Но сегодня, кажется, мой день!

Лиза мягко сказала: «Дай мне встать». Подставляя губы, она обвила мою шею руками, и я почувствовал её тело от груди до коленок, а потом...

В уши властно вошёл голос из репродуктора, который я до этой секунды просто не слышал.

Удивительно, но голос этот казался знакомым!

- Ошибочность воззрений Эммануила Канта заключается ещё и в том... - говорил голос. - А его взгляд на человека через призму гипотетического и категорического императивов представляется не чем иным...

«Кант, Кант, Эммануил Кант...» - крутилось в мозгу...

И, наконец, я вспомнил!

И Канта, и голос, который был голосом Шувалова! Я вспомнил всё!

Но как ему удалось?! Эта лекция на радио... Хотя, он же гений!

Видно, на лице моём отразилась такая значительная перемена, что Лиза отшатнулась.

- Что с тобой?

- А? - отрешённо переспросил я, начиная, впрочем, направляться мыслью в нужную сторону.

Я быстро сообразил.

- Лиз, есть захотелось. Страшно! Дай какой-нибудь бутерброд.

Она немного обиженно пожала плечами и пошла к холодильнику, находившемуся по обычаю того (этого?) времени прямо в комнате.

Лиза отрезала любительской колбасы, открыла хлебницу.

- А хлеба нет, - сказала она. - Так будешь?

Этого я и ждал!

- Без хлеба не могу... Да я сейчас сбегаю. Одна нога здесь, другая там.

В булочной я купил два батона по тринадцать копеек и буханку чёрного за восемь.

А потом было всё. Всё, как и раньше, 8 апреля 19... года!

Ночью я почти не спал и ранним утром схватился за трубку.

- Генка, ты что звонишь в такую рань? - с замиранием сердца услышал я Лизин голос.

- Сказать, что люблю.

- Вот чудной! Я ещё сплю...- Помолчав, добавила:

- И тоже люблю...

Лиза повесила трубку.

Я улыбнулся.

Впереди была целая жизнь!

Содержание

Мясницкая, напротив Почтамта	5
Ошибка	72
Душный вечер	87
Превратности судьбы	100
Солнечный блик	116
Открытие	119
Трудное счастье Чагина	140
Императив	168

Книжная серия «Библиотека Русского географического сообщества» (Пензенское отделение)

Юрий Анатольевич Быков
«География времени»

Главный редактор: Александр Чистяков
Генеральный продюсер: Никита С. Митрохин
Корректурa: Александра Полянская
Дизайн и верстка: Алена Фомина

Издательство: НАП и СМИ «Русский литературный центр»
143423, МО, Красногорский район, пос. «Истра», д. 20.
Торговое представительство «Книжный ряд»
119019, Москва, Никитский б-р, д.8а.

Отпечатано:

По вопросам распространения обращаться:
по электронному адресу info@litagency.ru
по телефону +7(495)535-09-72

Подписано в печать: 10.07.2016

Выпуск книги: 13.10.2016